

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

**СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

Распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International
(«С указанием авторства 4.0 Всемирная»).

Описание и полный текст лицензии доступны по адресу
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

СБОРНИК ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ

**МОСКВА
2026**

ББК 63.3(0) 62
УДК 94(100)«1939/1945»
В 87

Серия
«История России»

Отдел истории

Ответственный редактор –
канд. ист. наук *И.К. Богомолов*

Редактор-составитель –
канд. ист. наук *М.М. Минц*

Вторая мировая война: современная зарубежная историография : сборник обзоров и рефератов / ИНИОН РАН, отдел истории ; отв. ред. И.К. Богомолов ; ред.-сост. М.М. Минц. – Москва, 2026. – 245 с. – (История России).

ISBN 978-5-248-01153-7

В сборнике анализируются основные тенденции развития зарубежной историографии Второй мировой войны. В работе задействованы книги и статьи, изданные за рубежом и посвященные военным, политическим, социальным, культурным, экономическим аспектам истории войны 1939–1945 гг. Помимо «традиционных» театров войны и основных ее участников составители сборника обращают особое внимание на военно-политическую, экономическую, культурную историю стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки и Южной Америки в годы Второй мировой войны.

ББК 63.3(0) 62
УДК 94(100)«1939/1945»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
<i>Эккель Я.</i> Поворотные годы: Вторая мировая война в истории двадцатого века (Реферат)	11
<i>Голуб Г.</i> Орел и лев: переоценка англо-американского стратегического планирования и основания большой стратегии США во Второй мировой войне (Реферат)	17
<i>Холмила А.</i> Парламент и пресса: формирование концепции Объединенных наций в Британии периода войны, 1939–1945 (Реферат).....	21
<i>Гузаеров Р.И.</i> Турция и Великобритания во Второй мировой войне (Обзор).....	25
<i>Бабенко О.В.</i> Советско-польские отношения 1939–1945 гг. (по материалам журнала <i>Przegląd Wschodnioeuropejski</i> 2022–2024 гг.) (Обзор)	40
<i>Фолли М.</i> «Они относятся к нам без особого уважения»: гордость и предубеждение в британо-советском военном сотрудничестве в период Второй мировой войны (Реферат).....	49
<i>Пиффер Т.</i> Большая тройка союзников и европейское сопротивление: разведка, политика и происхождение Холодной войны, 1939–1945 гг. (Реферат)	56
<i>Фритше М.</i> Пространства соприкосновения: отношения между оккупантами и жителями оккупированных территорий в Норвегии во время Второй мировой войны (Реферат)	64
<i>Фонци П.</i> По ту сторону границ: итальянская оккупация во время Второй мировой войны (1939–1943) (Реферат)	69
<i>Рибер А.Дж.</i> Бури над Балканами во время Второй мировой войны (Реферат).....	79
<i>Хафф Г.</i> Вторая мировая война и Юго-Восточная Азия: экономика и общество в условиях японской оккупации (Реферат).....	83

<i>Петрухина Д.В.</i> Рец. на ст.: <i>Помечко А.</i> «Никогда не поздно бороться за свою семью и нацию»: попытки «белорусизации» солдат в вооруженных формированиях, спонсируемых Германией, 1941–1944 гг.	88
<i>Холтсмарк С.</i> Импровизированное освобождение, октябрь 1944 г.: Петсамо-Киркенесская операция и Красная армия в Норвегии (Сводный реферат).....	93
<i>Дунаева Ю.В.</i> Рец. на кн.: <i>Хасс Дж.К.</i> Страдание и выживание в годы войны: условия жизни людей в блокадном Ленинграде, 1941–1944 гг.	96
<i>Бельски Н.</i> Встречи эвакуированных в советском тылу во время Второй мировой войны (Реферат).....	105
<i>Апанасенок А.В.</i> Как «чужая» война стала «своей». Рец. на кн.: <i>Дэвис В.</i> Центральная Азия во Второй мировой войне: влияние и наследие борьбы за Советский Союз	111
<i>Роджерс Дж.</i> Единственный уцелевший деревянный дом в Сталинграде: «Русский комментарий» Александра Верта на BBC во время Второй мировой войны (Реферат).....	119
<i>Итон Н.</i> Немецкая кровь, славянская земля: как нацистский Кёнигсберг стал советским Калининградом (Реферат)	123
<i>Холл К.Т.</i> «Процессы пилотов»: в поисках правосудия за акты Lynchjustiz в отношении американских летчиков во время Второй мировой войны (Реферат).....	134
<i>Харрисвилл Д.</i> Добродетельный Вермахт: создание мифа о немецком солдате на Восточном фронте, 1941–1944 гг. (Реферат)	139
<i>Миц М.М.</i> Евреи во Второй мировой войне (Обзор).....	153
<i>Клэри Д.Ч.</i> Забытые ученые Второй мировой войны (Реферат) ..	160
<i>Дедеринг Т.</i> Немецкие «враждебные иностранцы» в лагерях для интернированных в Южной Африке во время Второй мировой войны (Реферат)	166
<i>Папалия Дж.</i> Итальянская «пятая колонна» в Австралии: фашистская пропаганда, итало-австралийцы и интернирование (Реферат).....	171
<i>Цзоу Цзунжуй.</i> Образование в лагере: лагеря для интернированных и школьный опыт американцев японского происхождения во время Второй мировой войны (Реферат)....	176
<i>Опрел М.</i> Категоризация. Классификация. Конфискация: обращение с гражданами враждебного государства в Нидерландах после Второй мировой войны (1944–1967) (Реферат)	180

<i>Большакова О.В.</i> Женщины во Второй мировой войне: современная зарубежная историография (Обзор)	185
<i>Хайтан У.</i> Женщины под землей: уголь и колониальное государство в Индии во время Второй мировой войны (Реферат).....	204
<i>Айерс О.</i> Джим Кроу и Джон Булль в Лондоне: раса и нация в трансатлантическом контексте в период Второй мировой войны (Реферат).....	209
<i>О'Коннелл К.</i> Римские каникулы? Афроамериканцы и итальянцы во Второй мировой войне (Реферат)	213
<i>Смит Дж.П.</i> Раса и гостеприимство: «цветные» воинские подразделения союзников в южноафриканском тылу во время Второй мировой войны (Реферат).....	217
<i>Литтлвуд Д.</i> Воинская повинность в Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и Канаде во время Второй мировой войны (Реферат).....	222
<i>Якобелли П.</i> Японская разведывательная сеть в Чили во время Второй мировой войны (Реферат).....	224
<i>Гловер Н., Арнберг Л., Коттрелл-Сандевалл Ф.</i> Формирование потребительского патриотизма: мобилизующая роль Рождества в Швеции во время Второй мировой войны (Реферат).....	228
Избранная библиография.....	234
Сведения об авторах.....	243

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Круглые» годовщины крупных исторических событий – понятие довольно условное, но для специалиста по историографии это хороший повод оглянуться назад и оценить результаты и общее состояние исследований по соответствующей тематике за последние годы. Кроме того, приближение такой годовщины само по себе нередко становится стимулом для исследователей и сопровождается выходом большого количества «юбилейных» публикаций, анализ которых также представляет немалый интерес. В ИНИОН РАН уже выходили сборники рефератов и обзоров, приуроченные к тем или иным «круглым датам», связанным с историей Второй мировой войны¹. Сегодня, в год 80-летия ее окончания, мы представляем вашему вниманию новый «срез» литературы по данной теме.

В отличие от предыдущих двух сборников, мы решили не ограничиваться историей Восточного фронта и посчитали важным показать Вторую мировую войну как по-настоящему глобальный конфликт. Публикации о советско-германском противоборстве составляют, разумеется, существенную часть использованной литературы, однако большинство материалов настоящего сборника – это рефераты и обзоры публикаций, авторы которых исследуют ситуацию в оккупированной Европе и в странах Юго-Восточной Азии, отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции и многие другие вопросы – вплоть до влияния войны на положение в нейтральных странах. В то же время, как и в сборнике 2015 г., выпущенном к 70-летию Победы, мы почти не затрагиваем «классическую» историю боевых действий, вооруженных сил и военного искусства, поскольку их методологические основы

---

¹ Начало Великой Отечественной войны: современная историография: сборник обзоров и рефератов / отв. ред. М.М. Минц. – Москва: ИНИОН РАН, 2011. – 160 с.; Великая Отечественная война в современной историографии: реферативный сборник / отв. ред. М.М. Минц. – Москва: ИНИОН РАН, 2015. – 182 с.

общеизвестны и со временем почти не меняются. Вместо этого значительное внимание в сборнике уделяется работам, написанным в рамках «новой военной истории» и охватывающим такие вопросы, как экономические и социальные аспекты глобального конфликта и его «человеческое измерение» – опыт рядовых военнослужащих, жителей тыловых регионов и оккупированных территорий и т.д. Кроме того, мы принципиально не используем здесь публикации на русском языке, с доступом к которым у отечественного читателя не должно возникнуть проблем. Так что данный сборник полностью посвящен зарубежной историографии, чтобы позволить коллегам оставаться в курсе новейших тенденций и работ в мировой науке.

В ходе работы над данным сборником нам удалось выявить свыше ста зарубежных публикаций по истории Второй мировой войны, увидевших свет в 2020–2025 гг., – главным образом на английском языке, поскольку литература на других языках гораздо хуже представлена в Интернете и в целом не очень доступна. При подготовке материалов для сборника была использована лишь часть из этих текстов, поскольку полноценный историографический анализ всей выборки представлял собой явно непосильную задачу. В число этих работ вошло несколько книг, приобретенных в 2024 г. Фундаментальной библиотекой ИНИОНа. Полный список выявленных публикаций представлен в разделе «Избранная библиография». На этот же список даются внутритекстовые отсылки в обзорах.

Большую помощь в работе над сборником нам оказали студенты исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, проходившие практику в ИНИОНе. В сборник вошло 12 подготовленных ими рефератов.

Выявленный массив литературы оказался чрезвычайно разнородным, так что большую часть данного сборника составляют именно рефераты, а не обзоры. Тем не менее среди представленных материалов можно выделить несколько тематических блоков.

Открывает сборник реферат статьи Я. Эккеля «Поворотные годы», подготовленный И. Е. Эман. В статье анализируются научные дискуссии о месте Второй мировой войны в истории XX столетия; рассматриваются основные подходы, встречающиеся в литературе.

Ряд материалов посвящен международным отношениям в годы войны. Англо-американский блок рассматривается в статье Г. Голуба (реферат А.Ф. Савченко). В статье А. Холмилы (реферат А.Ф. Савченко) анализируется процесс обсуждения новой между-

народной системы (будущей ООН) в публичном дискурсе Великобритании между 1939 и 1945 гг. Автор отмечает, что британский парламент, несмотря на имеющиеся ограничения, мог оказывать давление на внешнюю политику правительства, через дебаты задавая дискурсивное поле важных для депутатов вопросов, требующих законодательного внимания. Англо-турецким отношениям посвящена подборка статей, опубликованных в 2021 г. в специальном выпуске «Журнала балканских и ближневосточных исследований»; подробный анализ этих статей представлен в обзоре Р.И. Гузаерова. В обзоре О.В. Бабенко рассматриваются советско-польские отношения в 1939–1945 гг. на материале исследований польских историков. В статье М. Фолли (реферат Е.Н. Емельяновой) описывается деятельность британской военной миссии в СССР.

Следующий тематический блок образуют материалы по истории оккупированных территорий. Взаимодействие союзников (прежде всего Великобритании и СССР) с европейскими движениями Сопротивления исследуется в монографии Т. Пиффера (реферат Т.М. Фадеевой). Отношения между немецкими военнослужащими и жителями оккупированной Норвегии описываются в статье М. Фритше (реферат Ю.П. Игнатовой). Итальянский историк П. Фонци в своей книге анализирует оккупационную политику Италии вплоть до ее капитуляции в 1943 г. – тему, которая еще лет 20 назад находилась на периферии исследований Второй мировой войны (реферат И. Е. Эман). Два других исследования посвящены социально-политическим процессам периода оккупации в Балканском регионе (монография А.Дж. Рибера, реферат М.О. Сундуковой) и странах Юго-Восточной Азии (книга Г. Хаффа, реферат Е.А. Буздалиной).

На стыке разделов об оккупированных территориях и о войне на Восточном фронте находится рецензия Д.В. Петрухиной на статью А. Помечко о прогерманских коллаборационистских группировках на территории Белоруссии. Далее следует сводный реферат двух статей С. Холтсмарка, анализирующего историю Петсамо-Киркенесской наступательной операции 1944 г. и ее политический контекст (реферат М.М. Минца). Прочие материалы посвящены главным образом «человеческому измерению» войны. В монографии Дж.К. Хасса анализируются социальные практики выживания в блокадном Ленинграде; Ю.В. Дунаева в рецензии на эту книгу особо отмечает проделанный исследователем «масштабный социально-исторический анализ условий и обстоятельств жизни в блокадном Ленинграде в сочетании с философскими рассуждениями

автора о природе добра и зла, о способности сохранять человеческое достоинство и проявлять гуманизм в условиях нечеловеческих испытаний». Эвакуация населения из прифронтовых районов СССР в Среднюю Азию и другие регионы страны рассматривается в книге Н. Бельски (реферат Д.В. Петрухиной). Автор показывает прежде всего социокультурное столкновение эвакуированных с местными жителями, ежедневно происходившее в течение всей войны. Тему вклада среднеазиатских республик в победу над Германией продолжает исследование В. Дэвис; рецензию на ее монографию подготовил А.В. Апанасенок. Журналистские репортажи А. Верта с советско-германского фронта анализируются в статье Дж. Роджерса (реферат Е.А. Буздалиной). Наконец, в монографии Н. Итон описывается история Кёнигсберга, главным образом после Второй мировой войны, когда он вошел в состав СССР и был переименован в Калининград (реферат А.В. Апанасенка).

Истории Германии во Второй мировой войне посвящены еще два материала. В статье К.Т. Холла «Процессы пилотов» описываются случаи самосуда над английскими и американскими летчиками, сбитыми над германской территорией. Миф о «добродетельном Вермахте» в послевоенной исторической памяти немцев анализируется в монографии Д. Харрисвилла. Рефераты обеих работ подготовил А.Е. Медовичев.

В обзоре М.М. Минца рассматривается ряд англоязычных исследований, посвященных судьбам евреев в годы Второй мировой войны, включая как историю Холокоста, так и участие евреев в европейском движении Сопротивления, а также опыт беженцев и положение евреев в послевоенные годы. Тему жертв войны продолжает книга Д.Ч. Клэри «Забытые ученые Второй мировой войны» (реферат И.Д. Худякова), представляющая собой подборку биографий 30 ученых различного профиля, переживших войну или погибших в ходе нее. С другой стороны, целый ряд статей посвящен репрессивным практикам, с которыми столкнулись граждане стран Оси и лица с соответствующими этническими корнями, проживавшие в странах антигитлеровской коалиции: японцы – в США, итальянцы – в Австралии, немцы – в Южной Африке и в послевоенных Нидерландах (рефераты В.В. Петрова, М.С. Журбина, А.Н. Никитюк и Е.А. Буздалиной).

Подробный обзор О.В. Большаковой посвящен современной литературе о положении женщин в годы войны, включая такие темы, как эвакуация (на британском материале), адаптация и сопротивление, сексуальность и сексуальное насилие, послевоенная историческая память. В статье затрагивается также текущее

состояние исследований по гендерной истории, в том числе такое относительно новое явление, как «публичная история» (public history). Тему «женщины и война» продолжает статья У. Хайтан (реферат Т.Д. Николко) об использовании женского труда на угольных шахтах в Индии в 1943–1946 гг.

Еще в трех статьях (рефераты Т.П. Соколова, А.М. Куленко и В.М. Боронтова) описывается опыт чернокожих военнослужащих, чьи части в разные периоды войны дислоцировались в Великобритании, Италии и Южной Африке. Завершают сборник три реферата, которые невозможно отнести к какому-либо из рассмотренных выше блоков. В статье Д. Литтлвуда (реферат М.М. Минца) рассматривается институт воинской повинности в годы Второй мировой войны в Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. П. Якобелли в своей статье исследует деятельность японской разведки в Чили в 1941–1943 гг. (реферат Д.В. Гришаева). Наконец, в совместной работе Н. Гловера, К. Арнберг и Ф. Коттрелл-Сандевалл (реферат Ю.П. Игнатовой) рассматривается необычная тема – влияние патриотических акций времен Второй мировой войны на развитие общества потребления в Швеции. Данный пример показывает, какое воздействие оказывал глобальный конфликт даже на те страны, которые не были непосредственно вовлечены в боевые действия.

И.К. Богомолов, М.М. Минц

Эккель Я.
ПОВОРОТНЫЕ ГОДЫ: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА
(Реферат)

Eckel J. Pivot years: World War II in 20 th-century history // Journal of modern European history. – 2023. – Vol. 21, N 2. – P. 154–283. – DOI: <https://doi.org/10.1177/16118944231163225>

Немецкий историк Ян Эккель (Фрайбургский университет) предлагает рассмотреть Вторую мировую войну в глобальном и транснациональном измерениях. Изучение конфликта сквозь призму глобальных трансформаций и связей между двумя мировыми войнами позволяет увидеть и понять, чем была Вторая мировая война во всеобъемлющем контексте истории XX столетия.

Война привела к беспрецедентным опустошениям, социальному распаду и психологическому истощению не только в Европе, но и в Южной и Юго-Восточной Азии, Северной Африке, в странах к югу от Сахары. Тем не менее многие разрушенные войной общества быстро поднялись, достигли определенного уровня экономического процветания, их политические системы обрели стабильность. Однако, по убеждению автора, интерпретации, отделяющие Вторую мировую войну от более ранних конфликтов, а также сводящие послевоенную историю к процессу преодоления ее ужасающих последствий (60 млн погибших), как правило, делят столетие на две несвязанные половины или в лучшем случае «связанные по контрасту» (с. 155).

«Дихотомический взгляд на разрушение / реконструкцию», по мнению автора, отражает почти исключительно европоцентристскую историческую перспективу (с. 156), весьма распространенную, определяющую не только географический вектор исторических исследований, но и модели интерпретации. История Китая, Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки «развивалась

по иным траекториям» (с. 156). Капитуляция Японии положила начало следующему раунду гражданской войны между Гоминьданом и коммунистами, во многих африканских странах европейские колониальные державы вернулись к довоенным моделям колониального управления.

В современных исследованиях Второй мировой войны не только подчеркивается ее влияние на Африку, Азию, Латинскую Америку, но и обратное воздействие региональных событий, что дает возможность составить более сложную картину мировой войны, осмыслить ее место в контексте более масштабных исторических событий, раскрыть имперскую природу конфликта и увидеть далеко идущие последствия войны для второй половины столетия.

Повышенный интерес ко Второй мировой войне, проявившийся за последние 10–15 лет, совпал со стремительным прогрессом в изучении международной, имперской и социальной истории. Глобальный характер войны позволяет выйти за хронологические рамки 1939–1945 гг., «глубоко укоренившиеся в европейской исторической мысли» (с. 157). После Первой мировой войны масштабное насилие продолжилось на больших географических пространствах от Финляндии до Кавказа (с. 158).

Глобальная история конфликтов показывает, насколько уязвимым и напряженным оставался международный порядок на протяжении 1920–1930-х годов. Экспансионистские проекты Германии, Италии, Японии были направлены на завоевания обширных территорий, «жизненного пространства» в качестве средств достижения самодостаточности за счет эксплуатации ресурсов. Для европейских держав война была направлена и на сохранение их колониальных империй.

Автор рассматривает интерпретации военных конфликтов, оказавшие значительное влияние на современную историографию, а именно концепции «тотальной войны», «современной тридцатилетней войны», «многолетней войны» и «европейской» или «международной гражданской войны» (*Weltbürgerkrieg*). Все эти интерпретации возникли как «попытки осмыслить причины, природу и последствия второй глобальной войны (и в ряде случаев также более ранние процессы, проявившиеся на волне первой)» (с. 163).

Интерес к концепции международной гражданской войны, истоки которой восходят к Первой мировой войне, обозначился с середины 1990-х годов. На протяжении десятилетий данная концепция трактовалась по-разному. Первая мировая в межвоенный период рассматривалась как саморазрушение европейского континента, «гражданский конфликт в европейской семье», по выраже-

нию Дж.М. Кейнса. Коммунистическое движение осмысливало грядущую мировую революцию как крупномасштабную гражданскую войну, как «продолжение, развитие и обострение классовой борьбы» (Ленин) (с. 164).

Наиболее влиятельное направление трактовало конфликты того периода с позиции дуалистической идеологической конфронтации. В конце 1930-х годов Карл Шмитт писал, что бушующая «мировая гражданская война» заменила традиционные столкновения между разделенными нациями. Война ведется во имя общепринятых моральных ценностей и, следовательно, направлена на полное уничтожение противника. Эккель отмечает, что после окончания Второй мировой войны Шмитт рассматривал Холодную войну между сверхдержавами также с позиций «мировой гражданской войны».

В 1950-х годах междисциплинарная группа немецких ученых (Рейнхарт Козеллек, Ханно Кестинг, Роман Шнур и Николаус Зомбарт) также трактовала Холодную войну как мировую гражданскую войну, как противостояние двух универсальных идеологий. Чтобы придать концепции бóльший исторический вес, отмечает Эккель, ученые включили современную глобальную гражданскую войну в общеисторический контекст революционных и конфессиональных войн начиная с XVI в. – в их основе лежит поляризация идеологического конфликта. Эккель обращает внимание на то, что национал-социализм едва ли вписывался в столь сложную систему исторических параллелей. Он явно был либо производным, либо просто еще одним звеном в цепи идеологических сражений, характерных для современности в целом.

Трактовка «европейской гражданской войны» историком Эрнстом Нольте вызвала в конце 1980-х годов бурные дебаты. Однако, считает автор, было бы ошибочно рассматривать эту противоречивую концепцию как прямое продолжение развития позиций правых интеллектуалов 1930–1950-х годов. Нольте не только сформулировал основной идеологический дуализм как столкновение между национал-социализмом и большевизмом, но и «довел оправдания “гражданской войны в Европе” до пугающей крайности. Обращая вспять причинно-следственные связи, он указал на то, что, по его мнению, представляло собой понятный страх европейской буржуазии перед разрушительным нападением большевиков, и интерпретировал Холокост как закономерную, хотя и предсказуемую реакцию на большевистское “классовое убийство”» (с. 165).

Автор приводит также «более «левую»» интерпретацию немецко-американского политолога Карла Иоахима Фридриха, рассматривавшего гражданскую войну в Испании как символ разделения Европы на враждующие лагеря, объединившиеся «вокруг фанатичных идеологических движений». Фридрих предположил, что 1936 г., возможно, ознаменовал начало новой тридцатилетней войны (по аналогии с конфессиональными войнами). Он рассматривал японское вторжение в Китай как конфликт между Японией и Советским Союзом и относил его к числу международных гражданских войн. Полвека спустя Эрик Дж. Хобсбаум снова ограничил модель международной гражданской войны Европой и Северной Америкой. По его мнению, «предвоенный и военный периоды были отмечены «международной идеологической гражданской войной» между «прогрессом» и «реакцией»», между «потомками Просвещения XVIII в. и великих революций, включая, очевидно, русскую революцию, с одной стороны, и их противниками, с другой» (цит. по: с. 166).

Автор отмечает, что идеологическая линия разлома, предположительно лежавшая в основе концепции международной гражданской войны, была довольно гибкой. Если в 1930-х годах в дискуссии преобладал дуализм фашизм / коммунизм, то начиная с 1950-х годов предмет полемики сместился на «противопоставление демократического капитализма и коммунистической плановой экономики» (с. 165). «Авторам, которые подчеркивали полярность между демократией и коммунизмом, было трудно найти место для национал-социализма и фашизма, которые каким-то образом выпали из их исторической модели. Некоторые считали, что должны учитывать их хотя бы в виде исключения – Ротфельс и Хобсбаум говорили о временном «треугольнике» идеологических течений, – в то время как для других цель заключалась в том, чтобы стереть национал-социализм с карты истории» (с. 166).

С точки зрения данного дискурса окончание Второй мировой войны, поражение Германии и Японии, а также начало конфронтации между новыми сверхдержавами не привели к существенным изменениям интерпретаций. Сохранилась их суть – подведение международных конфликтов под биполярную надстройку. С точки зрения сегодняшнего дня, делает вывод автор, данная интерпретация выглядит достаточно упрощенной, дающей приоритет одной линии разлома и нивелирующей многообразную и сложную природу политических противоречий.

Переходя к концепциям «эпохи мировых войн», автор констатирует, что в обширной исторической литературе вопрос о при-

чинной взаимосвязи между Первой и Второй мировыми войнами «на удивление мало освещен» (с. 167). В настоящее время следует отметить четыре более или менее плодотворных направления: изучение реваншистских корней германского и итальянского экспансионизма в 1920–1930-е годы; сравнительный анализ двух мировых войн; изучение периода 1914–1945 гг. как единой эпохи политической нестабильности, экономических кризисов и многочисленных вспышек насилия; замена «спекулятивной интерпретации “международной гражданской войны” строгими эмпирическими исследованиями» (с. 168).

Военные специалисты начали интеллектуальную подготовку к следующей войне сразу по окончании Первой мировой. Большинство сходилось во мнении, что использование самолетов и танков изменит природу войны. Но что более важно – победила вера, что в будущем отличительной чертой каждой большой войны станет тотальная мобилизация общества, которая в конечном счете решит ее исход. «Именно в этом контексте концепция “тотальной войны” получила свое полное воплощение» (с. 169). Одним из первых эту идею высказал французский писатель правого толка Леон Доде, писавший о «распространении войны [...] на политическую, экономическую, коммерческую, промышленную, интеллектуальную, юридическую и финансовую сферы» (цит. по: с. 169). Военные теоретики отмечали, что следующая война в гораздо большей степени истощит людские и промышленные ресурсы. Ожидание все более масштабной войны настолько глубоко укоренилось в военном дискурсе 1920–1930-х годов, что могло, по мнению автора, повлиять на то, как правительства воюющих сторон после начала Второй мировой мобилизовали людские и экономические ресурсы в столь огромных масштабах. В то же время опыт Первой мировой войны и опасения, что следующая война будет еще более разрушительной, повлияли на отношение французской и британской дипломатии к агрессивному немецкому реваншизму 1930-х годов. Правительства Чемберлена и (в меньшей степени) Даладье «упорствовали в поисках мирного урегулирования перед лицом постоянно растущих требований национал-социалистов» (с. 170).

Автор отмечает, что ощущение взаимосвязи между Первой и Второй мировыми войнами не ограничивалось Европой. «Во многих колониях мобилизация имперских сил на войну вызвала неприятное ощущение дежавю» (с. 172). Так, в индийских политических кругах было широко распространено мнение, что европейская война, по сути, продлила фазу напряженного имперского противостояния, начавшегося в 1914 г.

Вторая мировая война сказалась на представлениях о будущем мироустройстве. Извлечение уроков из недавнего прошлого стало главной темой ожесточенных дебатов 1940-х годов о перестройке политического, экономического и социального порядка с целью предотвратить сползание к очередной диктатуре и войне. Анализируя послевоенный процесс создания новых структур транснационального управления, автор останавливается на конференции в Бреттон-Вудсе в июле 1944 г., созванной с целью выработки основ послевоенного экономического порядка для предотвращения возврата «к варварским международным экономическим отношениям двадцатых и тридцатых годов», как на то указал Гарри Декстер Уайт (вдохновитель американского экономического планирования) (цит. по: с. 171). Автор подчеркивает, что идея планирования будущего для предотвращения ошибок недавнего прошлого стала центральной во всех других областях международного управления, включая дебаты в Совете безопасности ООН, разработку международных гарантий прав человека, гуманитарную помощь, здравоохранение и др.

Война «отразила и изменила важные долгосрочные тенденции в истории межгосударственных конфликтов, глобального управления, национального строительства, экономической мысли и системных политических изменений» (с. 173). Она послужила мощным катализатором распада колониальной системы. Кроме того, «отодвинув западноевропейские державы на второй план», она «оставила лишь Соединенные Штаты и Советский Союз в качестве претендентов на мировое господство», «привела к временному завершению борьбы за гегемонию, определив условия для международных конфликтов на протяжении почти пяти последующих десятилетий» (с. 173).

И.Е. Эман

Голуб Г.

**ОРЕЛ И ЛЕВ: ПЕРЕОЦЕНКА АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
И ОСНОВАНИЯ БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ США
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(Реферат)**

Golub G. The eagle and the lion: reassessing Anglo-American strategic planning and the foundations of U. S. grand strategy for World War II // Journal of strategic studies. – 2020. – Vol. 46, N 5. – P. 921–948.

В статье Гранта Голуба (Лондонская школа экономики и политических наук) анализируется разработка англо-американского плана совместных военных действий против Германии в период между падением Франции и атакой Японии на американскую базу Пёрл-Харбор в Тихом океане. В центре внимания исследователя лежит изучение процесса планирования Соединенными Штатами концепции большой стратегии до официального вступления страны во Вторую мировую войну. В качестве концептуальной основы для рассмотрения большой стратегии Голуб использует подход американского исследователя внешней политики США Хэла Брэндса, который определял ее как «интеллектуальную архитектуру», представляющую собой схему национальных интересов, угроз и ресурсов (с. 924).

Для самого автора большая стратегия выступает в роли индикатора адаптации и коррекции стратегических замыслов США к изменчивому международному политическому и военному контексту. В связи с этим исследователь ставит перед собой задачу развенчать представления предыдущих поколений историков об имеющейся дихотомии в стратегическом мышлении Великобритании и США, сделав предметом исследования слабо изученную тему взглядов американских военных чиновников на потенциально

возможные действия США в глобальном противостоянии со странами Оси до их вступления в войну. Параллельно с этим предпринимается попытка реконструировать эволюцию британской большой стратегии на выбранном хронологическом отрезке для того, чтобы проследить взаимодействие американского и британского военного истеблишмента в вопросах ведения войны в 1940–1941 гг.

Как указывает Голуб, с конца 1930-х годов офицеры вооруженных сил США, разрабатывая серию планов военных действий с цветовой кодировкой на случай гипотетического конфликта, более всего рассматривали в качестве внешней угрозы страны будущего военного блока Оси (с. 925). Несмотря на низкую оценку риска прямого военного вмешательства во внутренние дела Соединенных Штатов со стороны этих государств, признавалось наличие их подрывной деятельности в Латинской Америке. Это наносило существенный ущерб экономическим интересам США и ставило на повестку дня вопрос об усилении риторики сдерживания потенциальных противников. По мнению ученого, за подобным выводом скрывалось давнее разногласие между американским военно-морским флотом и армией в вопросе стратегических приоритетов (с. 925). Если для флота была характерна позиция внешней торговой экспансии в страны Восточной Азии (в совокупности с механизмом военного сдерживания Японии в регионе), то в представлении армейских стратегов амбиции США на Дальнем Востоке не несли ощутимой экономической выгоды. Кроме того, было бы не так просто оказывать поддержку сухопутному военному контингенту на расстоянии. Важным внешнеполитическим сдвигом для американского военного командования в данном вопросе стало падение Франции весной 1940 г. Как считает Голуб, именно это стало причиной сосредоточения стратегического планирования на односторонней обороне Западного полушария (с. 927).

Тяжелое положение Великобритании, потерявшей своего континентального союзника, вынуждало ее делать ставку на выживание и полагаться на экономическое давление в виде морской блокады Германии, стратегических бомбардировок и подрывных действий, несмотря на эвакуацию британского экспедиционного корпуса в ходе Дюнкеркской операции. Отсюда, по мнению историка, в историографии утвердилось неверное понимание замыслов британской большой стратегии, в рамках которого указанные действия рассматриваются как центральный элемент «периферийного» или «непрямого» подхода к победе над Германией (с. 927). Голуб обращает внимание на то, что для американских стратегов было очевидно поражение англо-французской коалиции. Подобный факт

доказывал Вашингтону бесперспективность варианта с растрачиванием собственной военной мощи на поддержание устойчивости Великобритании (с. 928).

Однако продолжающееся сопротивление Лондона прибавило американскому президенту Франклину Рузвельту оптимизма при оценке перспектив возможного военного альянса. Хотя, как указывает Голуб, накануне визита американских военных наблюдателей британские стратеги недвусмысленно подчеркивали, что они не верят, что экономическое давление в сочетании со стратегическими бомбардировками может привести к падению Германии (с. 929). На встрече же с представителями американской стороны в конце августа 1940 г. британское командование отчиталось в своих скромных пока еще возможностях для ведения открытых наступательных действий. В тот момент они обозначили свое положение как оборонительное, не более. Так Голуб демонстрирует, что цель англичан состояла не в том, чтобы заменить сухопутную войну стратегией не прямых действий, а скорее разумно сократить эффективность Германии до такого уровня, который бы позволил британской армии успешно вторгнуться в Европу (с. 930).

До вступления в глобальный конфликт Японии американское командование – в лице начальника штаба армии Джорджа К. Маршалла и начальника военно-морских операций адмирала Гарольда Старка – отказывалось двигаться в фарватере стратегических интересов Великобритании на Дальнем Востоке. Точно так же американские стратеги не доверяли британцам и безопасность в Атлантике, следуя в этом вопросе сугубо своим национальным интересам.

Начало японской агрессии и полноценное складывание военного альянса стран Оси на основе Тройственного пакта изменило международную расстановку сил. В тот момент, пожалуй, свершилось главное – в сознании американского командования оформилась простая связка, что безопасное продвижение национальных интересов США зависит от выживания Британской империи. Именно это представление было вскоре изложено в направленном министру военно-морского флота Ноксу меморандуме. В документе, как указывает Голуб, отразился отход внешнеполитической доктрины США от традиционной изоляционистской риторики в сторону понимания американских интересов в глобальном масштабе (с. 932). Исходя из этого, автор отводит меморандуму адмирала Старка решающую роль в сглаживании межведомственной вражды по вопросу определения американской большой стратегии, что послужило фундаментом для дальнейшего сотрудничества американских стратегов с британскими коллегами (с. 933).

Примечательно, что некоторые историки акцентируют внимание на страхе американцев перед использованием военной мощи США для защиты колониальных интересов Лондона. Особенно это касается обороны Сингапура, который был важным плацдармом британского влияния в Азии. Но, по мнению Голуба, такой взгляд отвлекает нас от понимания того, насколько большое согласие было достигнуто в результате англо-американских совместных встреч (с. 934). Более того, англичане учитывали, насколько чувствительным для США является сингапурский вопрос, и потому, несмотря на расхождение национальных интересов обеих стран на Тихоокеанском театре военных действий, преуменьшили его значение. Следовательно, британское предложение о «непрямом» подходе к разгрому Германии не встретило неустранимых препятствий с американской стороны, учитывая подписание в 1941 г. соглашения ABC-1 в качестве будущего плана ведения войны силами англо-американской коалиции.

Основное разногласие в общем стратегическом видении возникло в связи с предоставлением британским руководством американцам обновленного плана, учитывавшего изменения в контексте европейского театра военных действий и ухудшающееся положение Великобритании. Американцы расценили предложение британских коллег как отказ от соглашения ABC-1, подтвердив еще раз стремление придерживаться стратегии не прямых действий с последующим использованием сухопутных сил для нанесения решающего удара по Германии. Это возникшее недоразумение свидетельствует о недостаточной проработке англичанами своего стратегического обзора, вызвавшего неверные истолкования из-за его «повышенного внимания к блокаде, стратегическим бомбардировкам и подрывной деятельности в сочетании с вмешательством США и меньшего внимания к наземным операциям» (с. 941).

В заключение Грант Голуб подытоживает неубедительность прежних представлений историков о наличии резкого размежевания между американской и британской большой стратегией перед вступлением США в войну. Напротив, демонстрируется наличие большого консенсуса в виде принципа «Германия прежде всего» в сочетании с предложенной англичанами стратегией не прямых действий.

А.Ф. Савченко

Холмила А.

**ПАРЛАМЕНТ И ПРЕССА: ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В БРИТАНИИ
ПЕРИОДА ВОЙНЫ, 1939–1945 гг.
(Реферат)**

Holmila A. Parliament and the press: forging the United Nations in wartime Britain, 1939–45 // Parliamentary history. – 2020. – Vol. 39, N 2. – P. 291–310.

В статье Антеро Холмила (Университет Ювяскюля) анализирует процесс обсуждения новой международной системы (будущей ООН) в публичном дискурсе Великобритании военного времени между 1939 и 1945 гг. В центре внимания автора лежит критическое осмысление британскими политиками опыта Лиги Наций и факторов ее провала как системы коллективной международной безопасности.

Начавшаяся в сентябре 1939 г. Вторая мировая война – в совокупности с начавшейся «Зимней войной» или советско-финской и последующим исключением СССР из организации – высветила тщетность усилий Лиги по предотвращению военных конфликтов и дипломатическому урегулированию территориальных споров. Для лучшего понимания этого процесса Антеро Холмила рассматривает, как публикации журналистов и сам ход парламентских дебатов оказывали влияние на формирование идейной основы послевоенной международной системы. Более того, исследователь акцентирует внимание на том, как стремление сделать постоянным военный альянс между Великобританией, Соединенными Штатами Америки и СССР определило структуру ООН и перевесило все другие опасения, связанные с послевоенным планированием.

Во введении Холмила отмечает слабую изученность такой темы, как интеллектуальная история создания ООН в рамках трансформации идейного наследия Лиги Наций в сообщениях британской прессы и отчетах парламентских дебатов (с. 292). Данные материалы свидетельствуют, что не только США, но и Великобритания играли ведущую роль в планировании и создании ООН. По мнению автора, британский парламент, несмотря на имеющиеся ограничения, мог оказывать давление на внешнюю политику правительства Великобритании, через дебаты задавая дискурсивное поле важных для депутатов вопросов, требующих законодательного внимания.

Неспособность Лиги Наций применить силу легла в основу первых дебатов военного времени в парламенте, касающихся устройства нового послевоенного международного органа. Как показывается в работе, провал Лиги Наций с самого начала выполнял существенную роль в политике памяти, предоставив противникам политики умиротворения и сторонникам Лиги, таким как лейборист Хью Далтон и либерал Джеффри Мандер, возможность задуматься над причинами ее неэффективности в выстраивании международного баланса в европейских отношениях. Насущной проблемой признавались недостаток военной мощи Лиги и потенциальные трудности, связанные с использованием международных военных сил. Данную проблему достаточно метко комментировала газета *The Times*: «Когда Лиге Наций был брошен вызов, оказалось, что за ней не стоит никакая сила» (цит. по: с. 295). Так возвышенный идеализм мечтаний о «коллективной безопасности» в межвоенный период уступил место более практичным соображениям, как могут быть использованы «коллективные силы» (с. 295).

Общее же видение послевоенного мира должна была выразить Атлантическая хартия. Этот документ традиционно рассматривался как важная ступень на пути к созданию военного альянса. Однако, как показывает Холмила, британское правительство было раздосадовано результатом, который она дала. Ведь Уинстону Черчиллю не удалось убедить Соединенные Штаты вступить в войну, а сама хартия могла иметь непредвиденные последствия для колониальной политики Великобритании в части своего третьего пункта, уважающего свободное право людей на выбор предпочтительной формы правления (с. 296). В то же время дипломатические корреспонденты *The Daily Telegraph* с воодушевлением отмечали, что хартия знаменует собой «важный отход от Версальского договора» (цит. по: с. 296) и демонстрирует англо-американское единство в целях войны и мира. Парламент, однако, относился к Атлан-

тической хартии с большим скепсисом. Депутаты опасались, что Соединенные Штаты и дальше продолжают держаться в стороне от войны, не воплотив свои заявления в конкретные действия.

Подписанная 1 января 1942 г. Декларация Объединенных Наций послужила основой для будущей послевоенной организации. Она обозначила в качестве приоритетной цели сплочение ресурсов союзников для ведения войны со странами Оси. На основе анализа прессы Холмила приходит к выводу, что декларация вызвала гораздо меньше комментариев, чем Атлантическая хартия, что свидетельствует о низком уровне интереса к ней на начальном этапе (с. 299). В дальнейшем парламентские дебаты показали растущее беспокойство общественности по поводу формы, которую примет новая организация. В связи с этим историк считает, что Великобритания не собиралась отказываться от статуса мировой державы. Лондон стремился сохранить значительное влияние на идеологическое и институциональное оформление послевоенного миропорядка, в частности, через защиту британских интересов, как, к примеру, это представлялось в меморандуме консерватора Энтони Идена.

Важной темой статьи является изменение направленности общественной дискуссии о новой международной организации в сторону оправдания ее менее демократической структуры, выстраиваемой «в соответствии с интересами великих держав, а не равенством всех наций». Это подрывало прежние принципы «глобальной демократии», на которых была построена система коллективной безопасности Лиги Наций. Приоритет, отдаваемый сотрудничеству стран Большой тройки, был явно продемонстрирован на Московской конференции в октябре 1943 г. Холмила указывает, что «большинство газетных сообщений о конференции восхваляло новые позитивные отношения между странами» (с. 302). Еще больше это было подчеркнуто заголовком газеты *Daily Herald*: «Мы трое: партнерство наций» (цит. по: с. 302). Очевидное представление о складывающемся диктате трех держав как основе будущего устройства послевоенного мира означало, что «силовая политика была приемлема, если она означала гармоничные рабочие отношения» (там же) между странами Большой тройки, что на фоне открытия второго фронта открывало дискуссию об окончательной структуре организации.

Холмила отмечает, что одной из заметных тем для обсуждения британской прессой в ходе проведения конференции в Думбартон-Оксе в 1944 г. стала сильная поляризация мнений о роли Совета Безопасности после войны. Потому необходимо указать,

что «газета *Manchester Guardian* проявила гораздо более критическую позицию», поскольку высказывала опасения касательно сохранения ООН в случае возникновения конфликта между странами самой Большой тройки (с. 303). По мере приближения освобождения Европы участники парламентских дебатов все чаще проявляли интерес к теме «ведущей роли Великобритании в европейских делах» (с. 304). В дискуссиях по вопросу о праве вето заслуживает внимания точка зрения сторонника европейского федерализма Уильяма Бевериджа, поскольку он утверждал, что механизм вето означает гибель для новой организации.

Очередной сдвиг в парламентском дискурсе стал возможен в связи с первым применением атомной бомбы, что спровоцировало многих членов парламента выдвинуть идею отказа от некоторой степени национального суверенитета «в угоду требованиям новой атомной эры» (с. 307). Однако сохранение права вето свидетельствовало о том, что «великие государства не отказались от суверенитета окончательно» (с. 308). Более того, ратификация Устава ООН зафиксировала четкие границы суверенитета, обеспечив на глобальном уровне доминирование альянса трех держав и сохранив в неприкосновенности вопросы имперской политики Великобритании.

В заключении Антеро Холмила, рассуждая об этапах планирования послевоенного устройства, подводит читателя к мысли, что вся эта «дискуссия в основном строилась в терминах провала Лиги Наций» (с. 310). Именно отсюда и происходит публичная легитимность новой организации, которая скреплялась послевоенным сотрудничеством стран Большой тройки как проводников более надежной системы международной – и в полной мере коллективной – безопасности.

А.Ф. Савченко

Р.И. Гузаеров
ТУРЦИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(Обзор)

В данном обзоре рассматриваются статьи, опубликованные в специальном выпуске «Журнала балканских и ближневосточных исследований» (*Journal of Balkan and Near Eastern Studies*), посвященном англо-турецким отношениям в период Второй мировой войны. Авторы анализируют развитие британской политики по отношению к Турции и пытаются объяснить поведение Анкары в ходе конфликта. И британские, и турецкие исследователи сходятся во мнении, что Великобритания не имела четкой и выработанной политики на турецком направлении, сначала призывая Турцию к вступлению в войну, а затем поддерживая ее нейтралитет. Практически в каждой статье описываются также советско-турецкие противоречия, вызванные требованиями Москвы об изменении статуса проливов и размещении на их берегах советских военных баз. Для Анкары советская угроза представлялась такой же серьезной, как и германская. Именно этим авторы пытаются объяснить турецкий нейтралитет и стремление Лондона поддержать его.

Британский исследователь У. Хейл [Hale, 2021a] во введении к выпуску указывает на изменчивый характер британо-турецких отношений в первой половине XX в., которые перешли от ожесточенных и кровавых сражений Первой мировой войны к примирению в 1930-х годах – его кульминацией стал трехсторонний Анкарский договор о взаимопомощи, подписанный 19 октября 1939 г. между Турцией, Великобританией и Францией. Однако договор остался «мертворожденным», потому что ни одна из сторон не была способна выполнить взятые на себя обязательства, особенно после разгрома Франции в начале лета 1940 г.

Фактически, подчеркивает автор, до конца войны Турция придерживалась «неустойчивого нейтралитета» под осторожным руководством И. Инёню. Подобная тактика была скорее импровизацией, вдохновленной прагматизмом, а не идеологией. Стратегическая проблема для Турции заключалась в том, что Великобритания и США противостояли единственному сопернику, в то время как для Анкары угрозой представлял и СССР, имевший определенные планы на турецкие территории. В данном контексте наиболее сложным моментом для Турции был период между падением Франции и вторжением Гитлера в Советский Союз.

Соглашение между Москвой и Берлином 1939 г. вызывало опасения в Турции, которая могла стать жертвой советско-немецкого разделения зон влияния. С одной стороны, наступление немецкой армии на Болгарию привело к тому, что силы Оси оказались на западной границе Турции, а с другой – на северо-востоке находилась потенциально враждебная советская армия. Хоть Турция и осталась нейтральной, не было никаких гарантий, что другие государства будут считаться с этим статусом. Более того, Британия, находящаяся под угрозой вторжения Германии, не смогла бы прийти на помощь своему партнеру.

Вторжение Германии в Советский Союз приободрило Анкару, так как означало невозможность германо-советского сотрудничества против нее. Зато появилась перспектива затягивания военных действий на восточном направлении и невозможности вторжения в Турцию. При этом автор указывает, что тема потенциального немецкого вторжения на Ближний Восток через Турцию является интересным полем для спекуляций.

Великобритания стремилась вовлечь Анкару в войну или же по крайней мере получить от нее разрешение на создание авиабаз на турецкой территории для воздушных атак немецких позиций на Кавказе и Балканах. Посол Великобритании в Турции Х. Нэтчбулл-Хьюджессен был против плана У. Черчилля и считал нейтралитет Турции лучшим, на что можно было надеяться. Турки считали план Лондона опасным. Хоть Германия и теряла военную мощь, она все еще оставалась грозной силой в Восточном Средиземноморье.

Таким образом, кампания У. Черчилля по вовлечению Турции в войну ни к чему не привела. Британцы предприняли определенные шаги для увеличения обороноспособности Анкары, однако американцы выступали против переброски вооружения в Турцию, опасаясь потери возможности открытия второго фронта во Франции. Лондон акцентировал внимание на том, что без его помощи Анкара не сможет противостоять советским посягательствам на

турецкие территории после окончания войны. Турки считали подобную угрозу серьезной, так как знали, что в ходе советско-немецких переговоров Молотов требовал пересмотреть конвенцию Монтрё и разрешить советскому флоту свободный проход через проливы.

Основная проблема при изучении англо-турецких отношений в период с 1939 по 1945 г. заключается в том, что турецкие архивы этого периода доступны лишь ограниченному числу лиц. Как следствие, изучение политики Анкары в период войны ведется на основе того, что писали о ней иностранные дипломаты.

Далее Хейл переходит к анализу истоков и результатов тройственного союза Турции, Великобритании и Франции в период с 1935 по 1945 г. [Hale, 2021b]. Простое утверждение «Турция была нейтральной во время Второй мировой войны», по мнению автора, на деле скрывает сложную реальность. Анкара не была идеологически или конституционно привержена нейтралитету. Несмотря на давление со стороны Великобритании, турецкий президент И. Инёню придерживался «активного нейтралитета». Однако в данном контексте возникает вопрос, почему Анкара подписала трехсторонний договор с Великобританией и Францией в 1939 г., но не стремилась исполнять свои обязательства.

Во второй половине 1930-х годов Турецкая Республика столкнулась с двумя угрозами: итальянскими имперскими амбициями в Средиземном море и Восточной Африке, а также с нацистской угрозой безопасности Восточной Европы. Автор предполагает, что турецкое руководство стремилось избежать повторения ошибок 1914 г. и не поддержало Германию, ожидая быструю победу Лондона при поддержке Вашингтона. В свою очередь предполагалось, что Советская Россия, с которой Турция поддерживала хорошие отношения с 1921 г., будет противостоять Германии в Восточной Европе, а Франция и Великобритания будут партнерами по безопасности в Средиземноморье.

Позиция западных государств относительно сотрудничества с Анкарой осложнялась рядом факторов. Несмотря на требования французского командования наладить сотрудничество с Турцией, руководство страны не поддерживало данное решение из-за спора об Александrette (Хагае). В Великобритании мнения разделились между теми, кто выступал за союз с Турцией, и теми, кто считал, что безопасность в Средиземном море можно обеспечить только путем соглашения с Италией.

Особую настороженность Лондона и Парижа вызывало состояние турецкой армии. Пока европейские государства развивали

авиацию и танкостроение, турки все еще использовали оружие времен Первой мировой войны. Автор подчеркивает, что «Анкара пожертвовала пушками ради масла», сделав упор на внутреннее экономическое развитие. В 1937 г. британский и французский военные атташе в Анкаре считали, что турецкое командование и офицерский корпус находятся на высоком уровне, но армии не хватает современного оружия. Армия не была моторизована и испытывала острую нехватку противотанковых и зенитных орудий. Военно-воздушные силы насчитывали 240 самолетов, но в это число входили лишь 46 современных истребителей, 8 современных бомбардировщиков и 52 бомбардировщика-разведчика [Hale, 2021b, p. 826]. В военно-морском флоте ключевыми оставались линейный крейсер «Явуз», подарок Германии 1914 г., и два крейсера времен Османской империи. На обновление армии у Турции не было достаточно ресурсов ни для закупок за рубежом, ни для местного производства. Задача осложнялась тем, что основным поставщиком вооружения для турецкой армии до конца 1930-х годов была Германия, что делало невозможным создание союза Турции и Великобритании.

Анкара стремилась избавиться от негативных последствий Лозаннского договора. Так, к концу 1935 г. Британия и Турция столкнулись с итальянским экспансионизмом. Ввод немецких войск в Рейнскую область в 1936 г. усилил опасения британского руководства, которое не желало, чтобы Турция вступила в союз с Германией или СССР, что привело к смене позиции Лондона относительно статуса проливов и поддержке позиции Анкары в данном вопросе. Однако обещания турецкой стороны разрешить размещение британского флота в Мраморном море и контролировать судоходство из Черного моря в Италию не реализовались из-за бездействия Лондона. Великобритания, проводившая политику «умиротворения», отказала Турции в укреплении ее флота, стремясь не предпринимать действия, которые могли быть восприняты как антиитальянские.

После продолжительных торгов в ноябре 1938 г. британцы согласились предоставить Турции заем в размере 10 млн фунтов стерлингов на импорт промышленной продукции, а также 6 млн фунтов стерлингов на закупку вооружений. Однако, как признали британские военные, последняя сумма была намного меньше потребностей Турции, а британское казначейство наотрез отказалось рассматривать дальнейшие запросы на кредит. Попытки Анкары возродить идею турецко-британского союза в марте 1938 г. были отвергнуты Лондоном как «непрактичные».

Переломным для турецко-британских отношений стало вторжение Италии в Албанию в апреле 1939 г., так как оно подорвало перспективы итало-британского соглашения. Великобритания переключилась на политику предоставления гарантий безопасности другим государствам, хотя не имела ресурсов, чтобы выполнить свои обещания. Лондон боялся объединения Турции и Германии и был вынужден предложить союз Анкаре. В мае 1939 г. стороны подписали соглашение, по которому обязались сотрудничать «в случае акта агрессии, ведущего к войне в Средиземном море». При этом соглашение имело определенные недостатки: в нем не было указано, как именно должно развиваться военное сотрудничество между странами. Спор между Францией и Турцией относительно Александретты задержал на определенное время заключение франко-турецкого соглашения.

Если говорить о советском факторе в данный период, то Турция и Франция осознавали, что сотрудничество с Советским Союзом будет иметь решающее значение для достижения успеха в Восточной Европе. Однако британское руководство считало СССР «ненадежным партнером», недооценивало военный потенциал Москвы и испытывало «глубочайшее недоверие» к ней [цит. по: Hale, 2021b, p. 834].

Подписание германо-советского пакта в 1939 г. шокировало турецкое руководство, которое все равно рассчитывало на возможность достижения какого-то соглашения с Москвой. Однако переговоры не дали результата, так как советская сторона пыталась убедить турецкую передать ей контроль над проливами, что было совершенно неприемлемо для Анкары. Безуспешные переговоры с Советским Союзом задержали подписание трехстороннего договора Турции, Великобритании и Франции, где главным вопросом оставались поставки военного оборудования в Анкару и способы расчета за него. Подписание соглашения произошло лишь в октябре 1939 г. По договору Лондон и Париж обязались предоставить помощь Турции, если она будет вовлечена в военные действия с европейской державой. Также в одном из протоколов к соглашению указывалось, что Франция и Великобритания не могут заставить Турцию предпринять действия, которые повлекут за собой вооруженный конфликт с Советским Союзом. Секретный третий протокол обязывал западных союзников помогать Анкаре в случае, если военные действия достигнут ее границ с Болгарией.

В политическом плане наиболее важным из этих соглашений была договоренность о поставках оружия, однако у Великобритании его просто не было в количестве, достаточном для перевоору-

жения Турции и одновременного удовлетворения собственных неотложных потребностей. Британские власти, по-видимому, понимали это с самого начала, но все равно продолжали брать на себя обязательства. Более того, когда турки хотели закупить оружие в Бельгии, США и других странах, британское казначейство отказалось финансировать такую закупку у третьих стран. Турецкое руководство было осведомлено о медлительности англичан, поэтому включило в соглашение пункт о том, что Анкара не будет обязана выполнять его, если не получит все необходимые материалы.

После падения Франции Турция подписала с Германией соглашение об обмене сельскохозяйственной продукции на промышленные товары. Технически это было чисто экономическим соглашением, против которого британцы открыто не возражали, но оно указывало на то, что к этому моменту турки поняли, что им придется рассмотреть другие варианты хотя бы для того, чтобы сохранить работу своей внутренней экономики. Официально распад трехстороннего альянса произошел после вступления Италии в войну. После поражения Франции Великобритания и Турция остались изолированными и неспособными помочь друг другу. Следовательно, положения соглашения впредь были нереалистичны. Если поначалу британцы выступали против решения Турции не вступать в войну, то впоследствии правительство Соединенного Королевства приняло действия Турции как разумные в сложившихся обстоятельствах.

В контексте изучения политики Турции в период Второй мировой войны в фокусе внимания исследователей также находятся ее отношения с Советским Союзом, чему посвящена статья турецкого ученого Б. Гёкая [Gökey]. Автор отмечает, что во время Второй мировой войны Турция столкнулась с военными угрозами со стороны Германии и Советского Союза. Великобритания, Германия и Советский Союз оказывали сильное давление на Турцию, чтобы она следовала политике, соответствующей их интересам. Турецкое правительство поддерживало статус невоюющей державы в форме шаткого нейтралитета и прилагало большие усилия, чтобы не быть втянутым в конфликт ни на одной из сторон. Геостратегическое расположение Турции на перекрестке трех континентов обеспечило ей уникальные возможности, и в результате она смогла достичь своей главной цели – не допустить опустошения страны войной.

Некоторое время Турции удавалось поддерживать тесные отношения как с Британией, так и с Советским Союзом. Однако после германо-советского пакта 1939 г., который рассматривается автором как «реальная точка отсчета Второй мировой войны»

[Gökaу, p. 847], Анкара начала отдаляться от Москвы. Пакт, безусловно, обеспокоил и удивил турецких политиков, и внешняя политика страны вступила в новую фазу, когда Турция выглядела еще более изолированной. И Германия, и Великобритания пытались использовать турецкую настороженность в отношении Советского Союза в своих целях: Германия использовала образ СССР, чтобы запугать турок и отвратить их от более активного сотрудничества с союзниками, а британцы пытались убедить Турцию, что тесные отношения с Великобританией были ее единственной надеждой избежать любых угроз со стороны Советского Союза.

В описываемый период Коммунистическая партия Турции (КПТ) вела открытую пропаганду против нацизма и войны. КПТ выставила правительство Турции во главе с Ш. Сараджоглу как надежного партнера нацистов. Увеличение антисоветской и антикоммунистической пропаганды в стране демонстрировалось как очевидное доказательство данного тезиса. До этого момента антисоветизм держался под контролем или даже запрещался неофициальной правительственной цензурой. Однако для многих влиятельных турецких националистов фашизм считался лучшим вариантом и приветствовался как средство сопротивления угрозе русского коммунизма.

В турецкой и западной историографии принято считать, что после первых успехов в борьбе с немецкой армией Советский Союз изменил свою политику и начал оказывать давление на Турцию. В доказательство данного тезиса приводятся следующие примеры: уведомление Молотова в марте 1945 г. о намерении Москвы денонсировать договор о дружбе с Турцией; выдвижение требований о новой конвенции о проливах, возврате провинций Карс и Ардаган и создании советских баз в районе проливов. Главной целью советской дипломатии было недопущение союза между Турцией и западными странами. Однако действия СССР оказали противоположный эффект. Турецкие власти, встревоженные сложившейся ситуацией, обратились к Лондону и Вашингтону за дипломатической поддержкой.

США, обеспокоенные действиями Москвы в Иране, решили занять жесткую позицию. В апреле 1946 г. Вашингтон вернул в Турцию тело турецкого посла на борту линкора «Миссури», что было воспринято турецким руководством как «новое проявление турецко-американской дружбы». В августе Вашингтон направил официальную ноту, твердо поддержав позицию Турции в отношении советских требований и подчеркнув необходимость сохранения за ней единоличного контроля над проливами. Таким образом,

американские лидеры посылали сигнал Советскому Союзу о своей новой более жесткой позиции, а Турции – о растущем интересе к Ближнему Востоку.

В контексте ухудшения советско-турецких отношений необходимо принимать во внимание ряд факторов. Во-первых, Анкара и Москва никогда не имели абсолютно дружественных отношений. Во-вторых, для руководства молодой Турецкой Республики союз с СССР всегда считался временным, важнейшей целью ее внешней политики было вхождение в западный альянс. В-третьих, советские требования относительно турецких проливов ни для кого не были сюрпризом, поскольку Россия претендовала на контроль над ними в течение столетий. При анализе советских требований и турецкого ответа на них необходимо учитывать также общий контекст последних месяцев Второй мировой войны и развернувшегося затем глобального советско-американского противоборства.

Другой турецкий историк М. Айдын [Aydin] отмечает, что главной целью Турецкой Республики в период Второй мировой войны было сохранение независимости страны без ущерба ее территориальной целостности. Политика турецкого руководства формировалась под влиянием итальянской угрозы в довоенный период, опасности немецкой агрессии, а затем противостояния с Советским Союзом. Тем не менее к июню 1941 г. Турция сумела подписать договоры о союзе и / или ненападении со всеми воюющими сторонами за исключением Италии и Японии. Это стало возможным благодаря сложной турецкой дипломатии, которая стремилась обезопасить страну без включения в какие-либо военные блоки.

Несмотря на однопартийное правление в Турции, все внешнеполитические решения в военный период становились объектом серьезных дискуссий между президентом И. Инёню, министром иностранных дел, а затем премьер-министром Ш. Сараджоглу и новым министром иностранных дел Н. Менеменджиоглу. В годы, предшествовавшие войне, они стремились примирить противоречивые цели враждующих сторон, одновременно пытаясь избежать чрезмерных обязательств, способных втянуть Турцию в конфликт.

Самой большой угрозой для Турции до войны была не Германия, а Италия, она с 1925 г. заявляла, что исторические цели Рима находятся в Азии и Африке. Хотя Муссолини и утверждал, что не подразумевал Турцию, опасения Анкары усиливались. Турецкое руководство было уверено, что итальянские власти воспользуются первой же возможностью, чтобы компенсировать неудачи Первой мировой войны и заполучить анатолийские территории. С этой точки зрения оккупация Италией Албании была воспринята в Тур-

ции как опасное расширение потенциальной угрозы в ее сторону. Этот шаг рассматривался Анкарой как часть плана Оси, поэтому она начала переговоры с Великобританией, Францией и Советским Союзом.

Переговоры Турции с Великобританией привели к подписанию совместного заявления 12 мая 1939 г. и аналогичного заявления с Францией 23 июня 1939 г. Турция выбрала свою сторону в предстоящем конфликте, хотя сотрудничество предусматривалось лишь в случае «нападения в районе Средиземноморья, ведущего к войне». С одной стороны, Анкара по-прежнему избегала отчуждения СССР, но с другой – подписание пакта о ненападении между СССР и Германией шокировало Турцию, ознаменовав начало очень трудного периода для ее внешней политики. До этого времени Турция ожидала, что Великобритания, Франция и СССР объединятся перед лицом растущей германской угрозы.

В начальный период войны Турция пыталась создать Балканский блок, чтобы предотвратить немецкое или советское продвижение в регионе, но потерпела неудачу. Балканские государства были против всего, что могло быть истолковано как провокация в сторону Германии, и воспринимали призывы Турции к оборонному сотрудничеству как шаги, направленные на то, чтобы втянуть их в британо-французскую орбиту. Также Анкара пыталась нормализовать отношения с Москвой, для чего в сентябре и октябре 1939 г. Советский Союз посещал министр иностранных дел Турции. Большинство встреч проходило в напряженной обстановке из-за постоянных требований советских лидеров внести поправки в конвенцию Монтрё. Убедившись, что переговоры ни к чему не приведут, турецкий представитель покинул СССР.

Московские переговоры стали поворотным моментом в турецко-советских отношениях. До этого времени Турция консультировалась с СССР, избегая антисоветских соглашений и информируя Москву обо всех своих соответствующих международных переговорах. Анкара оставалась верна договорным обязательствам перед СССР и приложила к Тройственному союзу Второй протокол, который предусматривал, что обязательства, вытекающие из договора, не могут заставить Турцию «предпринимать действия, имеющие своим результатом или влекущие за собой в качестве своего последствия вступление в вооруженный конфликт с Советским Союзом».

После объявления Италией войны Франции и Великобритании Париж и Лондон давили на Анкару, стремясь вовлечь ее в противостояние, несмотря на то что западные державы еще не выпол-

нили все условия соглашений. Турция также провела консультации с СССР относительно вступления в войну. Не имея никаких гарантий, что она не подвергнется нападению со стороны стран Оси или Советского Союза, Анкара приняла решение сохранить нейтралитет, оправдавшее себя после поражения Франции, когда стало ясно, что Британия в одиночку не сможет выполнить свои обязательства. Не стала турецкая сторона объявлять войну и после ввода германских войск в Румынию и вторжения Италии в Грецию, ограничившись лишь предупреждением Болгарии о негативных последствиях в случае ее нападения на Грецию. Великобритания поддерживала нейтралитет Турции, так как ее вступление в войну означало бы необходимость предоставления значительной помощи, а Лондон в тот момент даже свои собственные потребности обеспечивал с большим трудом. Более того, потеря Турции означала бы для Британии полную потерю Ближнего Востока.

Германия, с одной стороны, заманивала СССР предложениями относительно Турции и ее проливов, с другой – предлагала Анкаре гарантии безопасности. Турция боялась, что в случае нападения на нее Германией Советский Союз воспользуется ситуацией и нападет на нее с востока. Москва официально сообщила Анкаре, что не имеет подобных планов и будет придерживаться нейтралитета в случае начала военных действий. Данное соглашение было опубликовано в совместном советско-турецком коммюнике.

Несмотря на вторжение Германии в Грецию, Турция заявила о своем намерении сохранить нейтралитет, так как Великобритания не выполнила свои обязательства по поставкам военной помощи. В то же время Гитлер направил президенту Турции письмо, где заверил, что немецкие войска будут держаться подальше от турецкой границы. Германия начала искать возможность подписания с Анкарой пакта о ненападении, напоминая ей о советской угрозе, а также обещая послевоенные территориальные приобретения. В этот момент Турцию побудили к участию в этих переговорах не немецкие обещания, а ее опасения относительно возможного германо-советского сотрудничества. Турция уведомила Великобританию и СССР о германских демаршах, чтобы избежать возможной ловушки. Берлин представил свой проект договора, к которому прилагались секретные протоколы. Первый касался поставок немецкого оружия через турецкую территорию в Ирак, второй – территориальных приобретений Турции после войны.

18 июня 1941 г. Турция и Германия подписали Договор о дружбе и ненападении. Таким образом, Берлин обезопасил свой южный фланг за четыре дня до нападения на Советский Союз.

Вашингтон, недовольный действиями Анкары, приостановил поставки по ленд-лизу. Вторжение Германии в СССР успокоило турецкое руководство, но оно вновь оказалось под давлением Москвы и Лондона, которые теперь боролись с общим врагом. После проведения англо-советской операции в Иране Москва дала заверения, что не имеет претензий на проливы.

С возвратом к идее открытия второго фронта в Европе союзники начали снова оказывать давление на Турцию, которую хотели вовлечь в войну. В ходе переговоров в 1943 г. Черчилль пытался убедить Инёню вступить в конфликт, однако турецкая сторона указывала на необходимость переоснащения армии. СССР также выступал за немедленное объявление Анкарой войны Берлину, а США просили только об использовании авиабаз. Дальнейшие трехсторонние переговоры Великобритании, США и Турции не привели к какому-либо результату, так как Анкара не желала вступать в войну, не понимая, где и как ее армия будет вести боевые действия. Лондон приостановил военную поддержку турецкой стороне и посоветовал принять аналогичные меры и Вашингтону. Турция прекратила продажу хрома Германии в апреле 1944 г., однако это не привело к заметному улучшению отношений с союзниками.

По мере приближения окончания войны Турция начала искать пути улучшения отношений с Советским Союзом, однако Москва по-прежнему настаивала на ее вступлении в войну на стороне союзников. Аналогичного мнения придерживались и в Великобритании. Успехи советских войск на фронте и их вторжение в Румынию и Болгарию беспокоили Анкару, которая снова начала рассматривать отношения с Лондоном как единственный инструмент балансирования перед лицом советской угрозы. Визит Черчилля в Москву 9 октября 1944 г. еще больше усилил беспокойство Турции. К этому времени Черчилль почувствовал, что ее позиция не окажет заметного влияния ни на ход, ни на продолжительность войны. Поэтому он достаточно спокойно относился к требованиям Сталина, касающимся изменений в конвенции Монтрё. Так турецкая политика невмешательства начала играть негативную роль для будущего страны, поскольку Турция не могла заручиться чьей-либо поддержкой и принимать участие в будущем переустройстве мира.

Фигура У. Черчилля в целом является одной из ключевых в контексте британо-турецких отношений в тот период. У. Доктер в своей статье анализирует именно личностный фактор британского премьер-министра при формировании турецкого вектора внешней политики Великобритании [Dockter]. Чтобы понять точку зрения У. Черчилля на англо-турецкие отношения в период Второй миро-

вой войны, указывает автор, необходимо оценить контекст формирования его мировоззрения. Черчилль был выходцем из консервативной политической среды; серьезное влияние на него оказало также мировоззрение его отца, лорда Р. Черчилля, занимавшего пост министра по делам Индии. Одно из самых ранних размышлений У. Черчилля об Османской империи относится к его отъезду в Индию в 1897 г. В переписке с матерью он спорил с ней о ситуации на Балканах и надвигающейся греко-турецкой войне, поддерживая турок. Отмечается, что он мог также унаследовать туркофильские настроения своего отца.

Несмотря на формирование Антанты, Черчилль по-прежнему настаивал на необходимости англо-османского союза. После Первой мировой войны сохранял оптимистичный взгляд на перспективы англо-турецких отношений. В меморандуме кабинета министров от 7 июня 1920 г. он подверг резкой критике Севрский договор, по которому Фракия и Смирна были переданы Греции.

Для Черчилля Турция была идеально расположена географически в Средиземноморье и занимала пространство, которое могло бы обеспечить восточный фронт в Европе или плацдарм для наступления на оккупированные нацистами страны. Когда Черчилль был назначен первым лордом Адмиралтейства в сентябре 1939 г., он принес с собой идеи и стратегические понятия XIX в. Понимая, что СССР не поддержит Великобританию, он начал рассматривать Анкару как потенциального союзника в борьбе с Германией. После подписания англо-франко-турецкого договора 1939 г. приказал изучить возможность обороны Черного моря и Турции в случае объявления Советским Союзом войны Великобритании.

После разочарования действиями Анкары У. Черчилль объявил, что Великобритания не связана с Турцией никакими обязательствами, при этом сохраняя позитивный взгляд на турецкий нейтралитет. Даже после подписания турецко-германского договора он защищал Турцию в ходе своих выступлений перед кабинетом министров и Палатой общин.

После того как 22 июня 1941 г. немцы нарушили пакт Молотова–Риббентропа, ситуация для Черчилля кардинально изменилась. Перспектива союза с СССР полностью изменила баланс сил в Европе. Желание Черчилля заключить формальный союз с Турцией на время утихло. В течение 1942 г. его средиземноморская стратегия оставалась сосредоточенной на турецком нейтралитете. В феврале Черчилль написал письмо Инёню, призывая его придерживаться строгого нейтралитета и не позволять никому проходить через турецкую территорию. Помимо этого ему пришлось

развеивать взаимные опасения Турции и СССР относительно возможности нападения друг на друга.

С 1943 г. дипломатия Черчилля была направлена на вовлечение Турции в войну. Премьер-министр предполагал, что Анкара должна играть важную роль в Европе и ее послевоенном обустройстве. Но подобная роль была бы нереализуема, пока турецкая сторона оставалась нейтральной. Нейтралитет Турции становился все более утомительным для Черчилля. К концу войны, несмотря на советско-турецкое охлаждение из-за статуса проливов, он надеялся на заключение союза между Турцией и СССР. В ходе англо-советских переговоров 1944 г. Лондон даже поддержал требования Москвы по отношению к Турции. Однако вскоре позиция Британии кардинально изменилась.

Даже после отставки Черчилль продолжал продвигать свои взгляды на англо-турецкие отношения. В выступлении в марте 1946 г. политик разделил мир на западную и советскую сферы влияния, где Турция была включена в число стран Запада. Таким образом, мировоззрение Черчилля оказало сильное влияние на его отношение к Турции. Несмотря на постоянно меняющуюся международную обстановку, Черчилль верил в дружбу Турции и Британии и искал способы реализации этих идей.

В фокусе внимания британского ученого Э. Корса [Corse] находится деятельность британской пропаганды в Турции, которая, будучи нейтральной державой в стратегически важном регионе, стала полем пропагандистской битвы между Объединенными нациями и государствами Оси. Все стороны стремились, как минимум, поддерживать хорошие отношения с Анкарой, как максимум – втянуть ее в конфликт. Турция объявила войну Германии лишь под конец боевых действий, поэтому на протяжении всего военного периода ей приходилось придерживаться линии, которая не должна была расстроить ни одну из сторон. Одна из стратегий Анкары заключалась в контроле иностранной пропаганды в стране.

Пропагандистская война в Турции началась почти одновременно с началом Второй мировой, и Британия не была готова к этому противостоянию. Еще в ноябре 1939 г. турецкие СМИ сообщали, что немецкие пропагандистские организации обладали масштабными возможностями в стране. Лондон направил в Турцию Д. Росса для создания британского информационного офиса. В своих докладах он отмечал, что хоть немцы и прилагают значительные усилия для влияния на турецкую прессу, получаемый итог не соответствует затраченным средствам. Несмотря на обнадежи-

вающие выводы, британской машине пропаганды предстояло наверстать многое для конкуренции с немцами.

Среди основных институтов британской пропаганды в Турции выделяются следующие: посольство Великобритании в Турции и представитель министерства информации, занимавшиеся «белой» пропагандой; представители управления специальных операций, создававшие «черную» и «серую» пропаганду; Британский совет – по сути, пропагандистское агентство британского правительства; а также Британская вещательная корпорация (BBC).

Вторжение Германии в Советский Союз активизировало деятельность в области пропаганды, так как Лондону важно было сохранить, как минимум, нейтралитет Турции. В ходе совместной работы ведомств были выработаны цели британской пропаганды в Турции:

- способствовать поддержанию турецкой решимости противостоять немецкому вторжению и противодействовать нацистской пропаганде;
- создать основу для хороших англо-турецких отношений;
- оказать влияние на Турцию, чтобы ее руководство приняло шаги по контролю экономики и было готово сыграть свою роль в будущем мироустройстве.

Первая из этих целей, по сути, заключалась в сохранении статус-кво – не в стремлении вовлечь Турцию в войну, а в том, чтобы держать Анкару подальше от Германии. Однако данные цели не одобрило министерство иностранных дел, выступавшее за подталкивание Турции к вступлению в войну. Поэтому оно подготовило секретное приложение, где целью британской пропаганды обозначалась «подготовка турецких умов к состоянию войны».

Цели британской пропаганды от сентября 1943 г. уже включали в себя следующие пункты:

- оказание содействия Турции в сопротивлении всем формам немецкого давления;
- получение более позитивной помощи от Турции в интересах союзников с возможностью привлечения Анкары к войне против Германии;
- давление на Турцию, чтобы ее руководство предприняло шаги по контролю экономики, чтобы предотвратить экономический хаос на территории, представляющей стратегический интерес для Британии.

Деятельность пропагандистских организаций велась по нескольким направлениям. В турецкие новостные издания отправлялись новостные сводки из Великобритании, поддерживался выпуск

британских газет в Турции, а также финансировались турецкие, организовывались поездки турецких журналистов в Великобританию. Помимо этого велась организация работы библиотек и выставок с британскими изданиями, устраивались лекции о британской культуре. Турецкая служба BBC четыре раза в день транслировала новостные сводки.

Что касается более скрытой пропаганды, то она принимала ряд форм. Так, посол Х. Нэтчбулл-Хьюджессен был уполномочен тратить 5000 ф. стерл. в год на взяточничество (фраза, которая открыто использовалась в документах того времени). Он мог подкупать определенных должностных лиц и редакторов газет, которые помогали британскому делу по его усмотрению, хотя ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, на что именно потратить деньги. Создавалась агентурная сеть для распространения слухов. Нэтчбулл-Хьюджессен хотел контролировать все в области британской пропаганды в Турции и негативно относился к действиям, произведенным без его разрешения, что приводило к конфликтам.

Британская пропаганда, возможно, сыграла свою роль, чтобы держать Турцию подальше от Германии, и помогла сохранить нейтральную буферную зону, которая не позволяла нацистам проникнуть на Ближний Восток. Большая часть пропагандистской работы, которая велась в Турции во время войны, была рассчитана также на долгосрочный эффект. Обучение английскому языку и повышение осведомленности о британских культурных ценностях и британских военных усилиях создали положительный результат, который сохранялся и после окончания войны.

О.В. Бабенко

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1939–1945 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА PRZEGLĄD
WSCHODNIOEUROPEJSKI 2022–2024 гг.)
(Обзор)**

Советско-польские отношения в годы Второй мировой войны вызывают неподдельный интерес ученых ввиду большого исторического и политического значения данной проблематики. Немалый вклад в их изучение внесли польские историки, исследующие различные аспекты этой темы – от политики Кремля в отношении польских военных организаций до обстоятельств разрыва Москвой дипломатических отношений с Варшавой в 1943 г. В обзоре рассматриваются материалы журнала *Przeгляд Wschodnioeuropejski* («Восточноевропейское обозрение»), издающегося в Ольштыне Центром исследований Восточной Европы Варминско-Мазурского университета. Публикации отдельного издания уже свидетельствуют о том, что поляки изучают события Второй мировой войны в самом широком контексте. Однако из-за негативного восприятия современной Варшавой всего советского и российского в работах польских ученых нет историй о героической борьбе Советского Союза против нацистской Германии и ее союзников. Их исследования тенденциозны, ряд приводимых ими фактов из истории советско-польских отношений требует верификации. Большие сомнения вызывает страшная картина пребывания польских детей в СССР в невыносимых условиях.

В статье Гжегожа Ясиньского (Военно-технологический университет в Варшаве) рассматривается политика Кремля в отношении Союза вооруженной борьбы (с 1942 г. – Армия Крайова, АК) – тайной военной организации, возникшей в оккупированной Польше на волне движения Сопrotивления [Jasiński]. Автор пытается

доказать, что в период с 22 июня 1941 г. по 25 апреля 1943 г. СССР проводил политику удержания Польши в сфере своего влияния. По этой причине он боролся сначала с Союзом вооруженной борьбы, затем с АК, поскольку эти организации препятствовали осуществлению Москвой планов быстрого подчинения польских земель и установления в стране коммунистического режима в послевоенное время [Jasiński, s. 137].

30 июля 1941 г. премьер-министр и главнокомандующий польскими вооруженными силами генерал В. Сикорский и посол СССР в Великобритании И.М. Майский подписали военно-политическое соглашение, согласно которому советское правительство признавало, что договоры с Германией 1939 г., предусматривавшие, в том числе, территориальный раздел Польши, утратили свою силу. Стороны обязались оказывать друг другу помощь в борьбе с нацистами, проявлением чего должно было стать создание в Советском Союзе польской армии. Однако СССР не дал обязательств вернуть захваченные 17 сентября 1939 г. территории и гарантий «полной безопасности польских граждан, оказавшихся на его территории» [Jasiński, s. 140].

6 августа 1941 г. в Москву приехала польская военная миссия, а 14 августа было подписано соглашение, по которому поляки обязались создать разведывательную сеть в немецком тылу и передавать советской стороне полученную информацию. Тем не менее 29 июля 1942 г. СССР прекратил сотрудничество разведок. В качестве официальной причины этого называлась эвакуация польской армии Андерса с советской территории. Однако тогда уже было очевидно, что державы антигитлеровской коалиции начали перевешивать страны Оси, а враждебные, по мнению автора, планы Кремля в отношении польского подполья перечеркивали сотрудничество с ним [Jasiński, s. 140].

Осенью 1941 г. на довоенных территориях Польши стали появляться группы советских партизан. Ясиньский считает, что в конце 1942 – начале 1943 г. Кремль еще был склонен признать польское подпольное государство и АК своими союзниками, но только как орудие в борьбе с Германией при условии разрыва ими отношений с правительством Польши в изгнании [Jasiński, s. 141].

25 апреля 1943 г. в связи с попытками эмигрантского правительства расследовать Катынское дело СССР разорвал с ним дипломатические отношения. Позднее делегат польского правительства, фамилия которого не называется, по согласованию с АК отказался сотрудничать с коммунистами из Польской рабочей партии. С этого времени отношения Москвы с АК обострились по причине

того, что советская сторона, по мнению автора, задалась целью ослабить позиции поляков на восточных кресах (в Западной Беларуси, Западной Украине и в районе Вильно) [Jasiński, s. 141].

Ясиньский пишет, что на юго-восточных кресах (в Западной Украине), где советские партизанские отряды терпели поражения от украинских националистов, СССР проводил политику подчинения польского подполья, оправдывая ее «борьбой с общим врагом, т.е. Украинской повстанческой армией¹» [Jasiński, s. 142]. Эта политика достигла наибольших успехов на Волыни – там совместно с советскими партизанами воевало много поляков.

Однако в 1944 г. эстафету по подчинению польских земель у партизан принял НКВД, инициировавший расправы над АК и гражданскими структурами польского подпольного государства. Польским подпольем занимались, в частности, контрразведка «Смерш» и внутренние войска НКВД [Jasiński, s. 143]. В июле 1944 г. были разоружены отряды АК, сражавшиеся за Вильнюс. Арестам подверглись военные, находившиеся на руководящих должностях, – полковник А. Кшижановский, майор Т. Цетис, полковник В. Филипковский и др.

26 июля 1944 г. был подписан польско-советский договор, согласно которому управление занятыми Красной армией территориями бывшей II Речи Посполитой до окончания военных действий должна была осуществлять советская сторона. В начале 1945 г. ситуация в польском подполье ухудшилась. 12 января Красная армия развернула наступление, направленное на «уничтожение остатков АК» [Jasiński, s. 145]. Боевым действиям сопутствовали аресты. В период с 15 октября 1944 г. по 5 января 1945 г. органы НКВД совместно с Польским комитетом национального освобождения задержали 13 142 человека, в их числе были арестованы 9101 солдат АК [Jasiński, s. 145].

Ясиньский приходит к выводу, что результатом советской политики в отношении АК «было физическое уничтожение многих ее ключевых руководителей разного уровня» [Jasiński, s. 146]. В лагерях оказались 10 тыс. солдат и около 50 тыс. членов их семей. Усилиями НКВД в Польше создавался подконтрольный ему коммунистический аппарат безопасности. Во многом благодаря этому Красная армия в 1944–1945 гг. смогла сломить сопротивление

---

¹ Украинская повстанческая армия (УПА), сформированная в 1943 г., была официально распущена в 1949 г., но отдельные отряды продолжали действовать вплоть до середины 1950-х годов. В 2014 г. Верховный суд России признал УПА экстремистской организацией. – *Примеч. ред.*

ние поляков, а Сталин «при молчаливом согласии западных держав» продолжил «деполонизацию занятых территорий» и «борьбу с легальными властями Польской республики» [Jasiński, s. 146].

Статья Войцеха Марциняка (Лодзинский университет) посвящена участию посольства Польши в Москве в решении проблемы возвращения польского гражданства советским полякам в середине 1940-х годов. Автор констатирует, что после вторжения Красной армии в Польшу 17 сентября 1939 г. начались массовые репрессии в отношении ее граждан – поляков, евреев, белорусов и украинцев. В течение 1940–1941 гг. были выселены более 320 тыс. человек [Marciniak, s. 73]. Переселенцев направляли в отдаленные районы европейской части РСФСР, Сибирь и Казахстан. Вторжение РККА в польские земли оправдывалось прекращением существования Польского государства¹. Жителям Западной Белоруссии и Западной Украины, по мнению автора, «навязывалось советское гражданство» [Marciniak, s. 74]. В 1943 г. поляки, находившиеся на советской территории после эвакуации армии Владислава Андерса, были вынуждены принять гражданство СССР.

После разрыва дипломатических отношений между Москвой и польским правительством в изгнании в 1943 г. в Советском Союзе из польских организаций остался только Союз польских патриотов, основанный в марте 1943 г. и находившийся под контролем советских властей. В 1944 г. был основан Польский комитет национального освобождения (ПКНО), который также поддерживал дружественные отношения с Кремлем и являлся подконтрольной ему организацией. Как пишет автор, создание этого комитета положило начало «новой главе как в польско-советских отношениях, так и в истории Польши» [Marciniak, s. 74]. ПКНО декларировал изменения польских границ, перемены в сфере экономики, внутренней и внешней политики. Глава Союза польских патриотов Ванда Василевская в июле 1944 г. вошла в руководство этого комитета, которому удалось, в частности, достигнуть соглашения с Кремлем о восточных границах Польши.

В тот же период времени, в июне-июле 1944 г., Верховный Совет СССР решил предоставить польское гражданство военным и членам их семей, происходившим из восточной Польши. Право на гражданство Польской республики получили также лица, имевшие

---

¹ В первые дни сентября 1939 г. польское руководство оставило Варшаву. В ночь с 17 на 18 сентября президент, правительство и военное командование Польши выехали в Румынию. 6 октября завершился разгром польских войск, территория страны была поделена между СССР и Германией. – *Примеч. авт.*

другой статус, но сражавшиеся с нацистской Германией. Однако, по утверждению автора, эти решения «не были воплощены на практике» [Marciniak, s. 74]. Более того, Москва считала «все изменения юридического статуса поляков, проживавших в СССР, исключительно советской прерогативой» [Marciniak, s. 76].

6 июля 1945 г. было заключено польско-советское соглашение о репатриации. После этого началась подготовка к эвакуации из СССР поляков, депортированных в советскую глубинку в 1940–1941 гг. Не последнюю роль в этом сыграли послы Польши в Москве С. Модзелевский и Х. Раабе. Модзелевский лично участвовал в переговорах с советскими властями по поводу договора о репатриации, но его предложения не были учтены. Раабе встречался с советскими дипломатами, обсуждал с ними процедуру возвращения полякам польского гражданства при поддержке польского Министерства иностранных дел.

Лица польского происхождения, пожелавшие вернуться на родину, должны были сменить гражданство, а для этого им необходимо было доказать, что они являлись гражданами II Речи Посполитой до 17 сентября 1939 г. Однако у большинства из них не было соответствующих документов, что затрудняло их возвращение. Осенью 1945 г. польское посольство в Москве попыталось упростить процедуру смены гражданства, что поспособствовало началу репатриации поляков. В 1946–1947 гг. польская сторона пожелала возобновить репатриацию, но «Советы были против» [Marciniak, s. 80].

В публикации Агнешки Рогуской, Рафала Рогуского и Анны Мадей (Университет в Седльце) рассматривается жизнь и образование польских детей в СССР [Roguska, Roguski, Madej]. Они были депортированы с занятых Красной армией 17 сентября 1939 г. польских территорий в трудовые лагеря, колхозы и лесные хозяйства советской глубинки, в том числе Сибири и Казахстана. Впоследствии эти дети были эвакуированы в Иран и другие страны, находившиеся под контролем Великобритании.

Во время «польского похода» 1939 г. советская сторона взяла в плен десятки тысяч польских военнослужащих. 21 857 из них были расстреляны в 1940 г., членов их семей депортировали в глубь СССР. В статье подчеркивается, что польские дети и молодежь «рассматривались как враги народа» [Roguska, Roguski, Madej, s. 32]. Первая масштабная депортация поляков состоялась в феврале 1940 г., когда были высланы от 139 до 141 тыс. военных и гражданских лиц. В июне 1940 г. были депортированы 75–80 тыс. человек, включая значительное число евреев. Переселенцы получили осо-

бый статус и находились в лагерях под контролем НКВД. В апреле 1940 г. депортировали родственников польских узников. В 1940–1941 гг. около 380 тыс. польских детей в возрасте до 18 лет были перемещены в СССР. Умерли от голода, холода и болезней 20%. Польских детей, находившихся в трудовых лагерях, колхозах и лесных хозяйствах, принуждали, по утверждению авторов, «трудиться как рабов» [Roguska, Roguski, Madej, s. 32].

После 17 сентября 1939 г. польская система образования была уничтожена. Местные дети учились по немецкой либо советской программам. В занятых СССР польских землях дети получали образование по весьма ограниченной программе с идеологической окраской. Им не разрешалось участвовать в полноценном учебном процессе. Тем не менее авторы отмечают, что в СССР было организовано по крайней мере 19 образовательных учреждений для польских детей, включая три школы и семь лагерей, в которых воспитывались почти 4000 человек [Roguska, Roguski, Madej, s. 33]. Так, школа для мальчиков 14–17 лет была открыта в селе Тощое Оренбургской области. Однако она не располагала ни учебниками, ни библиотекой. Можно было лишь позаимствовать «несколько русских учебников» у местных жителей [Roguska, Roguski, Madej, s. 34]. У мальчиков-подростков, как утверждается в статье, не было нижнего белья и обуви, они ходили в лохмотьях. К тому же ребята имели серьезные проблемы со здоровьем, 10% постоянно болели [Roguska, Roguski, Madej, s. 34].

СССР не стал постоянным местом жительства для большинства депортированных поляков. На основании соглашения Сикорского – Майского от 30 июля 1941 г. началась эвакуация польской армии и гражданских лиц в Иран. Соглашение было инициировано британским премьер-министром У. Черчиллем, выполнение его положений контролировалось англичанами. В то время в Иране постоянно проживали 112 польских граждан, на депортации которых настаивала Германия. Однако эту проблему удалось решить.

Изначально советская сторона выразила согласие на эвакуацию польских военных и их семей, детей-сирот и активистов социалистического движения. Однако генералу Андерсу удалось эвакуировать также солдат еврейского происхождения и их близких, раввинов и политических активистов не только социалистической ориентации [Roguska, Roguski, Madej, s. 36].

Польских переселенцев перевезли сначала в г. Пехлеви, затем – в Тегеран. Процесс отправки поляков в Иран охватывал март–апрель 1942 г. В этот период в Тегеран, Исфахан и Хамадан были вывезены 3803 польских ребенка. Для них организовывались

лагеря временного пребывания. Школьники занимались в просторных классах, их хорошо кормили, они всегда имели чистое постельное белье.

Для многих поляков нахождение в Иране носило временный характер. Одни польские дети в 1945 г. были перемещены в Дар-эс-Салам (Танзания), другие в 1948 г. попали в Геную. Некоторые польские школьники оказались в Новой Зеландии [Roguska, Roguski, Madej, s. 38]. Кроме того, еще в 1942 г. 220 польских детей приняла Индия, а в 1943 г. их число увеличилось до 2600 человек [Roguska, Roguski, Madej, s. 39].

Авторы приходят к выводу, что 18 тыс. польских детей, депортированных в СССР в 1942 г., «были спасены» [Roguska, Roguski, Madej, s. 40]. Судьбы ребят, которых принудительно перемещали в разные страны в 1940-е годы, были трагичными из-за того, что они являлись сиротами либо происходили из неполных семей и не имели нормального детства. После Второй мировой войны некоторые из них «смогли вернуться в Польшу» [Roguska, Roguski, Madej, s. 40].

В публикации Ярослава Волконовского (Белостокский университет) анализируются польско-советские военно-политические отношения на территории Виленского края в годы Второй мировой войны [Wołkonowski]. После вторжения Красной армии в Польшу сопротивление поляков в Виленском крае носило очаговый характер. Отдельные их отряды пытались воевать в Дзисне, Друе, Бра-славе и Глубоком. После занятия Вильнюса советскими войсками были арестованы и депортированы 390 известных жителей этого города.

В 1940–1941 гг. проходила депортация жителей Виленского региона. В расстрелах местных жителей автор обвиняет только немцев [Wołkonowski, s. 176]. С советской стороны поляки хотели наладить отношения.

В 1943 г. была сделана первая попытка достичь польско-советского соглашения по вопросу о будущих, послевоенных границах Польши. Польское правительство в эмиграции выступило с инициативой создать в Виленском крае партизанские отряды после согласования этой проблемы с советской стороной. Автором идеи был подпоручик запаса А. Бужиньский. Он начал создание первого партизанского отряда в марте 1943 г. в окрестностях озера Нарочь. В августе в нем были уже около 300 партизан. Однако Бужиньский не желал предпринимать совместные действия с советскими партизанами. В августе 1943 г. после начала расследования Катынского дела польский партизанский отряд был разоружен якобы по

причине того, что его «руководство стало проводить враждебную политику в отношении СССР» [Wołkonowski, s. 179].

Вторая попытка достижения польско-советского соглашения была предпринята в 1943–1944 гг. Из уцелевших бойцов первого партизанского отряда был создан новый отряд под командованием С. Шендзяжа из комендатуры Виленского округа. Однако переговоры польской и советской сторон на уровне партизан, по мнению автора, использовались Москвой «в целях подготовки ликвидации польского подполья» [Wołkonowski, s. 182]. В январе 1944 г. советская сторона решила ликвидировать и этот партизанский отряд, обвинив его в профашистском настрое. 2 февраля советские партизаны напали на поляков в местности Радзиуш, но им удалось «переправиться через реку Страчу и покинуть эту территорию» [Wołkonowski, s. 182].

Третья попытка заключить польско-советское соглашение имела место весной 1944 г. В то время власти подпольного польского государства и комендатура АК приняли решение начать операцию «Буря» с целью установить свой контроль над бывшими восточными территориями II Речи Посполитой. Был также разработан план «Острые ворота» по захвату Вильнюса. Однако советская сторона не позволила осуществить эти планы, и почти все отряды АК «сложили оружие» [Wołkonowski, s. 185].

Вывод Волконовского сводится к тому, что Кремль использовал свои отношения с польским подпольем в целях его уничтожения [Wołkonowski, s. 186]. Подполье сделало три попытки достичь соглашения с советским режимом по вопросу о границах Польши, но они были безуспешными. После Второй мировой войны этот вопрос оставался ключевым в польско-советских отношениях.

Наконец, статья Януша Зузяка (Ченстоховский университет Яна Длугоша) посвящена обстоятельствам разрыва Советским Союзом дипломатических отношений с Польшей в апреле 1943 г. [Zuziak]. 11 апреля 1943 г. Германия первой выпустила официальное коммюнике об обнаружении под Смоленском останков 3 тыс. польских офицеров. После этого катынское преступление стало активно обсуждаться. Польское правительство в изгнании приняло решение обратиться в Международный Красный Крест с предложением выслать на место трагедии делегацию для ее расследования. В ответ на это Кремль обвинил польских эмигрантов в сотрудничестве с нацистской Германией и враждебном настрое в отношении Советского Союза. 25 апреля 1943 г. Сталин разорвал дипломатические отношения с Польшей.

До этого момента советско-польские отношения в период Второй мировой войны развивались в несколько этапов. После вторжения Красной армии на территорию Польши 17 сентября 1939 г. дипломатические отношения были разорваны, однако после германского нападения на СССР в 1941 г. ситуация изменилась. 12 июля 1941 г. Великобритания подписала с Советским Союзом договор, содержащий взаимные обязательства в борьбе с Германией. Оживились отношения СССР и США, последние пообещали помощь Москве в войне с нацистами. 18 июля 1941 г. был заключен советско-чехословацкий договор об обязательствах в борьбе с Рейхом. Генерал Сикорский отдавал себе отчет, что отсутствие действий по налаживанию польско-советских отношений может привести к изоляции Польши на международной арене. В результате 30 июля 1941 г. был заключен договор Сикорского – Майского. Последствием этого договора стало подписание в Москве военной конвенции 14 августа 1941 г. Два дня ранее советское правительство издало декрет об амнистии для польских граждан, находившихся в заключении на территории СССР. Военная конвенция была подписана генералами А. М. Василевским с советской стороны и З. Богушем-Шишко – с польской. Она предусматривала быструю организацию польской армии, призванной сражаться против Германии и ее союзников. После заключения конвенции Сикорский начал искать помощь в деле оснащения польских войск на территории СССР у США и Великобритании. Он считал, что советская сторона не в состоянии помочь полякам [Zuziak, s. 206].

И.В. Сталин делал все для того, чтобы у СССР не было отношений с польским правительством в изгнании, которое в 1943 г. находилось в Лондоне. Польский посол в СССР Т. Ромер проводил переговоры с Молотовым и Сталиным на предмет улучшения отношений, но они «не изменили ситуацию» [Zuziak, s. 209]. По мнению автора, Кремль даже хотел полностью порвать отношения с эмигрантским правительством, «делая ставку на нового партнера по переговорам – [Ванду] Василевскую и недавно созданный Союз польских патриотов» [Zuziak, s. 210]. Таким образом, заключает Зузяк, расследование катынского преступления стало для Сталина всего лишь поводом «к разрыву отношений с правительством генерала Сикорского и созданию основ нового польского правительства, состоящего из коммунистов» [Zuziak, s. 215].

Фолли М.

**«ОНИ ОТНОСЯТСЯ К НАМ БЕЗ ОСОБОГО УВАЖЕНИЯ»:
ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ В БРИТАНО-
СОВЕТСКОМ ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Folly M. H. «They treat us with scant respect»: prejudice and pride in British Military Liaison with the Soviet Union in the Second World War // *The international history review*. – 2021. – Vol. 44, N 5. – P. 1127–1144. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07075332.2021.2003845>

В статье сотрудника Лондонского университета Брунеля Мартина Фолли рассматривается недостаточно изученная в историографии проблема влияния на дипломатические отношения между Великобританией и СССР в годы Второй мировой войны таких иррациональных факторов, как стремление англичан поддерживать личный авторитет своих представителей и престиж английского государства, проблемы жизни иностранца в Советском Союзе, разные типы культуры и правил поведения, межведомственное соперничество и т.д.

Британская военная миссия в СССР действовала с 1941 по 1945 г. Первоначальная директива ставила перед ней целый ряд задач, включая не только сбор разведывательных данных, но и организацию сотрудничества, выполнение функций оперативного связующего звена в совместных действиях и координацию в вопросах о поставках, использовании оборудования, в политических вопросах, в том числе о перемирии и соблюдении норм международного права на оккупированных территориях. При этом от внимания историков до сих пор ускользал вопрос о воздействии на правительство Великобритании и членов миссии опыта пребыва-

ния английских военнослужащих в СССР. Это тот недостающий элемент исследования, который переводит дискуссию от идеологии к проблематике эмоций и, как определил глава 30-й британской военной миссии в Москве, назначенный на этот пост в марте 1943 г., генерал Ж. Мартель, к проблеме «авторитета» и «уважения». Мартель определил отношения с СССР в двух категориях – «внутренние» и «военные». «Военные» отношения включали в себя контакты с Красной армией и Военно-морским флотом, обмен информацией, особенно о действиях противника на поле боя, и вопрос о военных поставках. «Внутренняя» сфера охватывала все аспекты жизни и службы в СССР, в том числе взаимодействие с советскими властями по таким вопросам, как визы, ограничения на поездки, проживание и особенности советских законов.

Автор статьи сосредоточил свое внимание на «новом курсе», который был предложен после подробного доклада главы миссии в Москве, предшественника Мартеля, контр-адмирала Джеффри Майлса. Ни доклад, ни «новый курс» ранее не подвергались историческому анализу.

Двенадцать месяцев с ноября 1942 по ноябрь 1943 г. были в целом важным периодом в союзнических отношениях, когда англо-американские войска наконец-то начали наступление, но масштаб и глубина сотрудничества с СССР все еще оставались весьма неопределенными.

Необходимо учитывать, что с самого начала в миссии существовала напряженность между секциями, представлявшими адмиралтейство, сухопутные войска и военно-воздушные силы. Советские военные больше ценили сотрудничество с военно-морским флотом Великобритании, чем с британской армией, контакты с которой сводились только к вопросам получения разведданных. Королевские ВВС также привлекались к планированию военных операций на территории СССР. Но в итоге из-за позиции советской стороны значительная часть их взаимодействия с Советским Союзом свелась к вопросам поставок самолетов и техники.

С мая 1942 г. миссию возглавлял контр-адмирал Дж. Майлс. В отличие от своего предшественника, Ф.Н. Мэйсона-Макфарлейна, он не имел опыта работы в разведке, но зато участвовал в боевых действиях. После ухода Макфарлейна военная часть миссии была передана под руководство полковника К. Эксхэма, военно-воздушный отдел возглавил капитан У. Чешир. Задачей миссии теперь было в основном управление арктическими конвоями.

Взаимодействие англичан с русскими зависело от позиции британского командования. Когда осенью 1942 г. была приостано-

новлена организация британских конвоев из-за необходимости использования судов для операции «Факел» (высадка союзников во Французской Северной Африке), в отношениях с советскими офицерами произошло явное охлаждение. Это проявилось в вопросах обмена разведывательной информацией и в поведении чиновников в Архангельске и Мурманске. Последние стали жестко следовать инструкциям: препятствовали передвижению личного состава, применяли цензуру к личной переписке, строго наказывали за нарушения (пьянство, потасовки). Власти в Москве медлили с обработкой визовых заявлений. Это приводило к тому, что сотрудники, ожидающие возвращения в Британию, не могли уехать, так как им не было замены. Все подобные проблемы негативно влияли на настроение и позицию Майлса.

Но ситуация значительно улучшилась с началом операции «Факел» и с британской победой при Эль-Аламейне в ноябре 1942 г. Отношение русских к англичанам сразу изменилось. И.В. Сталин очень положительно отозвался о союзниках СССР в речи 6 ноября, посвященной годовщине Октябрьской революции. Контакты Эксхэма по военным вопросам сразу стали более открытыми. Эксхэм отмечал, что такое поведение соответствовало славянскому характеру. Англичане считали, что русские сильно отличаются от европейцев, и это нужно учитывать, особенно в вопросах секретности.

Первоначальный толчок к пересмотру тактики по отношению к СССР исходил от самой миссии. Майлс и Чешир отправили в конце года отчеты, в которых представили опыт работы миссии с момента ее создания.

Майлс писал, что ухудшение отношений с советским Генштабом было вызвано военными неудачами британской армии в Сингапуре, Гонконге и Тобруке, а также отменой конвоев и крупными авиационными налетами. Вместе с тем он акцентировал внимание на том, что манеры русских военных оставляли желать лучшего, что миссии приходится иметь дело с грубыми и нецивилизованными крестьянами, которые стали офицерами. Тем не менее Майлс отмечал, что в вопросах информации о немцах советские военные готовы были сотрудничать, но не желали давать сведения о действиях собственных войск. Поэтому он предлагал поменять подход во взаимоотношениях с русскими. Майлс считал, что нужно мягко использовать принцип взаимности – не заставлять советскую сторону предоставлять информацию, которую она не собиралась давать, но при этом занимать жесткую позицию в вопросах, которые были особо важными для сотрудников миссии в Москве, Мурманске и Архангельске.

Представитель Королевских ВВС в Москве Чешир приводил аналогичные аргументы для изменения тактики (с. 1133).

Отчеты Майлса и Чешира были переданы в Объединенный разведывательный комитет, который собрался для оценки и выработки рекомендаций 19 января 1943 г. Его возглавлял представитель Министерства иностранных дел В. Кавендиш-Бентинк. Комитет принял рекомендации Майлса о необходимости проведения переговоров с советской стороной о лучшем обращении с представителями английской миссии в СССР, а также о необходимости получения нужной военной информации со стороны Советского Союза. Переговоры со Сталиным готов был вести посол Великобритании в Москве А. Кларк Керр. Комитет также предложил назначить представителями британской армии и ВВС генералов, чтобы повысить их статус и тем обеспечить возможность частных контактов с советским высшим военным руководством. Основной задачей взаимодействия с советской стороной был поставлен вопрос о снабжении технической информацией из СССР. Он лишь частично касался разведки.

После встреч У. Черчилля со Сталиным в августе 1942 г. был согласован свободный обмен любой информацией о разработках оружия, научных достижениях и других подобных вопросах, которые могли бы помочь в ведении войны. Было решено отправить новую миссию в Москву для оперативного выполнения этого соглашения.

Первоначально руководителем миссии был назначен Генри Тизард, член Королевского общества. Он поднял вопрос, чтобы переговоры не ограничивались только задачами военной разведки, а затрагивали также множество других аспектов сотрудничества. При этом Тизард настоял на том, чтобы ему позволили свободно передавать информацию Советам, а не торговаться по каждому пункту.

Миссия Тизарда была отложена из-за его болезни. Но «новый курс» по отношению к сотрудничеству с СССР сохранился, несмотря на то что некоторые военные требовали соблюдения принципа взаимности, а не дальнейших уступок со стороны англичан Советам. Обновленная тактика была обусловлена важностью военных успехов Красной армии для политики Великобритании.

Новую миссию в 1943 г. возглавил генерал Ж. Мартель. В разговоре со Сталиным посол Великобритании в СССР Кларк Керр получил заверения, что миссия будет рассматриваться как союзник. В Лондоне надеялись, что репутация Мартеля как хорошего эксперта в бронетанковой войне позволит ему получить кон-

такты на более высоком уровне, чем удалось предыдущей миссии. Мартель был жестким человеком и первоначально видел свою задачу прежде всего в том, чтобы заставить советских генералов предоставить больше информации о военных действиях своей армии (о тактике, вооружении, планах и т.д.). Однако получил директиву с требованием не пытаться получать информацию, которую русские давать не хотели, кроме случаев, когда это может быть необходимо в связи с планированием совместных операций или в переговорах о тактике и вооружении.

Момент, безусловно, был благоприятным. Наступление Красной армии после Сталинграда застопорилось. В СССР ожидали, что затянувшаяся битва за Тунис в начале мая 1943 г. завершится победой и западные союзники летом высадятся во Франции.

После разговора со Сталиным Мартель встретился с маршалом А.М. Василевским, начальником Генерального штаба, и получил возможность посетить фронт. По его собственному рассказу, он твердо разговаривал со своим оппонентом, который намеренно скрывал половину карты с указанием расположения советских войск. В результате, как утверждал Мартель, он добился того, что Василевский дал ему полную информацию. Были установлены новые уровни контактов и сотрудничества.

Но «медовый месяц» длился недолго. Отсутствие второго фронта и подготовка к предстоящей Курской битве привели к тому, что контакты на высшем уровне приостановились. Надежды Мартеля на то, что миссия будет регулярно взаимодействовать с советским Генеральным штабом, не оправдались. Все контакты продолжались, как обычно, через Отдел внешних сношений. Мартель воспринял это как ухудшение отношений. К тому же начались межведомственные разногласия.

Королевские ВВС попытались создать фактически независимую миссию ВВС, формально под руководством Мартеля, но полностью автономную в вопросах военно-воздушных сил. Министерство авиации назначило на место Чешира маршала авиации Д. Тремейна Бабингтона, равного по званию Мартелю. В британских ВВС предполагали, что благодаря своему высокому званию Бабингтон, как и Мартель, установит личные связи с высокопоставленными офицерами советских воздушных сил, но без участия самого Мартеля. Мартель на это отреагировал негативно, считая назначение Бабингтона угрозой для своего положения. Последний пытался встретиться со Сталиным и представителями Генерального штаба, как в свое время Мартель, но Советы на это никак не

отреагировали, рассматривая Бабингтона как офицера, подчиняющегося руководству миссии.

Отношения между Мартелем и Бабингтоном обострились, а «новый курс» стремительно вел британскую миссию к кризису. В области «внутренних отношений» проблем становилось все больше. Советские власти в северной части России вновь прекратили выдачу виз, советские суды за мелкие нарушения выносили английским матросам, по мнению британцев, очень жесткие приговоры.

Так как контакты с генералами Красной армии стали редкими, Мартель в своем отчете категорически заявил, что англо-советские отношения ухудшились. Но МІЗ, отдел военной разведки, занимающийся СССР и не отличающийся благоприятным мнением о Советах, отмечал, что хотя «внутренние» отношения продолжали быть затруднительными, «военные» оставались хорошими: проходили регулярные встречи с начальником Отдела внешних сношений генералом Н.И. Дубининым, было получено значительное количество информации о боевых операциях, организации советских войск и действиях немецкой армии. Военная разведка пришла к выводу, что за последние три месяца не произошло ухудшения отношений, как утверждал Мартель.

Черчилль тоже считал, что целью миссии должно быть улучшение взаимодействия с СССР. Начальник Имперского Генерального штаба А. Брук понимал, что успех операции «Оверлорд» (высадка войск в Нормандии) зависел от продолжения Красной армией войны на Востоке с основной частью германских сил. Он также был раздражен критическим тоном Мартеля, который граничил с личными обвинениями в его адрес. Мартель был тихо заменен в марте 1944 г.

Для Мартеля личное отношение к нему и миссии со стороны Советов было главным. Он не понял, что задачи миссии шире. Ситуация на фронте в 1943 г. изменилась в пользу Красной армии. И англичане были заинтересованы в хороших отношениях с советским командованием, несмотря на недоброжелательное, как казалось Мартелю, отношение к сотрудникам британской военной миссии.

Тем не менее советские власти, вероятно, ценили боевые навыки Мартеля как солдата и, похоже, сожалели о его уходе. Его преемника Б. Бёрроуса, по словам В.М. Молотова, восприняли крайне негативно. Бёрроуса считали очень заносчивым.

Таким образом, отношения между военной миссией Великобритании и советским высшим командованием нельзя назвать симметричными. Британские военные постоянно искали способы добиться того, чтобы сотрудничество развивалось на принципах

взаимности. В официальных документах они часто упоминали, что советская армия внесла значительный вклад в борьбу с немецкими войсками. Однако стремление Советов подчеркнуть этот факт и бросить тень на английскую поддержку неизбежно умаляло заслуги британского правительства по оказанию военной помощи, подогревая ощущение, что советские власти не только высокомерны, но и не ценят вклад Великобритании в войну. К этому добавлялось представление Англии о себе как об опытном старшем партнере в искусстве ведения современной войны и о том, что по этой причине к ней следовало бы проявлять больше уважения.

Эти факторы постоянно заставляли руководство британской миссии искать баланс в сложных обстоятельствах. Целью было изменить позицию советских чиновников и военных к иностранцам как во «внутренних», так и в «военных» отношениях. У англичан постоянно возникал вопрос о тактике в сотрудничестве с русскими: стоит ли торговаться с Советами, требуя предоставления в обмен на информацию и помощь эквивалентных услуг. Основным аргументом против такой политики заключался в том, что советская сторона могла играть в ту же игру с более сильными козырями, требуя, чтобы равенство соблюдалось на поле боя. Сталин, Молотов и генералы, которые взаимодействовали с британцами, неоднократно обещали более высокий уровень сотрудничества, как только будет открыт второй фронт в Западной Европе. Но англичане, считает автор, на самом деле не собирались делиться с Советами той информацией о своих операциях и силах, которую сами хотели от них получить, и тем более не думали обеспечивать равенство в боевых действиях против Германии. Однако Англия была заинтересована в том, чтобы СССР продолжал войну с немцами и оттягивал основные их силы на себя.

Поэтому главной задачей союза, в представлении английско-го военного руководства, являлось оказание помощи Советам в условиях войны при любых обстоятельствах. Сотрудничество продолжало развиваться и приносило успешные результаты как в области разведки, так и на оперативном уровне, несмотря на недружественные настроения партнеров.

Е.Н. Емельянова

Пиффер Т.
БОЛЬШАЯ ТРОЙКА СОЮЗНИКОВ
И ЕВРОПЕЙСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ:
РАЗВЕДКА, ПОЛИТИКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ, 1939–1945 гг.
(Реферат)

Piffer T. The Big Three Allies and the European Resistance: intelligence, politics, and the origins of the Cold War, 1939–1945. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2024. – VIII, 275 p.: ill.

Основу реферируемой книги Томмазо Пиффера (Университет Удине, Италия) составили исследования, проведенные автором в университетах Кембриджа и Гарварда, при финансовой поддержке Европейского фонда, Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Высшей школы экономики в Москве и колледжа Черчилля в Кембридже.

В ходе борьбы Большой тройки союзников с нацистской Германией на континенте развертывалась война за формирование политического ландшафта послевоенной Европы. На Балканах она переплеталась с политическими и этническими конфликтами, погружая регион в кровавые гражданские столкновения. Во Франции и Италии принятие лозунгов национального освобождения обеспечивало коммунистическим партиям необходимую демократическую легитимность, благодаря чему они стали ключевыми игроками в политической жизни своих стран. Британцы и американцы старались контролировать, поддерживать и направлять эти группы Сопротивления. С данной целью Лондон создал Управление специальных операций (SOE), а Вашингтон – Управление стратегических служб (OSS), причем оба этих ведомства посылали агентов в оккупированную Европу для прямой связи с подпольными группами. Москва, действуя через Коминтерн, обеспечивала координацию действий европейских

компартий с внешней политикой Советского Союза. Эта партизанская война в горно-лесистой местности, подпольная – в городах, стала прокси-войной, с помощью которой трое союзников сдвигали геополитический баланс в свою пользу. В книге Т. Пиффера впервые дается сравнительный анализ того, как на широком пространстве от Югославии до Польши, от Греции до Франции и Италии прокси-война формировала послевоенное политическое устройство.

Поскольку группы Сопротивления в Европе бросали вызов предвоенному политическому порядку, взаимодействие с ними ставило важные задачи с точки зрения послевоенного урегулирования. Когда движение Сопротивления оказывалось в противостоянии с соответствующими правительствами в изгнании или когда партизанские войны разгорались между партизанскими группами разных политических направлений, каждый из трех союзников должен был занять свою позицию. Выбор был особенно противоречивым в Югославии: здесь Сталин оказывал военную и дипломатическую помощь партизанам-коммунистам, и это привело к острому столкновению между Черчиллем и американцами. Поддержка Тито в деле захвата власти в Югославии дорого обошлась Москве: когда война закончилась, Сталину не удалось восстановить свое влияние на югославскую компартию, что позднее привело к разрыву между ним и Тито в 1948 г. и к концу московской монополии на международное коммунистическое движение. В других случаях происходили столкновения Лондона с партизанскими коммунистическими группами: так, в 1944 г. Сталин предоставил греков-коммунистов самим себе, и британцы разбили их, когда в декабре они обратили оружие против собственного правительства. В Восточной Европе поддержка, оказанная западными союзниками группам с антисоветским уклоном, имела серьезные последствия для Большой тройки. В Польше правительство в изгнании и его военное крыло в стране, Армия Крайова, боролись на два фронта – против немцев и против Советов. Ядро Армии Крайовой было разбито в ходе Варшавского восстания в августе 1944 г., как считается, из-за отказа Сталина оказать ему поддержку. В Чехословакии Сопротивление было уничтожено немцами после покушения на Р. Гейдриха в мае 1942 г. Во Франции и Италии движения Сопротивления приобрели массовую поддержку только по мере приближения конца войны. Именно здесь лозунги национального освобождения и поддержка западных союзников придали компартиям демократическую легитимность.

Из этого краткого обзора следует, что взаимодействие Большой тройки союзников и европейских движений Сопротивления является предметом значительной исторической важности. Однако

исследовано оно лишь частично. Более подробному изучению подверглись британское SOE и американское OSS с их темами шпионажа и «секретной войны». В предисловии рассматриваются несколько этапов изучения SOE, в результате которого оно приобрело наконец академический характер и появилась официальная история организации¹. Напротив, изучение американского OSS находится на ранней стадии. Это связано со сравнительно малой ролью организации в ходе войны и с труднодоступностью материалов.

Что касается советской стороны, то автор отмечает, что Москва поддерживала движение Сопротивления не как таковое, но прежде всего в лице коммунистических групп, а тем самым косвенно и остальных антифашистов. В такой ситуации невозможно какое-либо точное сравнение между западной и советской политикой, имевшей различные задачи, а за точку отсчета приходится принимать отношения Москвы с отдельными европейскими компартиями. Здесь зияет «дисциплинарный провал»: историки международного коммунистического движения до Холодной войны обычно завершают свои изыскания роспуском Коминтерна в мае 1943 г., в то время как Холодная война у них начинается с конца 1944 г. В результате едва затронут период с середины 1943 до середины 1944 г. Исключением является лишь книга С. Понса².

Исследование Пиффера посвящено тому, как три союзные державы трактовали военные и политические проблемы, поставленные европейским Сопротивлением, и влиянию принятых ими решений на становление послевоенной Европы. Тем самым в ней впервые сводятся в единый нарратив история Большой тройки и история европейского Сопротивления. Книга состоит из введения, трех частей и заключения, снабжена обширной библиографией, как общей, так и по странам. Отдельные главы освещают преимущественно политическую сторону отношений. Саботаж и военные операции, которые традиционно находились в центре внимания SOE и OSS, образуют фон, ограниченное место отведено также советскому НКВД и некоторым другим организациям, игравшим важную роль в формировании внешней политики, но только второстепенную собственно в движениях Сопротивления. Такая более широкая компаративистская перспектива не только позволяет нарисовать

---

¹ *Foot M.R.D.* SOE in France: an account of the work of the British Special Operations Executive in France, 1940–1944. – London; Portland, Or.: Frank Cass, 2004. – XL, 526 p.: ill.

² *Pons S.* The global revolution: a history of international communism, 1917–1991. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – XX, 365 p.

более точную картину изучаемых событий, но и дает более глубокое понимание трех основных тем в истории конфликта между политикой союзников и Сопротивлением.

Подобный анализ политики стран Большого альянса по отношению к партизанским движениям представляет собой относительно новый подход. Продвижение к послевоенной Европе традиционно изучалось в рамках дипломатической истории, которая сосредоточивалась на контактах военно-политического руководства на высшем уровне, особенно на саммитах трех лидеров. Тегеранская конференция в ноябре 1943 г., соглашение между Сталиным и Черчиллем в октябре 1944 г. и встреча в Ялте в феврале 1945 г. рассматривались как поворотные моменты в дипломатической борьбе, завершившейся разделом Европы и новым геополитическим порядком. Партизанская герилья оставалась уделом историков разведки, да и сами лидеры Большой тройки уделяли этому мало внимания в ходе войны; в их военной корреспонденции едва ли найдутся упоминания о движениях Сопротивления в Европе. Тем не менее автор книги утверждает, что рассмотрение политики союзников через историю партизанских движений может обогатить наше понимание Большого альянса. Сталинские инструкции Тито, как перехитрить британцев в 1944 г., или греческим коммунистам, как сдерживать свои силы и не вовлекать британцев, являются более ясными указаниями на его видение послевоенной Европы, нежели соглашение с Черчиллем в октябре 1944 г. Подобным же образом, только рассмотрение борьбы между лондонским SOE, каирским SOE, Форин-офис и Средневосточным командованием за контроль над операциями на Балканах поможет понять, как сложилась британская политика в трудном балансе между различными политическими и военными руководящими центрами. Наибольшее внимание автор уделяет странам, через которые пролегла граница между социалистическим и капиталистическим мирами: Югославии, Греции, Польше. Это были страны с наиболее сильным движением Сопротивления.

Вторая сквозная тема этой книги – взаимодействие Большой тройки и самой Европы. Тысячи агентов доставляли оружие повстанческим движениям, вели мирные переговоры или подрывали основы вражеских правительств. Коммунистические лидеры, избегая фашистских преследований, находили убежище в Москве, были в тесном контакте с официальными лицами и порой обсуждали судьбу своих стран с самим Сталиным. Союзники использовали оппозиционные движения против немцев, но иногда последние использовали союзников для продвижения своих собственных национальных интересов.

Третья сквозная тема книги – это природа самой Второй мировой войны. После создания Большого альянса война в пропаганде сторон выглядела как столкновение двух несовместимых миров: фашистских держав и их немногих сателлитов, с одной стороны, и антифашистских держав и европейских сил Сопротивления – с другой. Этот нарратив затушевывал глубокие идеологические и политические разделения в антифашистском лагере, но приобрел огромную легитимность с открытием нацистских концлагерей. После войны он стал основой «антифашистского консенсуса» и обеспечил идеологическую основу стабильности послевоенной Европы. В начале 1990-х годов с распадом советского блока от Польши до бывшей Югославии, от Франции до Греции вновь оживила память о войнах, основанных на идейных и этнических разделениях, причем на Балканах это вылилось в новые кровавые войны.

Структура книги отражает тот факт, что проблемы, поставленные движениями Сопротивления в каждой стране, все более различались в ходе войны, как и решения, принимаемые тремя союзниками. В части первой показаны британский и советский подходы к группам Сопротивления в ранний период войны. Первая глава описывает политику Москвы по отношению к международному коммунистическому движению до вторжения немцев в Советский Союз, раскол внутри польского правительства в изгнании и создание Управления по специальным операциям (SOE) в 1941 г. Во второй главе исследуются вопросы, поставленные перед британцами в первый год войны оппозиционными движениями в Восточной Европе, Западной Европе и на Балканах. В этой главе рассматриваются также основные черты чехословацкого и польского оппозиционных движений и их отношений с британцами, а также советская попытка распустить Коминтерн в апреле 1941 г. В третьей главе речь идет о переориентации международного коммунистического движения после германского нападения на СССР в 1941 г., описывается его воздействие на движение Сопротивления в Центральной Европе и начало гражданской войны в Югославии.

Во второй части речь идет о развитии стратегии союзников в 1941–1943 гг. после вступления США в войну. Четвертая глава посвящена отношениям между британцами и правительствами в изгнании в Лондоне, советской политике по отношению к Тито и попыткам SOE повлиять на события в Греции. В пятой главе, полностью посвященной Балканам, показано, как в течение 1943 г. Британия постепенно делегировала определение политики по отношению к группам Сопротивления военным командам, в то время как американцы стремились освободиться от британского

покровительства. В шестой главе показано место коммунистического движения в советской стратегии после того, как успешная победа под Сталинградом выдвинула Советский Союз как ключевого игрока в послевоенном мире. Здесь также рассматриваются роспуск Коминтерна, отношения Советов с польским правительством в изгнании, гражданские войны в Албании и Греции, решение Черчилля поддержать Тито.

Третья часть посвящена конфликтам союзников вокруг европейского Соппротивления в 1944–1945 гг. В противовес структуре, принятой в первых двух частях, она выстроена по географическому принципу. Седьмая глава сосредоточена на Балканах, захвате власти Тито в 1944 г. и на гражданских войнах в Албании и Греции. В восьмой главе описываются события в Центральной и Восточной Европе, особенно отношения между Красной армией и польским Соппротивлением и Варшавское восстание в августе 1944 г. В девятой главе Пиффер рассматривает появление движения Соппротивления в Италии и последние месяцы войны в Западной и Северной Европе.

В заключении автор отмечает, что появление движения Соппротивления в ходе войны стало ключевым фактором в формировании политического ландшафта послевоенной Европы. В Югославии и Албании руководимые коммунистами группы Соппротивления захватили власть и установили режимы, продержавшиеся на протяжении десятилетий. В Греции поляризация сил привела к гражданской войне, которая закончилась только к 1949 г. и привела к установлению военного режима вплоть до 1974 г. В Польше уничтожение Армии Крайовой во время Варшавского восстания облегчило установление коммунистического правления. «В Западной Европе небольшие группы сопротивления во Франции и Италии создали основу для того, чтобы население забыло о поддержке, оказанной их правительствами нацистской Германии до и в ходе войны. Присоединение к антифашистскому сопротивлению также снабдило компартии входным билетом в демократическую жизнь своих стран» (с. 243). Итальянская компартия, испытавшая преследования от фашистского режима, после войны приобрела многие миллионы сторонников и стала ключевым игроком в политической жизни Италии. При этом европейские лидеры, гордясь успехами сил Соппротивления, избегали упоминаний о том, что союзники снабжали их оружием.

Реальный вклад Управления специальных операций в победу над Германией остается предметом дискуссий. Роль SOE менялась в ходе войны. В 1940 г. британский Генштаб поручил ему создать и поддерживать секретные армии в оккупированной Европе, готовые

выступить во время вторжения. Напротив, к концу войны SOE превратилось в агентство без ясной миссии и с задачей доказать свое право на существование. Прежде всего оно должно было подчеркивать важность движения Сопротивления. Так, трения между SOE и военным командованием и отсутствие четкой стратегии усилили неопределенность британских намерений относительно движения Сопротивления. В Польше такая двусмысленность привела к краху Варшавского восстания.

Только в одном отношении SOE было успешным: оно отстранило американцев от игры. Присоединившись к партизанской войне и подрывным действиям только в 1942 г., американцы не были способны выступить как равный партнер с британцами и не имели влияния на ключевые решения лидеров европейского Сопротивления (за исключением Италии). Результатом была крайняя путаница, серьезно повлиявшая на военную эффективность.

Возможность включения коммунистических групп Сопротивления в соглашения о послевоенном урегулировании была постоянной темой дискуссий. Сталин хорошо это сознавал и в 1944 г. использовал угрозу советской интервенции в поддержку греческих коммунистов (которой он не хотел), чтобы добиться уступок от Черчилля относительно Польши. Фактически он уступал то, чего не имел, чтобы получить то, в чем нуждался. Он помнил, что в 1920 г. попытка распространить революцию военным путем (советско-польская война) едва не привела к коллапсу социалистического государства, и не желал повторения этой ошибки. Инструкции польским коммунистам выступить против оппонентов последовали только в октябре 1944 г., когда Сталин получил заверения от Черчилля об уступке Польши. Подобным же образом советские лидеры были одержимы отрицанием своих связей с Тито в ходе войны. Только в ноябре 1943 г., когда они уяснили, что Черчилль действительно предоставил антикоммунистическую «Югославскую армию на родине» генерала армии Д. Михайловича ее судьбе, они бросили весь свой дипломатический и военный вес в поддержку коммунистического партизанского движения.

Как писал итальянский антифашист М. Сальвадори, «британцам не доставало опыта подпольной борьбы и понимания ситуации в фашистских странах. Они никогда не жили в условиях диктатуры и верили, что романтические инициативы малых групп, которые были способны поднять мятеж и революцию в девятнадцатом столетии, смогут повторить это и в двадцатом» (цит. по: с. 248). С другой стороны, британцы с трудом осваивались в постимперском мире. Они считали, что партизанское движение в Европе

может послужить эффективным оружием в борьбе с немцами. Но вскоре оказалось, что последнее было гораздо более эффективным в национальных и этнических войнах. Это непонимание отразилось на роли SOE в Европе. Сказанное относится и к сталинскому руководству. Направляя европейские компартии на борьбу за лозунги национального освобождения, Москва превращала их в реальные национальные силы. Вольно или невольно это ослабляло их связь с Советским Союзом. Вскоре югославская и албанская компартии бросили вызов московскому лидерству. Началась новая фаза в истории международного коммунистического движения.

Взгляд на движение Сопротивления в сравнительной перспективе показывает, как считает автор, что «Вторую мировую войну в Европе следует рассматривать скорее как наложение различных этнических, национальных и идеологических конфликтов в рамках широкой антинацистской войны, нежели как двусторонний конфликт между фашизмом и демократией. По меньшей мере три кровавые войны шли в Югославии в ходе конфликта: антифашистская война против немцев; этнический конфликт между сербами, хорватами и мусульманским меньшинством; и, наконец, идеологическое противоборство между сторонниками коммунистов и их оппонентами. Греческое сопротивление было глубоко разделено идеологически (коммунисты и их противники), а также по вопросу о конституции (роялисты против республиканцев). Во Франции Гитлер заявлял, что победа Германии и занятие северной Франции были расплатой за поражение, понесенное немцами в 1918 г. Французское поражение в 1940 г. и отречение французских правых от Третьей республики привели к “Национальной революции” маршала Петена, которая приобрела идеологически фашистский характер после 1943 г.» (с. 248–249).

Британцы, американцы и советские агенты пытались вмешаться в это сложное сплетение войн со своими собственными целями. Их достижения были значительно меньше того, на что надеялись их правительства. Но доставленное ими оружие способствовало формированию политического ландшафта послевоенной Европы. История этих процессов проливает новый свет на многослойный характер Второй мировой войны.

Т.М. Фадеева

Фритше М.

**ПРОСТРАНСТВА СОПРИКОСНОВЕНИЯ:
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОККУПАНТАМИ И ЖИТЕЛЯМИ
ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В НОРВЕГИИ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Fritsche M. Spaces of encounter: relations between the occupier and the occupied in Norway during the Second World War// Social history. – 2020. – Vol. 45, N 3. – P. 360–383. – DOI: <https://doi.org/10.1080/03071022.2020.1771868>

Статья профессора Норвежского университета науки и технологий Марии Фритше посвящена взаимодействию германских войск и жителей оккупированной Норвегии в период Второй мировой войны. Автор анализирует реакцию людей по обе стороны конфликта на политические, экономические и социальные ограничения и возможности, созданные оккупацией. М. Фритше использует категории *конфликта*, *сотрудничества* и *солидарности* для изучения разнообразных социальных отношений, возникавших в повседневной жизни.

Тремя миллионами норвежцев управляли 350 тыс. германских солдат (с. 361); таким образом, относительно численности населения оккупированных территорий оккупационный контингент был больше, чем в других странах. В подобных условиях интенсивность взаимодействий между оккупантами и местными жителями тоже была сравнительно выше. На характер формировавшихся новых социальных отношений и на возникшую политическую систему повлияло и то, что Норвегия, за исключением самой северной части, избежала серьезных военных действий. Общество не столкнулось с большими человеческими потерями и экономической разрухой, следовательно, уровень жесточенности и норвежцев, и нацистов был

ниже, чем, например, в Восточной Европе. Оккупационные власти могли сосредоточиться на выстраивании относительной стабильности. Отношения местного населения и оккупантов принимали разные формы – от конфликта до сотрудничества, из-за чего М. Фритше утверждает, что норвежский пример занимает особое место в изучении оккупационной системы во всей ее вариативности.

В основу исследования легли протоколы нацистских военных судов в Норвегии. М. Фритше отобрала архивные записи пехотной дивизии, дислоцированной в Ставангере и Арендале с июня 1940 по январь 1944 г., и управления Норвежского Северного флота, находившегося в Тронхейме и Мольде с 1940 по 1945 г. На основе просмотренных 849 архивных дел была сформирована выборка из 102 судебных казусов, в материалах которых содержались непосредственные свидетельства контактов между оккупантами и местным населением. Были также привлечены письменные решения других военных судов, являвшиеся частью личных дел норвежских заключенных, содержавшихся в Гамбурге. Особенностью судебной документации является отражение в ней интересов и оккупантов, и норвежцев, которые объясняли свои поступки в ходе судебных процессов. При этом М. Фритше указывает, что протоколы судов содержат отстраненную оценку, их составители стремятся к объективности, чего требует судебная процедура.

Недостатком использования судебных записей является то, что некоторые аспекты оккупации в них едва затронуты. Это касается, в частности, бесчеловечного обращения с военнопленными и подневольными рабочими, а также депортации норвежских евреев.

Нацистская оккупация изменила существовавший социально-политический порядок и серьезно ограничила гражданские права тех, кто жил на захваченных территориях. Власть теперь принадлежала оккупантам (и их пособникам). Для эффективного управления нацисты вынуждены были полагаться на сотрудничество с местным населением. Норвежцам также приходилось в определенной степени сотрудничать с ними. Таким образом, общение, причем регулярное, было неизбежным и затрагивало самые разные области повседневной жизни.

В первом разделе статьи исследуются преступления, рассмотренные немецкими военными судами в Норвегии. Посредством их анализа можно изучить, как люди реагировали на ограничения, а также на возможности, которые создавала оккупация. В изученных судебных делах интересы норвежцев и оккупантов в одних случаях сталкивались, в других они могли выступать вместе – складывались отношения сотрудничества или солидарности.

Быстрый рост краж и хищений во время войны был в основном результатом растущего дефицита. Многие товары, к тому времени отпущавшиеся в Германии по карточкам, в первые месяцы оккупации можно было приобрести в Норвегии по низким ценам. Из-за чрезмерного спроса такая ситуация не могла сохраняться долго, возник дефицит. Это обострило напряженность в обществе и негативные чувства норвежцев по отношению к нацистским оккупантам. Для одних воровство стало приемлемой формой выживания, для других – способом мести. После войны многие норвежцы, незаконно присвоившие товары со складов Вермахта, представляли свои действия как патриотические акты, подрывавшие нацистское правление. Таким образом, при различной мотивации в обществе распространились «новые», незаконные возможности присвоения собственности. Резкий рост имущественных преступлений во время войны также свидетельствует об общем размывании устоявшихся правовых и моральных норм, что отражалось на социальных связях.

Солдаты Вермахта тоже воровали имущество норвежцев, хотя такие инциденты были сравнительно редки и в основном происходили в первый год оккупации. В данном случае речь шла чаще не о еде, а о предметах роскоши, которые затем отправлялись в Германию. Подобные кражи были практически сведены на нет из-за жестких мер, предпринятых против них германским военным командованием.

Были и кражи, в которых немцы и норвежцы объединяли свои усилия. Но эти отношения (незаконного) сотрудничества составляют, по оценке М. Фритше, всего около 10% всех расследованных судебных дел (с. 369). Важно также отметить, что подобное партнерство было всегда временным из-за неравного положения сторон. При этом в реализации своих экономических целей, в частности, в вопросах проникновения на черный рынок, немецкие солдаты напрямую зависели от своих норвежских сообщников. Такая же зависимость от жителей оккупированных территорий касалась и других экономических интересов, поэтому в отношениях сотрудничества асимметрия власти (*англ. asymmetry of power*) смещалась в пользу норвежцев (с. 370).

Асимметрия власти смещалась и при возникновении отношений солидарности. Возможно, самую частую их форму представляют собой те случаи, когда норвежцы оказывали помощь дезертирам Вермахта. Обычно эта помощь была спонтанной и эмоционально мотивированной. Подобная «солидарность» наказывалась, но в целом нацистские власти поощряли дружеские отношения немцев с норвежцами, так как считалось, что это способствует закреплению германского присутствия.

В судебных делах можно найти и примеры конфликтных отношений между немцами и жителями оккупированных территорий, связанные с вербальной агрессией со стороны норвежцев. Немецкие солдаты чаще обвинялись в применении физического насилия. Это закономерно связано с существовавшими в условиях оккупации властными отношениями, и здесь асимметрия власти была устойчива.

Во втором разделе статьи автор анализирует три сферы: общественное пространство, место работы и частное пространство. Взаимодействие оккупантов и местного населения происходило в различных территориальных и социальных условиях, что влияло на смещение асимметрии власти. Под *пространством* в данном случае понимается сочетание места, принятых в нем норм поведения и реализуемых социальных отношений (с. 364). Таким образом, М. Фритше, ставя перед собой цель исследовать общество в условиях оккупации, показывает вариативность социальных связей в нем, возникавших в разных пространствах.

Контроль над территорией был способом демонстрации власти оккупантов. В Норвегии германские войска показали свою силу, оцепив стратегически важные районы и объявив их закрытыми для местных жителей. Важен и тот факт, что распределение оккупантов по территории страны было неравномерным, они концентрировались в крупных городах и поселениях на побережье. Закономерно, что именно там было сосредоточено социальное напряжение, так как немцам приходилось сталкиваться с устоявшимися нормами поведения и традициями.

На общественные места приходится наибольшее количество проанализированных взаимодействий германских солдат и норвежцев. Исследованные судебные дела указывают на гораздо более высокую частоту конфликтов в общественных местах, чем в домашнем пространстве или на рабочем месте. Именно в общественном пространстве оккупанты наиболее часто и открыто демонстрировали свою власть, например, давая улицам германские названия, что вызывало недовольство у местных жителей.

Происходило взаимодействие и в рабочем пространстве. Значительное число норвежцев во время войны работало на германские компании. Кроме того, стремление Гитлера превратить Норвегию в мощный укрепленный район привело к масштабной программе строительства, реализуемой военными оккупационными властями. Норвежцам предлагали весьма привлекательные зарплаты. Большой спрос был на моряков и водителей, а также на женщин, работавших на кухне и в прачечных. В сфере трудовых отношений взаимодействие было почти всегда мирным, чему способствовала

взаимная экономическая заинтересованность и возможность диалога. Именно здесь происходило объединение в совершении экономических преступлений, в которых в условиях дефицита были заинтересованы и оккупанты, и местное население.

Взаимодействие в частном пространстве было связано с тем, что немецкие солдаты нередко размещались в частных домах, особенно на раннем этапе оккупации. Данная сфера имела две особенности. Во-первых, здесь оккупанты также обладали властью, но у норвежцев было больше формальных прав, так как пространство было их частной собственностью, когда это касалось жилых помещений. Во-вторых, в домах гораздо больший процент взаимодействий представлен контактом немецкий солдат-мужчина – норвежская женщина. Другие пространства, хотя и не исключали женщин явно, оставались в основном «мужскими», куда «респектабельные» женщины входили только в сопровождении мужчины.

Когда дело доходило до частной сферы, норвежцы вели себя так, как будто это пространство было исключено из оккупации, и яростно его защищали. В свою очередь нацистский режим уважал и даже защищал концепцию частной сферы как в самой Германии, так и в Норвегии, за исключением частного пространства евреев.

Подводя итоги, автор отмечает, что асимметрия власти в оккупированной Норвегии была неустойчива. В то время как общественное пространство стало зоной ожесточенной борьбы, встречи в частных домах смещали асимметрию власти в сторону оккупированных. Рабочее пространство способствовало диалогу между норвежцами и немцами, что приводило к прагматичному сотрудничеству.

Хотя ситуация в Норвегии была довольно спокойной, а оккупационная политика мягкой по сравнению с другими территориями, люди жили в постоянном состоянии незащищенности. Каждое действие, высказывание или жест могли иметь весомые последствия: безобидное замечание о войне могло привести человека в тюрьму; несколько дружеских слов в разговоре с немецким солдатом могли испортить репутацию женщины. На ранних этапах оккупации нацистское руководство стремилось завоевать общественное признание, представляя себя справедливым оккупантом, гарантирующим безопасность и стабильность. В то же время оно демонстрировало свою волю к подавлению любой оппозиции. В ходе войны позиция Германии в отношении норвежцев ужесточалась по мере усиления сопротивления иностранному правлению.

Ю.П. Игнатова

Фонци П.

**ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦ: ИТАЛЬЯНСКАЯ ОККУПАЦИЯ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1943)
(Реферат)**

Fonzi P. Oltre i confini: le occupazioni italiane durante la Seconda guerra mondiale (1939–1943). – Milano: Mondadori, 2020. – XV, 271 p.

Тема, обозначенная в заглавии книги итальянского историка Паоло Фонци, по его собственному признанию, еще двадцать лет назад находилась на периферии исследований Второй мировой войны. В послевоенные десятилетия итальянская историография оккупационной политики Италии на занятых территориях практически отсутствовала. «Поразительно, – пишет во введении автор, – если принять во внимание, что в сентябре 1943 г. (выход Италии из войны на стороне стран Оси. – *Прим. реф.*) около 850 тыс. итальянских солдат находились в оккупированных регионах Балкан, Южной Франции и на Корсике» (с. 2).

Первые исследования по истории итальянской оккупации появились еще в 1960-е годы, однако отправной точкой в изучении данной тематики стал 1989 г. – окончание Холодной войны или, в авторской интерпретации, «второе окончание Второй мировой войны» (с. 6). Важной вехой для появления таких работ явилось рассекречивание военной документации Дипломатического исторического архива при Министерстве иностранных дел, а также ряда военных архивов.

Итальянская оккупация Албании, Южной Франции, Югославии, Греции и СССР проходит сквозной темой четырех глав монографии. На рассмотрение вынесены следующие вопросы:

- оккупация как внешнеполитический проект, получивший ускорение с развитием итальянского империализма; рассмотрение моделей оккупационной интеграционной политики на занятых территориях (первая глава);

- инструментарий итальянской оккупационной политики (вторая глава);

- логика насилия, этнические конфликты, сопротивление (третья глава);

- конец итальянской оккупации и историческая память (четвертая глава).

Европейские территории, составившие к июню 1943 г. итальянское имперское пространство, присоединялись поэтапно. Албания была единственным европейским государством, оккупированным Италией еще до начала Второй мировой войны (в апреле 1939 г.) без помощи Германии (как это было в случае захвата и оккупации территорий всех остальных государств). Автор отмечает, что Албания уже во второй половине 1920-х годов превратилась в итальянский протекторат.

10 июня 1940 г. Италия объявила войну Великобритании и Франции, накануне фактически разгромленной гитлеровскими войсками. Согласно перемирию, подписанному с Францией на вилле Инчиза 24 июня 1940 г., Рим получал во владение небольшие территории в департаментах Савойя, Верхние Альпы, Нижние Альпы и Приморские Альпы с центром Ментоне. Голубой линией обозначались территории на Корсике, в Лион и Тулоне, итальянцы имели право инспектировать военные сооружения и места расположения военного производства.

Нападение на Грецию 28 октября 1940 г. окончилось для Италии поражением. Однако в апреле 1941 г. в результате помощи Муссолини со стороны Гитлера итальянские оккупированные территории в Европе значительно расширились за счет большей части Греции и Югославии, расчлененной силами Оси по этнонациональным линиям. В 1941 г., когда Италия приняла участие в германской кампании против СССР на Восточном фронте, ею были оккупированы советские территории в районе среднего течения реки Дон (с. 61).

Новые владения, добавившиеся к ранее завоеванным Италией африканским территориям, образовали имперское пространство под управлением фашистского государства с центром на Средиземном море – *mare nostrum* («наше море») Римской империи – воплощение имперского фашистского мифа.

Автор отмечает, что в начальный период Второй мировой войны имперский проект фашистской Италии только формировался, военные цели не были еще полностью оформлены. Большое значение в этом проекте отводилось Албании, аннексировавшей в 1941 г. югославское Косово. Албания рассматривалась Италией в качестве основного моста на восток, становилась антиславянским бастионом. В управлении Албанией был использован «неотрадиционализм» с опорой на местную культуру. Были воспроизведены многие фашистские институты, например, создана албанская фашистская партия, позднее была учреждена албанская жандармерия. Местный элемент широко использовался в итальянской армии.

Что касается Югославии, то в планы итальянских завоеваний входило продвижение от границы Фиуме на восток, аннексия Далмации до «географической и исторической границы» и расчленение страны на этнонациональные составляющие. Греция лишалась северо-западных территорий, присоединенных к Албании; Италия также аннексировала Ионические острова.

Автор показывает, что фашизм унаследовал свои внешнеполитические цели от либерального периода истории Италии. Сравнивая ожидания территориальных приобретений Италии от участия в Первой мировой войне, зафиксированные в Лондонском договоре 1915 г., и от участия во Второй мировой войне, он обнаруживает их значительное сходство. В первом случае – аннексия Трентино, Цизальпинского Тироля, Триеста, Гориции, Полы, Истрии, Зары и городов с итальянским населением на побережье Центральной Далмации. Кроме того, предполагался полный суверенитет над Валонией и Додеканесскими островами, занятыми в результате войны с Турцией, а также итальянский протекторат над Албанией. Те же самые территории предполагалось захватить и в 1939–1941 гг. Если исключить африканские территории, то фашизм, считает автор, не столь уж много добавил к либеральным внешнеполитическим требованиям Италии начала XX в. – превратить Адриатику в «итальянское озеро».

Итальянский фашизм, в отличие от германского, планировавшего руководство предполагаемыми оккупированными территориями еще до начала военных действий, разрабатывал свои немногие проекты, когда итальянские войска уже находились на занятых территориях.

Интеграционные модели, задействованные итальянцами на оккупированных европейских территориях в 1939–1941 гг., были различны. На территориях Албании и Черногории, интегрированной в Итальянское королевство по албанской модели в 1941 г., фа-

шизм поддержал монархические институты. 15 апреля 1939 г. Виктор Эммануил III получил титул короля Италии и Албании, императора Европы. Прямой аннексии (включение в Итальянское королевство) были подвергнуты южные районы Словении, часть Далмации (с компактным словенским населением), автономная провинция Любляны. Далмация получила статус автономного наместничества по модели оккупированных Третьим рейхом в 1939 г. Богемии и Моравии.

Наместник (губернатор) Джузеппе Бастианини ввел итальянское законодательство на всей территории Далмации, проводил политику насильственной италианизации новых территорий. При всем том словенский язык оставался языком гражданской администрации, югославские административные функционеры в большинстве своем оставались на своих местах, даже в полиции и судебных органах. Автор отмечает определенное сходство итальянской оккупационной политики на данных территориях с политикой, проводимой в аннексированной нацистами Словении.

Верховный комиссар Любляны Эмилио Грациоли задался целью интегрировать словенскую элиту в итальянскую систему власти, создав орган местного представительства с консультативными полномочиями. Однако подобные попытки были вскоре прекращены из-за возникшего сопротивления, поскольку культурное присутствие Италии на аннексированных территориях было весьма слабым.

Черногория в итальянских планах должна была стать независимым государственным образованием, как и Хорватия. Формальная независимость Черногории предполагалась не в смысле введения форм национального самоопределения, но через «этнизацию», т.е. создание местной культуры как синтеза оккупационных форм и местных обычаев. В качестве примера автор рассматривает попытку верховного комиссара Серафино Маццолини ввести в начальной школе изучение варианта черногорского диалекта сербскохорватского языка, чтобы подчеркнуть отличие Черногории от Сербии. Но в силу различных причин оба проекта, и хорватский, и черногорский, потерпели фиаско. Фашистскому режиму удалось только в нескольких случаях установить культурную и политическую гегемонию на оккупированных территориях, что говорит о слабости Италии как имперского государства, слабости итальянского империализма, которому не удалось посредством только экономического проникновения удержать под своим контролем даже Албанию (с. 66).

У Германии, отмечает автор, в отличие от Италии, в 1920 – 1930-е годы были налажены интенсивные связи с Южной Европой. Германскую оккупационную политику отличало создание на оккупированных территориях весьма подвижных, гибких, подчас хаотичных властных структур, имевших в силу их определенной автономии большие возможности для радикализации первоначальных идеологических проектов, для обеспечения успеха фашистского режима.

Правительства, установленные итальянскими властями в Греции, Хорватии, Албании, послевоенная итальянская историография называет «коллорационистскими», «марионеточными», т.е. имевшими определенный уровень автономии и «продвигавшими собственные проекты» (с. 77). Эта самостоятельность во многих случаях, по мнению автора, объясняется присутствием на одной и той же территории различных оккупационных сил и возникавшими между ними конфликтными ситуациями, что создавало национальным правительствам пространство для маневра. В Греции итальянские власти предполагали установить итальянский комиссариат, но Германия наложила вето, и благодаря германскому нажиму Рим должен был согласиться на образование греческого правительства по правилам «классического оккупационного режима», так же как во Франции, где действовали местные органы гражданской администрации (с. 62).

Автор отмечает, что итальянцы испытывали трудности в подборе персонала для управления столь обширными территориями. На оккупированных итальянских территориях в силу отсутствия гражданских структур превалировали военные. Данная практика консолидированного имперского господства ранее была опробована в итальянских африканских колониях. Использование на занятых территориях военных структур было характерно и для оккупационной практики Третьего рейха, но на удаленных от фронта территориях, в том числе и в Южной Европе, немцы обычно формировали гражданскую администрацию с участием местного персонала.

Экономическую политику фашизма на оккупированных территориях автор называет «опрометчивым ограблением», усилившимся к 1943 г. (с. 103), сетуя на то, что экономическая политика Италии на занятых территориях все еще остается «ненаписанной страницей» (там же). Во время проведения аннексий фашистское командование усиленно практиковало разрушение экономического благосостояния занятых территорий, что ускорило и обострило экономический кризис на местах в период войны.

Автор, анализируя динамику процессов на оккупированных территориях, непосредственно влиявших на возникновение движений сопротивления, отмечает, что созданные итальянцами административные структуры практически не функционировали. Примером тому служит Хорватия, объявленная независимым государством. Правительство усташей Анте Павелича проводило политику этнического господства хорватов и развязало кампанию насилия и преследования сербов, цыган и евреев. Хорватия стала примером наиболее жестокого проявления политики уничтожения (истребления), проводимой в оккупированной Европе в крайне радикальных формах, автономно от коллаборационистского правительства. Итальянцы быстро осознали необходимость ограничения государственного суверенитета хорватов. Насилие, развязанное усташами, с точки зрения итальянских оккупационных целей было мало функциональным. Павелич вошел с итальянцами в конфликт, пытаясь противодействовать итальянской аннексии Далмации. Насилие и экономический кризис вызвали коллапс государственных структур в различных районах страны. В итоге монополия на насилие перешла от государства к милиции как усташей, так и сербов, что сделало страну неуправляемой. Все это привело к изменению политики итальянцев, начавших поддерживать военные боевые объединения сербов, спонтанно возникшие в ответ на агрессию хорватов.

Похожий феномен имел место в Греции (две трети территории страны оккупировала Италия), но динамика его развития была иной. В стране возник острый экономический кризис, особенно в сфере продовольствия, вызвавший коллапс административных структур. Греческое правительство оказалось неспособным действовать в периферийных областях страны. В Албании (хотя, по замечанию автора, здесь еще недостаточно данных для обобщений) тоже ширился и углублялся продовольственный кризис, прежде всего в южных областях, где к тому же действовали разбойничьи банды.

В Югославии, Греции, Албании итальянские войска вынуждены были столкнуться с настоящими народными армиями. В этих странах национальным компартиям, до войны имевшим слабое влияние, особенно в сельских и горных местностях, «удалось установить собственную гегемонию над движением Сопротивления». «Они смогли возглавить политические движения и социальные силы благодаря организационной способности, жесткой дисциплине и использованию насилия без предрассудков» (с. 123).

Вооруженное сопротивление возникло в Албании достаточно спонтанно, и только потом его возглавили коммунисты. К моменту оккупации страны компартии еще не существовало, она оформилась в ноябре 1941 г. Здесь динамика была противоположной тому, что традиционно считается естественным процессом образования военно-политического движения. Инсургенция (восстание) стала определяющим фактором становления и развития компартии и прежде всего ее проникновения в крестьянский мир, ставший военной силой национального освобождения.

Говоря о движении Сопротивления, автор подчеркивает, что его отряды являли собой определенную форму протогосударства. Отряды освобождали внутренние районы оккупированных территорий, переходивших под суверенитет коллаборационистских структур, учреждали альтернативные правительства, осуществляли помощь местному населению. Победа движения Сопротивления была обусловлена (помимо борьбы с иностранными завоевателями и лозунгов социального равенства) способностью находить эффективные решения в условиях социального и экономического кризиса.

На сопротивление итальянские войска отвечали жестокими репрессиями. Самым распространенным методом борьбы с партизанскими движениями, поддерживаемыми местным населением, стали интернирование, расстрелы заложников (особенно в Словении, Хорватии, Греции, хотя не в таких масштабах, как на территориях, оккупированных немцами) и военные операции против народных армий (в Югославии, Словении, Боснии).

По мнению автора (хотя, с его точки зрения, пока нет точных данных), десятки тысяч гражданских были интернированы в концентрационные лагеря, созданные либо на оккупированных территориях, либо в самой Италии. Интернирование не предполагало смертного исхода, однако условия содержания были очень тяжелыми, иногда на грани выживания. Автор приводит данные итальянского историка Д. Родоньо (Davide Rodogno), что на территорию Албании и Италии были интернированы около 26 тыс. черногорцев и 25 тыс. словенцев (с. 131).

Инструментом репрессий было также нанесение материального ущерба: уничтожение деревень, продовольственных запасов там, где, по предположению оккупантов, скрывались партизаны. Насилие осуществлялось и в отношении еврейского населения, и в отношении женщин и детей, хотя в историографии имеет место точка зрения, что по сравнению с немцами итальянцы редко применяли расстрелы к женщинам и детям. Но на некоторых территориях насилие в отношении гражданских лиц было весьма и весьма

жестоким, особенно там, где действовали отряды Сопротивления (с. 147).

Распад итальянской империи начался уже в 1941 г., когда владения Рима в Восточной Африке были захвачены британскими войсками. Освобождение европейских территорий, оккупированных итальянцами, началось позже. Итальянский экспедиционный корпус в России (ESIR), насчитывавший 62 тыс. человек, был переброшен 19 июля – 5 августа 1941 г. из Венгрии на Восточный фронт и непосредственно подчинен командованию 11-й германской армии. Муссолини оказал давление на Гитлера («немцы мало верили в военную способность своего союзника», замечает автор на с. 60) относительно введения еще двух корпусов. В августе 1942 г. итальянские войска занимали территорию в районе среднего течения реки Дон с населением 476 тыс. человек (с. 61). На советских территориях итальянцы установили чисто военный оккупационный режим, практически полностью подчиненный немецким директивам. Начиная с 1 декабря 1942 г. советские войска развили масштабное наступление, и к марту 1943 г. итальянцы были отброшены на линию Гомель – Нежин – Жлобин.

Высадка 8 ноября 1942 г. союзнических войск в Северной Африке с целью захвата Марокко и Алжира, контролируемых республикой Виши, оказала сильное влияние на итало-германскую политику на Балканах. Как пишет автор, «возможность выхода Италии из союза с Германией уже витала в воздухе с конца 1942 г.» (с. 177). Итальянцы предпринимали попытки убедить немцев заключить мир с Советским Союзом, чтобы сконцентрировать силы Оси на защите Средиземноморья. Страх итальянских военных властей, что с высадкой союзников на Балканах движение Сопротивления перерастет во всеобщее восстание, вынуждал итальянские власти выступать за увеличение германского присутствия в регионе.

После захвата союзническими войсками Туниса для Германии стало очевидным, что «Италия уйдет со сцены» (с. 179). Согласно разработанному немецким командованием плану «Ось», Вермахт должен был разоружить военные силы Италии и оккупировать все принадлежавшие ей территории.

Выход Италии из войны 8 сентября 1943 г. «был встречен итальянскими войсками ликованием почти на всех театрах военных действий» (с. 179). Нацисты не имели никакого намерения репатриировать итальянцев на родину, было принято решение интернировать их в Германию. Из всего числа итальянских солдат, находившихся на оккупированных территориях на 8 сентября на Балканах и на островах Средиземноморья, сложили оружие около

430 тыс. и 59 тыс. в Южной Франции, в то время как сотрудничество с немцами на Балканах выбрали 49 тыс. и 32 тыс. во Франции. Из тех, кто выбрал сотрудничество, почти 20 тыс. были членами Добровольной милиции за национальную безопасность, находившейся в составе итальянских вооруженных сил (с. 180). Часть итальянских военных присоединялись к партизанам и войскам национального освобождения. Многие солдаты прятались на бывших оккупированных территориях в ожидании полного освобождения.

Автор обращает внимание на то, что итальянское правительство не провело ни одного судебного процесса за военные преступления, хотя правительства оккупированных Италией государств потребовали после 8 сентября 1943 г. экстрадиции итальянцев, обвиненных в военных преступлениях, и проведения процессов в Италии. В 1948 г. государства – жертвы итальянской агрессии отказались от своих запросов, чем воспользовалась Италия, чтобы «опустить завесу забвения» над своим прошлым.

«Италия 1945 года хотела забыть свою ответственность за понесенные жертвы, возлагая ее на “абстрактный” фашизм, который идентифицировался с немногими действующими лицами и в своих основах был чужероден итальянскому обществу» (с. 203). Представление об итальянце, неспособном к холодной и рациональной ненависти в противоположность германской «машине», уходило глубокими корнями в эпоху Рисорджименто и Первой мировой войны. Эти глубинные представления вновь ожили в годы военного конфликта, что объясняет, почему альянс с немцами вызывал у итальянцев одновременно как восторг, так и ненависть к народу, способному довести до конца идею создания «нового» человека, которую пестовал фашизм. С точки зрения Фонци, удивительным является факт, что похожие стереотипы закрепились и в оккупированных Италией государствах. К итальянской оккупации применялись синонимы «мягкая», «радостная» (с. 204), по сравнению с жесткой германской оккупационной практикой.

В заключении к монографии автор задается принципиальным вопросом: в какой степени итальянская оккупация была фашистской.

Режим Муссолини добавил к либеральному оккупационному проекту такие элементы, как «лишенный предрассудков» политический стиль, а также расизм. В достижении поставленных целей «присутствовал специфический фашистский подход», в основе которого лежали конкретные структурные элементы: кризис интеграционной модели в результате Первой мировой войны (с. 205).

Итальянская оккупация была фашистским феноменом. Фашистский империализм подпитывался идеей найти (вне своих границ) решение наследственных болезней (наследственных изъянов) итальянской нации, обусловленных ограниченным по своим возможностям процессом модернизации.

В отличие от германской, итальянская оккупационная политика была преимущественно военным феноменом. Итальянские военные власти занимались многими экономическими вопросами, часто подменяя собой местные, слабо эффективные гражданские власти, иногда даже действовали абсолютно автономно. Поэтому решающее значение имели такие вопросы, как инфраструктура, транспортное сообщение, состояние дорожной сети и в гораздо меньшей степени вопросы идеологии и политической практики.

Фашистская Италия попыталась установить гегемонию, осуществляя руководство внутринациональными процессами, «придумывая» традиции путем переработки местного аутентичного материала, что лишь обнаруживало слабость итальянского оккупационного проекта, плохое знание местных обществ и культуры. Итальянцы, замечает автор, больше следовали за событиями, нежели их определяли.

И.Е. Эман

Рибер А. Дж.
БУРИ НАД БАЛКАНАМИ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)

Rieber A. J. Storms over the Balkans during the Second World War. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – XXIV, 281 p.: ill.

Реферируемая монография представляет собой обширное исследование политических, военных и этнических процессов на Балканах в годы Второй мировой войны. Автор – известный американский историк Альфред Дж. Рибер, специалист по истории Восточной Европы и Советского Союза, ранее публиковавший труды о российской внешней политике и границах империй. Его новая работа переносит внимание читателей на балканское пространство как пограничную зону столкновения имперских интересов, внутренних движений Сопротивления и этнополитических катастроф.

Монография основана на широком круге источников – от советских и британских дипломатических материалов до мемуаров партизан и политических лидеров. Автор использует как опубликованные документы, так и богатый пласт исследовательской литературы на английском, немецком, русском и балканских языках.

Книга состоит из введения, двух объемных частей и заключения. Введение задает исследовательскую рамку, в которой Балканы определяются как «историческая арена», где сошлись три фактора: имперская политика, иррегулярная война и этнические конфликты. Автор подчеркивает, что события Второй мировой войны в регионе невозможно понять без привлечения более широкого историко-культурного контекста. Рибер пишет: «Эта книга предлагает новый подход к Балканам как историческому региону, сосредоточиваясь на запутанных политических соперничествах, культурных конфликтах и вооруженных столкновениях между

великими державами и местными народами, конкурировавшими за влияние и господство» (с. 2).

Первая часть монографии, озаглавленная «Бури разразились», посвящена событиям 1939–1943 гг. на Балканах, одном из самых нестабильных регионов Европы в период Второй мировой войны. Особое внимание уделено оккупации Югославии и Греции, трансформации власти, становлению движения Сопротивления и эскалации этнического насилия. Автор рассматривает Балканы как территорию, где имперские интересы держав Оси (Германии и Италии) вступили в сложное взаимодействие с внутренними социальными, этнополитическими и идеологическими конфликтами.

Первая часть книги имеет тематическую структуру. Вначале анализируются предпосылки уязвимости балканских государств и причины их быстрого краха. Затем последовательно рассматриваются механизмы установления оккупационной власти и практики ее легитимации. Отдельные главы посвящены логике разрастания вооруженной борьбы и закреплению этнического насилия как инструмента политики. Завершает часть обзор международного контекста агрессии Германии и Италии. Такое построение позволяет рассматривать войну как многослойный процесс, а не просто последовательность операций и кампаний.

Исследователь показывает, что планирование и реализация оккупации не имели единой стратегии. Между Германией и Италией существовали различия в целях, темпах и методах. Италия стремилась к экспансии и установлению контроля в Албании, Греции и части Югославии, но столкнулась с серьезными ограничениями и зависимостью от Германии. В свою очередь Берлин искал в регионе ресурсы, стратегические позиции и контроль над коммуникациями. При этом, как подчеркивает автор, «сателлиты двух союзников затем вступили в перепалку по поводу раздела трофеев, в то время как болгары и венгры подгрызали окраины...» (с. 263).

Оккупация региона сопровождалась установлением марионеточных или коллаборационистских режимов. В Хорватии к власти пришли усташа, провозгласившие «Независимое государство». В Сербии действовал режим генерала Недича, контролируемый немцами. В Черногории, Косово, Македонии и Албании – различные проитальянские режимы. Вместо единого фронта оккупированных стран сформировалась мозаика раздробленных центров власти, во многом враждебных друг другу. Рибер подчеркивает, что линии конфликта пролегали не только между оккупантами и Сопротивлением, но и внутри самих национальных обществ: «Калейдоскопическая смесь этнолингвистических групп, гибридный и

неоднозначный характер неофициальных идентичностей, а также навязанных сверху идентификаций – все это способствовало трудностям в формировании устойчивых сообществ» (с. 262).

Спротивление формировалось по-разному. В Югославии уже в 1941 г. действовали два основных лагеря: четники под руководством Драже Михаиловича и коммунистические партизаны Иосипа Броз Тито. В Греции развивались как правые, так и лево-радикальные формы Спротивления, в первую очередь ЭЛАС. Партизанская война быстро приобрела черты гражданского конфликта, при этом масштабы насилия все больше выходили за рамки военных действий: «Иррегулярная война терзала регион с раннего Нового времени. Рельеф делал ее возможной, а религиозные, позже этнокультурные различия – ожидаемой в периоды кризисов» (с. 262).

Одной из центральных тем первой части становится этническое насилие. Усташский режим в Хорватии организовывал массовые убийства и депортации сербов и евреев. В Косово албанские формирования нападали на сербское население. Сербские четники также прибегали к этническим расправам, особенно на мусульманских территориях Боснии. Эти процессы разворачивались как в рамках, так и вне зависимости от официальной политики оккупантов. Рибер подчеркивает, что этническое насилие «часто носило межобщинный характер» (с. 262).

Наконец, автор рассматривает отношение внешних союзников к происходящему. Великобритания вначале поддерживала монархические силы и эмигрантские правительства, но по мере военных успехов партизан Тито начала склоняться к взаимодействию с коммунистами. СССР в этот период оставался в стороне от прямого участия, но идеологическое влияние Москвы на коммунистические движения было значительным.

К концу 1943 г., как показывает Рибер, партизаны уже контролировали отдельные регионы, создавали органы самоуправления, суды, военные и образовательные структуры. Эти зачатки будущих социалистических режимов возникали в условиях постоянной войны и насилия, что, по мнению автора, будет определять политическую культуру региона еще долгие десятилетия.

Вторая часть монографии, «Ветер с востока», охватывает период 1943–1945 гг., когда на смену оккупации приходит активная борьба за власть между партизанскими движениями и остатками старых режимов. Центральное место отведено роли Тито в Югославии и его попытке выстроить собственный политический порядок, независимый как от западных союзников, так и от Москвы. В первых главах автор показывает, как союзники постепенно пере-

ориентировались на коммунистов, тогда как СССР стремился одновременно поддерживать их и удерживать под контролем. Значительное внимание уделяется институционализации власти – организации управления, судов, образования и пропаганды на освобожденных территориях. Рассматриваются различия в динамике: в Албании и Болгарии коммунисты опирались на прямую помощь Москвы, а в Греции левые и правые оказались втянуты в кровавый внутренний конфликт. Окончание войны сопровождалось масштабными репрессиями, этническими перемещениями и чистками, ставшими неотъемлемой частью становления новых режимов.

Автор отмечает, что с 1943 г. Тито становится не только лидером крупнейшей военной силы в Югославии, но и создателем параллельной государственности. Похожий процесс разворачивается в Албании и Болгарии. Коммунистические движения используют антифашистскую борьбу как средство легитимации собственной власти. Переход к контролю над территориями сопровождался репрессиями и уничтожением оппозиции: «Они применяли жесткие репрессивные меры против внутренних оппонентов, либеральных и социал-демократов, инакомыслящих в собственных рядах, прибегая к организованному террору на захваченных территориях» (с. 31).

Советский Союз вмешивается в политическую жизнь региона с 1944 г. В Болгарии и Румынии советское влияние становится определяющим, тогда как в Югославии и Албании оно было ограничено. Тито, несмотря на идеологическую близость к Москве, последовательно отстаивает автономию. Автор показывает, что к концу войны на Балканах сложились коммунистические режимы, пришедшие к власти через вооруженную борьбу и массовое насилие. Этот процесс заложил основы послевоенной политической системы региона и предпосылки будущих конфликтов как с внешними игроками, так и между самими балканскими государствами.

М.О. Сундукова

Хафф Г.

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ
ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ
(Реферат)**

Huff G. World War II and Southeast Asia: economy and society under Japanese occupation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – XXX, 523 p.: ill.

Монография Грегга Хаффа (Оксфордский университет) посвящена воздействию японской оккупации на Юго-Восточную Азию в период Второй мировой войны с конца 1941 г. до момента капитуляции Японии (формально о безоговорочной капитуляции было объявлено еще 15 августа 1945 г., но боевые действия продолжались до подписания акта о капитуляции 2 сентября). Политическая и военная история глобального конфликта в книге не рассматривается, автор сосредоточился на исследовании изменений в экономике и обществе. Анализируется производство основных товаров (рис, каучук, олово), их экспорт, распределение и нормирование ресурсов, а также социальные последствия оккупации.

Исследование основано на обширной источниковой базе, включая документы из национальных архивов Великобритании, США, Австралии, Вьетнама, Таиланда, Нидерландов и Франции. Использовались официальные публикации различных администраций (британской, тайской, индокитайской, японской) и доклады времен Второй мировой войны. Данные о населении Таиланда и Индокитая в военное время взяты преимущественно из официальных источников, однако для крупных городов, таких как Рангун, Сингапур, Куала-Лумпур, Джакарта, Сурабая и Манила, они полу-

чены из японских отчетов о переписях, проведенных с целью нормирования и социального контроля.

Во введении Грегг Хафф описывает предвоенное экономическое положение Юго-Восточной Азии и ее значение для Японии, подробно останавливаясь на экономических мотивах японской оккупации. Упомянуты и препятствия, мешавшие завоеванию Юго-Восточной Азии (острова, горные хребты). Автор подчеркивает, что еще до принятия японским правительством окончательного решения об этой войне существовали прогнозы о ее возможном исходе. Гражданские специалисты сосредоточивались на шансах Японии выиграть войну на Тихом океане, а не на том, как управлять оккупированными обществами и экономиками Юго-Восточной Азии (с. 37). Особо отмечается «пророческая» оценка 1940 г. По приказу Ивакуро Такэо, Акимару Дзиро из секции 8 (пропаганда и разведка) Генерального штаба армии организовал группу экономистов для оценки военного потенциала Японии. Эта группа, известная как Акимару Кикан, сфокусировалась на японской промышленной мощи и тоннаже торгового флота, сравнивая народное хозяйство страны с экономиками США, Великобритании, Германии и Советского Союза. На основе этого анализа Акимару Кикан подготовили отчет, в котором военно-экономическая мощь Японии оценивалась как «одна двадцатая от мощи союзников» (с. 38). Хотя этот вывод был доложен на Совместном совещании правительства и Императорской ставки в конце августа 1941 г., вскоре после этого Императорская конференция высказалась в пользу войны. Более того, летом 1941 г., еще до официального представления отчетов Акимару Кикан, они, как утверждается, были сожжены. Однако базовые исследования были доступны Институту тотальной войны, открытому в апреле 1941 г. Проведенное его работниками моделирование войны на Тихом океане показало, что Япония не выиграет. Это свидетельствует о том, что японское руководство, возможно, начало войну, игнорируя пессимистические экономические оценки.

Первая и вторая главы монографии посвящены особенно-стям управления странами Юго-Восточной Азии и осуществлению в них социального контроля. Указывается, что в оккупированных странах применялись различные управленческие стратегии. В Таиланде и Индокитае японцы во многом сохранили довоенные правительства (правительство Фибуна в Таиланде, администрация Деку в Индокитае), делегируя им функции социального контроля. Они работали через местную элиту и военных в Таиланде и через местную администрацию и религиозно-политические группы в Индокитае (с. 134). В Бирме японцы пытались работать через кол-

лаборационистскую администрацию во главе с Ба Мо, но столкнулись с беспорядком и сильным местным национализмом, который оставил им мало возможностей для контроля. На Филиппинах было создано марионеточное правительство, но его реальная власть была крайне ограниченной, и контроль над многими территориями находился у местных чиновников и даже банд (с. 41). В Индонезии японцы способствовали развитию националистических движений, используя их лидеров (например, Сукарно), но их истинные цели разочаровали националистов. Отмечается, что общим инструментом социального контроля была военная полиция (Отряд правопорядка, *яп.* Кэмпэйтэй), которая использовала обширные сети местных информаторов и шпионов, включая бывших сотрудников колониальной разведки. Также внедрялись соседские ассоциации (*тонаригуми*), хотя их эффективность была переменной из-за повсеместного беспорядка. Несмотря на эти усилия, сопротивление и социальные проблемы оставались значительными.

В третьей главе рассматривается, как Япония финансировала войну в Юго-Восточной Азии. Основным источником средств, описанным в документах, являлась денежная эмиссия. Также использовались доходы местных правительств, торговый профицит и в меньшей степени золото из Японии. Упоминаются и «добровольные» пожертвования. Следствием интенсивного печатания денег стала значительная инфляция в оккупированных регионах. Таблица 3.4 демонстрирует это, показывая резкое увеличение соотношения цен и количества валюты в разных странах Юго-Восточной Азии к концу оккупации (1942–1945 гг.) (с. 99). Автором отмечается, что высокая инфляция в конце войны повлияла на сопоставимость данных. Например, индекс потребительских цен в Ханое вырос значительно сильнее, чем в Сайгоне.

Экономический коллапс военного времени в Юго-Восточной Азии, описанный в четвертой, пятой и шестой главах, объясняется финансированием японских военных расходов и нужд оккупационной администрации во многом за счет денежной эмиссии. Помимо инфляции указывают на другие аспекты экономического упадка. Во-первых, резкое падение внешней торговли. Например, экспорт Индокитая к 1945 г. упал практически до нуля (с. 175). Во-вторых, нарушение производства, в частности, значительное снижение производства риса.

Седьмая глава описывает тяжелую экономическую ситуацию в сельской местности и за пределами крупных городов Юго-Восточной Азии во время японской оккупации. Главной проблемой стало резкое снижение доступности продовольствия, прежде

всего риса, основного продукта питания. Таблицы показывают падение его производства на душу населения и доступности в различных провинциях (например, в Тонкине и Северном Аннаме) до уровней, «едва достаточных для выживания» (с. 259–260). Это приводило к голоду и росту смертности. Ухудшение условий в неурбанизированных районах способствовало движению населения, включая миграцию из сельской местности в города, где население искало пропитание и иные возможности, которых было меньше в деревнях. Таким образом, глава иллюстрирует, как нарушение продовольственной системы привело к гуманитарной катастрофе и демографическим сдвигам вне крупных городских центров.

В восьмой главе рассматривается положение в городах Юго-Восточной Азии. Японские власти были заинтересованы в проведении переписей и учете населения для нормирования продовольствия и социального контроля, что сделало их данные, хотя и ограниченные по объему, достаточно надежными для этих городов. Данные показывают изменения в численности населения в этих городских районах, например значительный рост в Маниле и Джакарте, что косвенно свидетельствует о миграции из сельской местности в города в поисках продовольствия и лучших условий жизни.

В девятой главе дается оценка использования японцами рабочей силы из Юго-Восточной Азии. Обсуждаемые темы включают в себя принудительный труд, японскую политику порабощения «женщин для утех» и вербовку рабочих для японских вооруженных сил. Японская администрация мобилизовала огромные массы рабочих, среди которых были как военнопленные из стран антигитлеровской коалиции, так и, в подавляющем большинстве, местное азиатское население, известное как *рôмуся*. Главный и наиболее трагичный вывод, следующий из представленных материалов, заключается в невероятно высокой смертности среди этих рабочих. Например, при строительстве железной дороги Таиланд – Бирма погибли более 86 тыс. рабочих, что соответствует 214,8 погибших на километр пути; на железной дороге Байя этот показатель был еще выше – 392 смерти на километр, а на Центральной Суматре – 371 смерть на километр (с. 348). Эти цифры, а также сведения о высокой смертности и в трудовых лагерях, и на рудниках, служат свидетельством жесточайших условий труда, недостаточного питания, болезней и общего пренебрежения к жизни рабочих.

Десятая глава фокусируется на долгосрочных экономических последствиях Второй мировой войны и японской оккупации для Юго-Восточной Азии и самой Японии. Для этого используется анализ статистических данных – динамики ВВП на душу населения в

период с 1870 по 1980 год (с. 373–374). В главе представлены данные по ВВП Бирмы, Малайи, Таиланда, Сингапура, Индонезии, Индокитая, Филиппин и Японии, что позволяет оценить, как оккупация повлияла на их экономическое развитие (с. 374–375). Одним из ключевых последствий для стран Юго-Восточной Азии является падение ВВП на душу населения во время оккупации. Последующий процесс восстановления растянулся на долгие годы: если Малайя, Сингапур и Таиланд вернулись к уровню 1938 г. по ВВП на душу населения уже в 1950 г., то Бирма достигла этого уровня лишь в 1978 г. (Япония – в 1953 г.) (с. 381). Для самой Японии рассматриваются экономические издержки оккупации Юго-Восточной Азии, в частности, военные расходы в этом регионе и их доля в ВВП Японии в период 1940–1945 гг.

В эпилоге кратко описывается обретение независимости странами Юго-Восточной Азии в послевоенный период. Основное внимание уделяется оценке последствий войны и их влияния на политическое и экономическое устройство региона после 1945 г. Грегг Хафф отмечает, что соотношение между преимуществом и изменениями значительно различалось в разных странах: Бирма, Индонезия и Вьетнам пережили большие потрясения, тогда как Таиланд, Малайя и Филиппины следовали более устойчивым, менее радикальным курсам. Автор затрагивает и вопрос, связанный с альтернативным вариантом развития событий, а именно – с гипотетическим отказом Японии от вторжения в рассматриваемый регион. Так, он отмечает, что «если бы Япония оставалась наблюдателем в войне, она могла бы получить многое из того, что хотела, в Юго-Восточной Азии относительно дешево и с гораздо меньшими затратами, чем показано в главе 10, а также без токсичного наследия оккупации» (с. 415).

Е.А. Буздалина

Д.В. Петрухина

**Рец. на ст.: ПОМЕЧКО А. «НИКОГДА НЕ ПОЗДНО
БОРОТЬСЯ ЗА СВОЮ СЕМЬЮ И НАЦИЮ»:
ПОПЫТКИ «БЕЛОРУСИЗАЦИИ» СОЛДАТ
В ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ,
СПОНСИРУЕМЫХ ГЕРМАНИЕЙ, 1941–1944 гг.**

Pomiecko A. «It is never too late to fight for one's family and nation»: attempts at «Belarusifying» soldiers in German-sponsored armed formations, 1941–1944 // *The journal of Slavic military studies.* – 2020. – Vol. 33, N 2. – P. 259–276. – DOI: 10.1080/13518046.2020.1756711

Статья А. Помечко, сотрудницы Мемориального музея Холокоста (США), «Никогда не поздно бороться за свою семью и нацию...» была опубликована в «Журнале славянских военных исследований» в 2020 г. Исследование посвящено военным коллаборационистским группировкам на территории БССР, действовавшим во время Великой Отечественной войны, как инструменту формирования белорусской национальной идентичности. Статья описывает процесс создания «белорусской» армии: цели и механизмы его реализации, а также лежащие в его основе представления высших чинов коллаборационистов о «белорусскости». При этом автор фокусирует внимание именно на образовательном значении Белорусской вспомогательной полиции, Корпуса белорусской самообороны и Белорусской краевой обороны как социальных пространств, где солдат «учили» быть «настоящими» белорусами.

Исследование в основном опирается на периодические издания, выпускавшиеся на территории Беларуси в 1941–1944 гг., а также на тексты публичных выступлений и частную переписку белорусских руководителей. Наибольшее количество отсылок приходится на «Белорусскую газету» («Беларуская газэта»), при этом

автор нигде не упоминает, что она была специально создана коллаборационистами для распространения в Беларуси нацистской идеологии¹. Выбранные источники в большей степени отражают цели и методы лидеров-националистов, нежели рисуют реальную картину происходивших в сознании простых солдат изменений.

Отдельного внимания заслуживает заголовок статьи, где использована фраза пронемецкого националиста, президента Белорусской центральной рады, Радослава Островского «Никогда не поздно бороться за свою семью и народ!». Вырванные из контекста, эти слова могут быть восприняты как признак ангажированности автора.

Тематически статья делится на пять частей, но выделение некоторых из них видится излишним ввиду невозможности четко разграничить происходившие процессы. Введение начинается с цитат коллаборационистской верхушки, раскрывающих ее надежды на белорусское нацистроительство за счет немецких оккупантов. Ссылаясь лишь на работы М. Гроха, А. Помечко подчеркивает, что низкий уровень национального самосознания выступал, с одной стороны, как стимул к созданию белорусских вооруженных сил, а с другой – был одним из главных препятствий на пути этого процесса. По сути, эта проблема и лежит в основе рассматриваемых автором явлений, однако теории этого вопроса в статье уделяется минимальное внимание.

Традиционно жители белорусских земель не отличались выраженной этнической идентичностью, на фундаменте которой можно было бы строить национальное самосознание. Однако это не значит, что культурной идентичности не существовало вовсе: до XX в. она имела локальную форму («тутэйшыя»²). В дальнейшем на территории БССР не раз предпринимались попытки конструирования групповой идентичности: в 1920-х годах – белорусизация, с 1930-х годов – советизация, после распада СССР – «мягкая белорусизация» в контексте независимого государства. И до настоящего времени проблема формирования национальной идентичности белорусов остается актуальной темой исследований. В связи с вышесказанным неудивительно, что в период Великой Отечественной

---

¹ *Жумар С.У.* «Беларуская газета» // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Минск: БелЭн, 1993. – Т. 1: А – Беліца / рэдкал.: М.В. Біч і інш.; праадм. М. Ткачова; маст. Э.Э. Жакевіч.

² *Pershats A.* Localness and mobility in Belarusian nationalism: the tactic of Tuteishaść // Nationalities papers. – 2008. – Vol. 36, N 1. – P. 85–103.

войны «большая часть общества... действительно не имела четкого представления о том, что значит быть “белорусом”» (с. 261).

В основной части статьи автор описывает процесс создания трех военизированных подразделений и отношение к ним немецкого руководства. Здесь обращает на себя внимание тот факт, насколько настойчивы были белорусские коллаборационисты в своем стремлении организовать военные части, солдаты которых стали бы «образцовыми белорусами»: несмотря на периодические отказы со стороны нацистов и расформирования под разными предлогами, в 1944 г. Белорусская краевая оборона (БКА) состояла из сорока пяти батальонов. В целом автор не вдаётся в подробное описание подразделений, приводится только статистика, источниками для которой послужили работы польских исследователей. В то же время дается много ссылок на мемуары командующего БКА Ф. Кушеля.

Некоторые из озвученных тезисов не получили в тексте дальнейшего разъяснения. В частности, упоминается, что руководство стремилось к «этнической чистоте» подразделений, по причине чего в их ряды не принимались «русские, украинцы и особенно поляки» (с. 264). И хотя полностью исключить представителей других национальностей в итоге не удалось, остался открытым вопрос, какие этнокультурные элементы считались важными при мобилизации. Почему под строгий запрет попадали именно поляки, которые, если основываться на языковом этническом маркере, наиболее близки белорусам? О том, что руководство коллаборационистов так и не смогло определить критерии белорусскости, автор упоминает только в конце статьи.

В условиях активных боевых действий для привлечения мужчин в свои ряды БКА использовала различные методы: и поощрение (ежемесячное жалование, медицинские услуги, безопасность для семьи), и принуждение (конфискация земель, угроза депортации в Германию). Такая ситуация приводила к тому, что в подразделение попадали «недисциплинированные элементы» (с. 265), которые, несмотря на материальные льготы, часто переходили на сторону СССР. В итоге процесс обучения солдат и офицеров был в основном направлен на поддержание дисциплины. Идеологическая подготовка включала в себя занятия по белорусской истории и культуре, внедрение особой символики, а также проведение памятных церемоний, связанных с важными аспектами белорусской идентичности. Поскольку фундамент последней был недостаточно идеологически проработан, в ее основу легли отличия белорусов от других этнических общностей. И, вероятно, здесь

частично скрывается ответ на вопрос, почему в ряды БКА и других формирований старались не принимать русских, украинцев и поляков: у белорусов слишком много общего с этими народами, и из единой массы было бы крайне сложно выделить то незначительное, что их отличает.

Кроме того, на войне нет лучшего спланивающего фактора, чем образ врага. Коллаборационисты объявили врагами белорусской нации советский народ, евреев и поляков. При этом в контексте культурного влияния под советским народом подразумевались русские, а понятия «советский», «большевистский» и «русский» часто использовались как взаимозаменяемые синонимы. Как отмечает автор, в «Белорусской газете» на регулярной основе публиковались материалы, очерняющие все русское, особенно язык, и смешивающие политические процессы (например, репрессии) с культурными. Обвинения в сторону евреев носили скорее социально-экономический, нежели культурный характер, и риторика в их отношении напоминала немецкую. Все эти факты говорят о непоследовательности и частичной заимствованности содержания и методов идеологической работы, проводимой с членами БКА.

Примечательно, что чтение изданий, подобных «Белорусской газете», входило в обязательную подготовку солдат в рамках занятий по культуре и истории. То есть белорусам предлагали приобщиться к родной культуре не через чтение произведений К. Туровского, В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича и других писателей, в том числе погибших в годы репрессий, а через специально созданные для агитации газеты. В них часто рассказывалось «о славном военном прошлом Беларуси», среди последних примеров которого называлось Слуцкое восстание 1920 г., а текущие отношения с нацистами романтизировались. На деле же немцы сильно ограничивали развитие местных вооруженных формирований, особенно белорусских, опасаясь, что рано или поздно они восстанут. После организации БКА нацисты занимались только военной подготовкой ее членов, идеологическая работа их не интересовала, требования Ф. Кушеля к «этнической чистоте» личного состава нередко игнорировались.

Для усиления белорусской составляющей обучения привлекались культурные организации, представители которых проводили для бойцов уроки родного языка, читали лекции по истории, организовывали театральные постановки, кинопоказы и концерты. Такие мероприятия, куда ходили с семьями и старшими товарищами, были в том числе направлены на формирование духовно-нравственных ценностей – чувства товарищества и любви к семье.

Важность этих качеств для каждого «белоруса» подтверждается текстом присяги офицеров БКА.

Не меньше внимания уделялось и внешней репрезентации войск. Руководство БКА считало необходимым ввести собственную униформу, которая отличалась бы от немецкой. Первое время солдаты прикрепляли на имевшуюся у них одежду распространенные у коллаборационистов символы – герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг, что создавало у них впечатление принадлежности к отдельному формированию.

В заключение А. Помечко отмечает, что лидеры коллаборационистов были уверены в возможности конструирования национальной идентичности посредством создания вооруженных формирований. Тем не менее эффективность описанных процессов невозможно оценить без изучения изменений в самосознании солдат БКА (если они были). По итогам представленного исследования с некоторой долей уверенности можно сказать, что в основе формирования белорусской идентичности членов БКА лежали противопоставление другим этническим группам, легитимность на основе исторических событий, товарищество и любовь к семье.

Исследование А. Помечко отличается научной новизной благодаря рассмотрению вооруженных формирований с точки зрения их идеологического и педагогического, а не военного потенциала. Однако в образовательном процессе присутствует две стороны, поэтому мотивы и результаты воспитанников не менее важны, чем цели наставников. В этой связи статья представляется только первым шагом в исследовании обширной проблемы конструирования идентичности в условиях военного времени.

Холтсмарк С.

**ИМПРОВИЗИРОВАННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ,
ОКТАБРЬ 1944 г.: ПЕТСАМО-КИРКЕНЕССКАЯ ОПЕРАЦИЯ
И КРАСНАЯ АРМИЯ В НОРВЕГИИ
(Сводный реферат)**

Свен Холтсмарк – профессор современной истории Норвежского института оборонных исследований, специалист по советской, восточногерманской и норвежской истории, в том числе по истории советско-норвежских отношений и Второй мировой войны.

Статья «Импровизированное освобождение...» вышла в двух частях в «Журнале славянских военных исследований». Автор анализирует историю подготовки и проведения Петсамо-Киркенесской наступательной операции (7 октября – 8 ноября 1944 г.) и ее политический контекст с целью выяснить причины и цели советского вторжения в восточную Норвегию (губерния Финнмарк). В первой части статьи [Holtsmark, 2021a] описываются планирование и предварительная подготовка к операции (февраль – сентябрь 1944 г.), во второй части [Holtsmark, 2021b] анализируются окончательная подготовка к наступлению (с конца сентября), сама операция и сопровождавшие ее переговоры между СССР и союзниками.

Как показано в первой части статьи, вплоть до начала 1930-х годов советское руководство не придавало Кольскому полуострову и Карелии серьезного стратегического значения. Причиной тому было отсутствие развитого транспортного сообщения с остальной частью страны, что делало невозможным содержание крупных воинских формирований, но также исключало и угрозу крупномасштабного военного вторжения в страну на данном участке границы. Советская стратегия в этом отношении продолжала дореволюционную, несмотря даже на то что во время Первой мировой войны северные порты активно использовались для доставки

военной помощи от союзников. Нарастание советского военного присутствия в Карелии и Мурманской области началось лишь в 1930-е годы, но даже во время Второй мировой войны территориальные претензии СССР ограничивались районом Петсамо (Печенги), входившим с 1920 г. в состав Финляндии. В частности, как следует из проанализированных автором документов, ни Сталин, ни его ближайшее окружение не имели планов по распространению советского влияния на Норвегию или созданию на ее территории советских военных баз. Документы Карельского фронта за февраль – сентябрь 1944 г. и переписка между командующим фронтом генералом армии К.А. Мерецковым (с 26 октября – Маршал Советского Союза) и Ставкой Верховного главнокомандования также подтверждают, что ни на одном из этапов подготовки советского наступления в Заполярье вторжение в Норвегию не планировалось. Более того, по условиям прекращения огня между СССР и Финляндией от 5 сентября 1944 г. последняя обязалась самостоятельно вытеснить германские войска со своей территории либо интернировать их, так что Ставка запретила командованию Карельского фронта предпринимать активные наступательные действия против действующей на северном его участке 20-й горной армии Вермахта; войскам фронта было приказано ограничиться преследованием отходящих частей противника до финской границы. Лишь 26 сентября Карельский фронт получил директиву на наступление, но и она предусматривала только проведение операции по разгрому действующего на мурманском направлении 19-го германского горного корпуса силами советской 14-й армии. Операцию предполагалось осуществить на территории Мурманской области и района Петсамо (по условиям перемирия с Финляндией он должен был отойти к СССР), не давая немцам возможности отступить в Норвегию. На других участках фронта наступление на финскую территорию не допускалось.

Эти расчеты во многом базировались на предположении, что немцы готовятся к упорной обороне на участке 14-й армии с целью удержать свои военно-морские базы в Петсамо и Киркенесе, а также города Никель (автор употребляет советское название, хотя в 1944 г. город еще назывался Колосйоки) и Сальмиярви как важный источник никеля. Такой план (операция «Береза») действительно был разработан германским командованием в связи с капитуляцией Финляндии, однако уже в конце сентября было принято решение о полном выводе 20-й горной армии не только из района Петсамо, но и из Финнмарка (операция «Северное сияние»). Как следствие, первоначальный план операции Карельского фронта был реализо-

ван лишь частично: в ходе начавшегося 7 октября наступления советские войска 15 октября захватили Петсамо, но основным силам 19-го горного корпуса удалось, хотя и с потерями, организованно отступить на территорию Норвегии. Как показывает приведенный во второй части статьи подробный анализ советских документов, дальнейшее продвижение войск 14-й армии на запад развивалось не по плану, а исходя из фактической обстановки. Только на этом этапе были приняты решения сначала о переходе норвежской границы и далее о наступлении на Киркенес (освобожден 25 октября).

После окончания Петсамо-Киркенесской операции Карельский фронт в ноябре 1944 г. был расформирован. 14-я армия, переподчиненная непосредственно Ставке ВГК, оставалась в восточной части Финнмарка до самого конца Второй мировой войны, прикрывая северные рубежи СССР на случай новых германских атак. В сентябре 1945 г. советские войска покинули территорию Норвегии.

Автор приходит к выводу, что сталинское руководство не имело экспансионистских планов в отношении Норвегии даже на последнем этапе войны. Вторжение в Норвегию не входило в первоначальные планы советского командования и было обусловлено провалом операции по окружению и разгрому германских войск в районе Петсамо. Преследуя отходящего противника, советские войска освободили Киркенес. От дальнейшего продвижения на запад было решено воздержаться, и вплоть до конца войны перед 14-й армией ставились лишь оборонительные задачи. Летом 1945 г., после капитуляции Германии, в Норвегии присутствовали не только советские части, но и войска западных союзников; во многом это было обусловлено тем, что на территории страны оставалось еще значительное число немецких военнопленных. Как только в Москве убедились в намерении союзников как можно быстрее репатриировать их в Германию и в том, что вывод англо-американских войск из Норвегии является лишь делом времени, дальнейшее военное присутствие в районе Киркенеса было признано нецелесообразным.

М.М. Минц

Ю.В. Дунаева

**Рец. на кн: ХАСС Дж. К. СТРАДАНИЕ И ВЫЖИВАНИЕ
В ГОДЫ ВОЙНЫ: УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ
В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ, 1941–1944 гг.**

Hass J.K. Wartime suffering and survival: the human condition under siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944. – New York: Oxford University Press, 2021. – 440 p.

В монографии социолога Джеффри Кеннета Хасса (ассоциированный профессор кафедры социологии и антропологии Ричмондского университета, США; профессор экономики экономического факультета СПбГУ) на основе междисциплинарного подхода анализируются социальные практики выживания в блокадном Ленинграде. Автор использует социологические, экономические и исторические методы исследования.

Книга состоит из теоретического введения и трех частей, разделенных на главы, завершающиеся «кодой» – пассажем, иллюстрирующим рассмотренную тематику или ставящим философские вопросы. Американский ученый подводит читателя к размышлениям на тему: как трансформируются цивилизационные нормы в нечеловеческих условиях блокады? Как меняются практики выживания в экстремальных обстоятельствах? Еще одну характерную черту монографии составляют две «теодицеи» – разделы в седьмой главе, в которых Дж. Хасс задается философскими вопросами о природе добра и зла, об их проявлениях в блокадном Ленинграде и о выводах, которые следует сделать следующим поколениям.

Социолог приводит значительный фактический материал из постановлений органов власти и управления, отчетов и сводок милиции и НКВД, дневников и воспоминаний блокадников и др. Используются архивные источники из Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, рукописного

отдела Российской национальной библиотеки, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда и ряда других архивов.

Привлекает внимание структура текста. Главы начинаются с теоретических положений, которые подкрепляются многочисленными и объемными цитатами, в основном из дневников и воспоминаний ленинградцев. Отметим, что Хасс проделал широкомащтабную и кропотливую работу по их изучению и введению в научный оборот. Благодаря этому исследование приобретает не только научную обоснованность, но и эмоциональную наполненность. Читатель погружается в гнетущую атмосферу блокадной эпопеи, узнает об условиях жизни и труда, чувствах и испытаниях, переживаемых горожанами.

Лейтмотив книги: «Кто мы, когда наши спины прижаты к стене? Что мы можем сделать и на что готовы пойти, когда встает вопрос о нашем выживании, а серьезные трудности становятся нормой; в условиях, когда традиционные институты и практики утрачивают свою эффективность и работоспособность?» (с. 1).

Методологическая основа исследования – теория полей Пьера Бурдьё¹. Хасс поясняет: «Полевая концепция является ключевой для моего анализа. Поле – это совокупность акторов и их отношений (прямых, косвенных, отдаленных, но воспринимаемых как связанные), ориентированных на общие объекты, правила, практики и цели; сообщество акторов, вовлеченных в “организованное стремление” с относительно согласованными практиками, чьи отношения и действия составляют область социальной жизни, признаваемую акторами... Основа полевого подхода состоит в исследовании того, как акторы ощущают силы, с которыми взаимодействуют, как реагируют на них» (с. 18). Иными словами, автор анализирует изменение норм поведения, трансформацию взаимоотношений, усилия, прилагаемые блокадниками для выживания, проявления социальной эмпатии, оказания взаимопомощи, противодействия оппортунизму².

---

¹ См., например: *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики: сборник статей / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – 576 с. – (Gallicinium). – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3707> (дата обращения: 1.05.2025).

² Термин «оппортунизм» используется Дж. Хассом в рамках поведенческой экономической теории. Согласно О.И. Уильямсону: «Под оппортунизмом я

Хасс выделяет три группы полей:

1) Поле власти и политической экономии, к нему относится высшее руководство партии и государства.

2) Поле труда и рыночной экономики, состоящее из тех, кто выполняет распоряжения вышестоящих руководителей.

3) Поле близости и сообществ, моральная экономика. Это поле формируется общностью родственников, друзей, коллег.

Автор использует концепт якоря (anchor), применяемый в поведенческой экономике, прикладной психологии. Согласно Хассу, якорь – это «кристаллизация эмоций и чувств (симпатий или антипатий), позиций и отношений, а также смысла и идентичности» (с. 22). Якорь представляет собой точку пересечения личного и социального, с его помощью индивид идентифицирует и позиционирует себя и выстраивает взаимосвязи с другими. Можно сказать, что якорь – это то, что связывает людей друг с другом и определяет диапазон их отношений: от дружбы и поддержки до проявлений оппортунизма.

В качестве ключевых якорей в книге выделяются «Еда» и «Тело». Причем «Тело» включает в себя не только человеческую телесность, но и отношения с семьей, родственниками, близкими. «Разные акторы по-разному относятся к якорям. Для государства “Еда” и “Тело” связаны с легитимностью власти. Для тех, у кого был доступ к “Еде”, или тех, кто имел отношение к “Телу”, появлялся соблазн получить выгоду. Для простых ленинградцев якоря символизируют нечто эмоционально близкое» (с. 24).

В первой части «Порядок и власть: создание и нарушение правил» рассматриваются изменения социальных отношений в беспрецедентных условиях блокады. Якорь этой части – «Еда», которая, по мнению ученого, приобрела символическое значение. Дефицит продуктов питания изменил баланс сил между представителями власти и простыми горожанами. Хасс замечает, что отчаяние побуждало людей к разным действиям, а ослабленные государственные структуры не могли препятствовать этому даже в полях власти. Ленинградцы почувствовали, что изменение свободы

понимаю следование своим интересам, в том числе обманым путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться *ex ante* и *ex post*». См: *Уильямсон О.И.* Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // *Thesis*. – 1993. – Вып. 3. – С. 43.

действий, включая воровство, стало новой нормой, замечает социолог.

Хасс пишет, что от голода не были застрахованы даже работники государственных и партийных структур. В январе 1942 г. начальник цензурного отдела Леноблглавлита запросил пайки первой категории для сотрудников, «охраняющих военную и государственную тайну в печати и осуществляющих политико-идеологический контроль за всей печатной, художественной и радиопродукцией» (цит. по: с. 50), но ему в этой просьбе отказали.

Исследователь анализирует сформировавшуюся в Ленинграде теневую экономику. У лиц, имевших доступ к продовольствию и его распределению, появились возможности перепродажи и извлечения прибыли. Как показывают отчеты органов НКВД, в ряде случаев были организованы преступные сети: директор или сотрудники магазина, склада; бухгалтер, подделывающий отчетность; водитель, транспортирующий груз; напарник на рынке. Дневники горожан свидетельствуют, что их больше возмущали высокие цены на жизненно необходимые товары, чем сам факт рыночной торговли. Милиция проводила рейды против торговцев, но не прекращала полностью работу рынков.

Хасс отмечает, что произошел сдвиг в понимании того, что можно, а что нельзя считать едой. Отклонения от пищевых норм по-разному оценивались горожанами. Принуждаемые нестерпимым голодом, некоторые ленинградцы ели домашних животных (кошек, собак), что вызывало серьезные эмоциональные переживания. Блокадники могли простить тех, кто ел кошек из-за отчаяния, но не тех, кто ел их добровольно, заключает Хасс. Далее рассмотрено отношение к случаям каннибализма. Социолог убедительно доказывает, что для ленинградцев это было табу, проявление дегуманизации, отход от цивилизационных норм. Однозначное осуждение каннибализма – свидетельство сохранения человечности, заключает автор.

В коде первой части «Локальный порядок вещей» Хасс задается вопросом: «Как далеко мы готовы пойти, чтобы выжить?» (с. 129). В ответ приведены, в частности, слова Зинаиды Игнатович, разделившей блокадников на две группы: «голодающих, которые “героически выдерживали нечеловеческие страдания и часто умирали на своих постах” и тех, кто “прибегал к хитрости, лжи и зверствам, чтобы добыть пищу”» (цит. по: с. 129).

Вторая часть «Различный опыт и неравное выживание: гендер и класс» посвящена тому, как боролись за выживание представители разных классов и разных полов: мужчины и женщины.

Якорями здесь являются «Еда» и «Другие» (друзья, коллеги по работе, начальство).

Хасс показывает изменение социальных ролей: «Женщины и мужчины, рабочие и интеллигенция ставили под сомнение гендер и класс, но чаще *адаптировались*, а не *бросали вызов*, они продолжали воспроизводить отношения, позиции и идентичности» (с. 132, курсив автора). Война и блокада кардинально изменили демографическую ситуацию, что вынудило женщин приспосабливаться к новым условиям. Женщины осваивали мужские должности, выдвигались на высокие ответственные посты и одновременно выполняли традиционные женские обязанности: отстаивая длинные очереди, добывали продукты, продолжали вести домашнее хозяйство, заботились о родных и близких. «Женщины работали на предприятиях, производящих оружие, одежду и оказывающих различные услуги. Накануне войны женщины составляли 47% рабочей силы, а год спустя – 75–80%» (с. 135).

Хасс приходит к выводу, что ленинградские женщины переосмыслили и приняли свою новую идентичность. В трагических условиях блокады они проявляли мужество и самодисциплину, силу воли: трудились на тяжелых участках на нужды фронта, боролись за выживание родных, помогали другим людям. Автор приводит слова Ольги Родштейн: «Женщины очень часто поддерживали друг друга, совершенно незнакомых или малознакомых людей. Я давала людям одежду и деньги, помогала с устройством на работу» (цит. по: с. 148). Показательны воспоминания пенсионера Льва Когана. Оголодавший, слабый, он с трудом вставал с постели. Его жена работала в госпитале и успевала, невзирая на холодную погоду, покупать продукты, навещать знакомых, дававших ей табак, который она обменивала на рынке на продукты, стоять в длинных очередях в булочную, приносить мужу домой еду. «Коган признается: “Если она потеряет силы... мы все пропадем”» (цит. по: с. 151). Женщины спасли не только экономику, они прилагали титанические усилия для сохранения семьи, заключает Хасс.

Затем социологом рассмотрены способы выживания, используемые разными классами: интеллигенцией¹, рабочими, «организационными менеджерами» – иными словами, руководителями. Интеллигенция (культурный капитал, по терминологии Хасса) – это высокообразованные профессионалы, представители науки и искус-

---

¹ Хасс отмечает, что, согласно Конституции 1936 г., интеллигенция определялась как «прослойка». Но он использует понятие «класс» или «классовая группа» по отношению к ней.

ства. Рабочий класс (человеческий капитал) состоит из неоднородной группы людей, занятых физическим трудом. К «организационным менеджерам» (социальный капитал) относятся директора учреждений, заводов и фабрик.

В центре внимания автора отношение разных классов к теневой экономике и привилегиям. Интеллигенция вносила свой вклад в борьбу с фашизмом. Одни вступали в ряды Красной армии и ополчения, другие занимались пропагандистской работой, сотрудничали с газетами, писали книги на военную тему. Что касается льгот, то часть интеллигенции имела доступ к «закрытым столовым» в Доме ученых или Доме художников, хотя и там еда была скудная. Другие деятели науки и искусства были вынуждены обращаться к властям города, чтобы получить дополнительное питание. По мнению исследователя, для большинства деятелей культуры и науки это было предпочтительнее, чем участвовать в теневой торговле. Именно интеллигенция, как это видно из дневников, чаще других критиковала рыночную торговлю, противоречащую ее этическим нормам. Ходатайства о получении дополнительных пайков, как пишет Хасс, указывают на зависимость от государства, уязвимость и незащищенность положения ученых и представителей искусства. Он приходит к выводу, что у представителей интеллектуального класса был неустойчивый статус и эмоциональные сложности с применением стратегий выживания.

Иное отношение к льготам и рыночной торговле было у рабочих. Они возмущались злоупотреблениями со стороны других, но к черному рынку относились прагматично. Продажа или покупка товаров на рынке была для них одним из способов выживания, хотя у рабочих было меньше вещей, чем у других социальных слоев, которые они могли бы продать или обменять на продукты питания. Из писем трудящихся к А.А. Жданову видно, что спекулянты возмущали их больше, чем рыночная торговля. Но были и те, кто осуждал рынок, как, например, Елена Аверьянова-Фёдорова, рабочая фабрики им. А. Бебеля. Лишь когда она и ее мама потеряли карточки и перед ними встала реальная угроза голодной смерти, Елене пришлось какое-то время покупать продукты. Прагматичное отношение рабочих к рыночной торговле не было лицемерием, заключает Хасс, это был «крик отчаяния в неравных условиях выживания» (с. 210).

Отношение руководителей предприятий и учреждений к черному рынку сложно исследовать из-за недостаточности данных. Но даже в дошедших до нас документах авторы, как правило, вскользь упоминают об этом. С одной стороны, высокопоставлен-

ные управленцы пользовались доступными им льготами, получали повышенные рационы или питались в «закрытых столовых». С другой стороны, некоторые директора, рискуя своим положением, обеспечивали сотрудников дополнительным питанием или сознательно не замечали, что некоторые из них иногда нелегально добывали продовольствие. Проявление заботы о подчиненных означало, что руководители отстаивают принцип справедливости, пишет Хасс. Однако это не всегда поддерживалось государственными и партийными органами, поскольку свидетельствовало об утрате контроля с их стороны. Автор приводит эпизод с директором Ленинградского мясокомбината Н.А. Герасимовым. По его распоряжению в буфете предприятия еда продавалась по сниженным ценам. В ходе проверки были выявлены финансовые потери, и в результате против него было возбуждено уголовное дело. Далее Хасс замечает, что следует учитывать и то, что патернализм руководства мог быть продуманной стратегией, чтобы отвести от себя подозрения в злоупотреблениях.

В третьей части «Темные стороны выживания: потери, страдания и трагические факторы» социолог рассматривает тему смерти и конфликты, возникающие между разными акторами. Якорь этой части – «Труп». По данным автора, к марту 1942 г. в Ленинграде умерли более миллиона человек. Анализировать их социальный состав, возраст или партийный статус сложно, поскольку такие сведения не всегда регистрировались. Но можно установить, что мужчин умирало больше, чем женщин; также заметно, что чем ниже социальный статус, тем выше уровень смертности.

Хасс рассматривает, как смерть и ритуальные практики проявлялись в разных полях:

1) Поле силы, объединяющее структуры государственного и городского управления, партийные органы. Ключевое слово этого поля – «Контроль». В государственных учреждениях, отвечающих за поддержание и соблюдение порядка, безопасности, санитарно-эпидемиологических норм, понимали, что все увеличивающееся число умерших может вызвать эпидемии, дестабилизировать политическую ситуацию в городе, подорвать моральный дух гражданского населения. Поэтому одним из решений было, по словам Хасса, быстрое погребение покойников без каких-либо церемоний и ритуалов. В этом поле якорь «Труп» выступает как объект, который должен быть задокументирован и захоронен.

2) Поле труда – к нему относятся работники сферы ритуальных услуг и кладбищ. Могильщики могли воспользоваться своим служебным положением, например поживиться вещами умерших

или потребовать плату за похороны или за гроб, который стал дефицитным товаром. Родственники готовы были заплатить деньгами или продуктами питания, водкой, чтобы погребение было достойным. Якорь «Труп» предстает в этом поле как товар, а «покупатель и продавец договариваются об относительных ценах на захоронение и процедуру поминовения» (с. 231). Метвое тело, подчеркивает Хасс, становится объектом, приносящим прибыль. Поэтому в данном поле царит логика рыночной экономики.

3) Поле близости объединяет родных и близких умершего. Для них покойный – личность, с которой следует попрощаться по-родственному, с уважением, похоронить с соблюдением традиций и обрядов. Однако возможности родных были ограничены. Страдающие от голода жители не всегда имели физические силы для изготовления гроба либо у них могло не хватать денег и продуктов, чтобы купить похоронные принадлежности и оплатить церемонию погребения. Иногда им приходилось смириться с тем, что близкие будут захоронены в братских могилах или кремированы. Родные усопшего вынуждены были конфликтовать с работниками кладбищ или спекулянтами, требовавшими продукты или деньги, чтобы выкопать могилу. «Дмитрий Каргин записал цены на услуги по захоронению: “500 граммов хлеба, чтобы вырыть могилу или вынести труп, 1,5 кг хлеба для организации похорон”» (с. 266).

Как показывает автор, три поля (сила, труд, близость) пересекаются, сталкиваются и конфликтуют друг с другом. Например, органы НКВД и здравоохранения проводили проверки и требовали, чтобы захоронения проводились в соответствии с правилами и санитарными нормами, а сотрудники кладбищ не успевали справляться с большим количеством захоронений. Судя по отчетам соответствующих органов, зачастую похороны задерживались, мертвые просто лежали на земле. Захоронения не всегда производились должным образом: зарегистрированы случаи, показывающие, что из недостаточно глубоких могил были видны части тел усопших. Процедура похорон, во время которой граждане сталкивались с оппортунизмом чиновников и могильщиков, вынуждала их сделать нелегкий выбор между целесообразностью и чувством достоинства, подводит итог Хасс.

В первой теодицее «Причина, или кто и в чем виноват?» исследователь анализирует амбивалентное отношение ленинградцев к врагам. Одни ленинградцы безоговорочно винули фашистов в причиненных страданиях, в смертях военных и мирных жителей. Когда по улицам города вели пленных немецких солдат, некоторые жители видели в них только врагов. Но были и те, кто проявлял

высочайший уровень гуманизма – делились хлебом с военнопленными. «Страдания, перенесенные ленинградцами, побудили их задуматься о глобальном характере войны и переосмыслить свое место. Речь шла не о борьбе между социализмом и капитализмом, или между капиталистами и пролетариатом, а о противостоянии варварства и цивилизации» (с. 287).

Во второй теодицее «Сообщества подлинного страдания и достоинства» рассмотрено, как перенесенные страдания объединяли ленинградцев. Опыт их выживания в критических условиях показывает, «что страдание и достоинство играют ключевую роль в жизни человека, в том, что он собой представляет» (с. 332). Блокада вызывала у жителей города чувство изолированности. Они были оторваны от родных и близких, ушедших на фронт, от умерших родственников и друзей; от жителей других частей страны. Одновременно с этим у ленинградцев возникло чувство сообщества: наравне с солдатами они мужественно и достойно переживали зверства и жестокость фашизма. Это чувство превосходило национальные, классовые, гендерные и этнические различия. Перенесенные страдания укрепили в людях чувство собственного достоинства и усилили жизнестойкость, приходит к выводу Хасс.

В высокопрофессиональном исследовании Джеффри Хасса проанализированы и концептуализированы социальные практики выживания в условиях блокады. Особую ценность работе придает сочетание научного анализа, подкрепленного многочисленными документальными данными, с размышлениями о мужестве и героизме блокадников и об уроках, которые должны извлечь из этого страшного опыта последующие поколения. Обратимся к завершающим словам автора: «Никакой анализ ужасов блокады не способен в полной мере передать ту боль, которую испытали все, кто ее вынес. Все, что можем мы, выжившие, – проявить достоинство, прислушиваясь к их словам и воспринимая их всерьез, смотреть фактам в лицо, какими бы болезненными или противоречивыми нашим упованиям и убеждениям они ни были, чтобы понять смысл человеческого существования» (с. 337).

Масштабный социально-исторический анализ условий и обстоятельств жизни в блокадном Ленинграде в сочетании с философскими рассуждениями автора о природе добра и зла, о способности сохранять человеческое достоинство и проявлять гуманизм в условиях нечеловеческих испытаний выделяют монографию Джеффри Хасса на фоне других иностранных исследований Великой Отечественной войны.

Бельски Н.
ВСТРЕЧИ ЭВАКУИРОВАННЫХ В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)

Belsky N. Evacuee encounters on the Soviet home front during the Second World War. – Abingdon, Oxfordshire: Routledge, 2024. – XII, 212 p.

Монография Натали Бельски (Университет Миннесоты, США) «Встречи эвакуированных в советском тылу во время Второй мировой войны» посвящена эвакуации населения из прифронтовых районов СССР в Среднюю Азию и другие регионы страны после начала Великой Отечественной войны. Цель представленного в книге исследования – показать социокультурное столкновение эвакуированных с местными жителями, ежедневно происходившее в течение всей войны.

Автора интересует, как тяжелые условия жизни эвакуированных повлияли на их гражданскую идентичность и представления о Советском Союзе, сформированные под влиянием советской пропаганды. В основу подобного ракурса исследования легли дневники людей, которым пришлось отправиться в эвакуацию в среднеазиатские республики и другие регионы СССР.

Книга состоит из введения, шести глав и заключения. Главы посвящены различным аспектам жизни эвакуированного населения, в рамках которых ему чаще всего приходилось взаимодействовать с местными властями и жителями: транспортировке и расселению на новом месте, трудовой занятости и социальным гарантиям, размещению детей, эвакуированных без взрослых, межнациональным отношениям.

Несмотря на послевоенные публикации, восхвалявшие роль коммунистической партии в организованном перемещении огромного числа людей, проведенное исследование показывает, что на

практике процесс не был отлажен, а эвакуированные сталкивались со множеством сложностей, прежде всего с классовыми различиями, так как чаще всего городские жители эвакуировались в сельскую местность. Другой причиной выступали культурные различия, в частности, наблюдались всплески антисемитизма, когда евреев обвиняли во всех проблемах, связанных с трудностями жизни в тылу (с. 10). По мнению автора, план эвакуации населения не был проработан, поскольку Советский Союз готовился к наступательной, а не оборонительной войне.

Помимо сохранения предприятий западных регионов советское руководство посредством эвакуации решало еще одну задачу – продолжение «внутренней колонизации», считает автор. Это стало возможным благодаря эвакуированным специалистам, которых насильно заставляли работать на новом месте, «поднимая» тем самым местную экономику. В то же время эвакуированные ожидали от государства соблюдения своих прав, гарантированных Конституцией: требовали оказать им материальную помощь и обеспечить всем необходимым для жизни. Таким образом, эвакуация в военное время поставила ребром вопрос о правах и обязанностях советского гражданина.

Во введении автор сочла необходимым объяснить использование некоторых терминов. В частности, она оговаривается, что в категорию «советских эвакуированных» не входят депортированные во время Великой Отечественной войны народы (крымские татары, немцы Поволжья и др.). Рассказывая о самом термине «эвакуированный», автор подчеркивает, что в монографии он не имеет отрицательной коннотации, а используется в соответствии с советским понятийным аппаратом военного времени. Это официальное наименование создавало видимость активной деятельности властей.

В первой главе книги рассматривается процесс переезда людей на новое место жительства в первые месяцы войны. Краткая справка о созданных координационных органах дает представление о попытках государства контролировать ситуацию. Все эвакуируемые отправлялись в один из пяти городов (Иваново, Тамбов, Пензу, Поворино или Сталинград), после чего уже местные власти решали, куда население будет распределено дальше. Также была организована сеть эвакуационных пунктов, где люди ожидали отправления на постоянное место жительства. В таких пунктах предоставлялось питание, проводились медицинские осмотры и оказывалась медицинская помощь больным.

По прибытии в регион назначения эвакуированные расселились по его территории. Когда города переполнялись, людей распределяли по сельским поселениям. Местные не спешили решать проблемы приезжих, часто они даже не знали, кого именно к ним направили. Эвакуированные со своей стороны нередко пренебрегали предписанием властей и переезжали в другие регионы для воссоединения с семьей или в поисках лучших условий жизни. Некоторые требовали расселения исключительно в городах. В результате точно определить, кто где находится, не представлялось возможным. Такая ситуация усугублялась давлением на местные ресурсы и инфраструктуру, что также обостряло отношения между принимающими органами власти, местными жителями и эвакуированными (с. 12).

В своем исследовании Н. Бельски в основном фокусируется на проблемах эвакуации в Среднюю Азию. Она отмечает, что многие эвакуированные оставались на территории Казахстана, так и не достигнув желаемого пункта назначения – Ташкента. По этой причине города на южной границе республики – Алма-Ата и Джамбул (сейчас Тараз) – были переполнены приезжими. Местные органы власти не хотели заниматься их распределением внутри региона и перенаправляли эшелоны в другие части страны. Это приводило к тому, что многие люди месяцами переезжали из одного эвакуопункта в другой, так и не найдя себе постоянного места жительства. Ситуация осложнялась и самовольными передвижениями эвакуированных.

Во второй и третьей главах рассматривается, как на новом месте решался вопрос с жильем и работой для приезжих. И хотя у государства были амбициозные планы по обеспечению эвакуированных и тем и другим, многое так и не было реализовано. Многие считали свой переезд на восток временным и надеялись на возвращение домой после окончания войны. Однако декрет Совнаркома, подписанный в феврале 1942 г., постановил заменить оставленное ими жилье на новое в районах эвакуации, что, по мнению автора, навсегда лишало эвакуированных возможности вернуться (с. 33). Поскольку региональные власти не спешили отстраивать новые жилые площади, новоприбывших часто размещали непосредственно в домах или квартирах местных жителей, что порождало конфликтные ситуации. Автор обращает внимание на письменные жалобы эвакуированных, в которых они требовали уважать их право на приличное жилье.

Особенностью расселения эвакуированных в Казахстане было предоставление им скота и участков земли для закрепления в

колхозах. Такой подход позволял государству заселить большие неосвоенные территории и использовать их сельскохозяйственный потенциал.

Что касается занятости, то она поднимала проблемы как полезности граждан для страны, так и соотношения индивидуализма и коллективизма в советском обществе. Ожидалось, что эвакуированные немедленно приступят к работе после своего устройства на новом месте и это поможет им не только содержать себя, но и вносить вклад в местную экономику и помогать фронту. Прибывшие в Казахстан должны были передать свой трудовой опыт, работая на местных сельских и промышленных предприятиях. Однако реализации этих планов препятствовали культурные различия: часто в принимающих колхозах не говорили на русском языке.

Сами эвакуированные утверждали, что хотят приносить пользу государству, однако плохие условия проживания и ограниченные варианты трудоустройства сделали их «непродуктивными членами общества» (с. 87). Многие настолько плохо переживали переезд, что предпочли бы отправиться на фронт и принести пользу там, чем сидеть без дела в тылу. При этом местные власти относились к подобным требованиям как к беспочвенным жалобам, продиктованным нежеланием приезжих работать в колхозах. Таким образом, мотивы трудоустройства эвакуированных и ожидания от его результатов сильно отличались от целей местных властей и высшего партийного руководства.

В четвертой главе раскрывается проблема обеспечения эвакуированных продуктами питания и товарами первой необходимости, которая породила бартерные отношения в районах переселения. Отдельное внимание автор уделяет эвакуированным из Ленинграда, в своих обращениях к властям они требовали к себе особого отношения, как к людям, принесшим на войне большие жертвы. Несмотря на то что государство стремилось обеспечить эвакуированных всем необходимым, первые же поставки, например зимних вещей, не дошли до адресатов, «потерявшись» на промежуточных пунктах.

Цены в районах переселения стремительно росли, в чем местные обвиняли эвакуированных. Это вынуждало последних выходить на черный рынок, где коренное население активно пользовалось их социальной уязвимостью. В рамках бартера эвакуированные чаще всего обменивали одежду на еду. Так, в Восточном Казахстане ведро картошки можно было «купить» за байковое одеяло или новое женское платье. По мнению автора, формирование бартерных

отношений свидетельствовало о растущей независимости населения от государства.

Другим признаком способности эвакуированных выживать вне официальных предписаний были добровольные группы (например, женские советы), которые контролировали условия проживания приезжих и следили за распределением материальной поддержки. Со временем такую помощь стали получать только семьи бойцов Красной армии и жертвы блокады Ленинграда. Таким образом, власть выстраивала иерархию эвакуированных, основанную на военных заслугах, страданиях и потерях.

В пятой главе рассматриваются условия, в которых жили дети, разлученные с родителями или отправившиеся в эвакуацию с детскими учреждениями (летними лагерями, школами, детскими домами и т.п.). Такие дети считались самыми невинными жертвами нацистского террора. Для них государство инициировало социальную программу по поиску приемных семей. За каждого такого ребенка семье ежемесячно выделялось по 50 руб.

Газета «Правда» регулярно публиковала пропагандистские статьи, где подробно описывались эмоциональные встречи сирот с приемными родителями. Вдохновившись этими примерами, многие люди решились принять в семью чужого ребенка. По разным оценкам, за время войны новый дом обрели от 350 до 600 тыс. детей (с. 141).

В среднеазиатских республиках СССР местные семьи охотно брали детей разных национальностей. По мнению автора, они делали это, чтобы показать свою лояльность Советскому Союзу, поскольку такой поступок расценивался как образец проявления «дружбы народов». При этом усыновленные дети нередко выучивали местный язык и даже получали новые имена, тем самым фактически приобретая и новую этническую идентичность. Тем не менее кампания по усыновлению сирот сплотила население советского тыла и мобилизовала его на борьбу за будущее этих детей.

Шестая глава монографии посвящена сложностям и предрассудкам, с которыми приходилось сталкиваться еврейским семьям, попавшим в эвакуацию. Доля евреев в общей численности эвакуированных составляла около 6%, но в отдельных регионах еврейское происхождение имел каждый третий приезжий. Первой реакцией местных было удивление и любопытство, но в дальнейшем, с ухудшением условий жизни в эвакуации, это быстро переросло в ненависть. Наиболее ярко она проявлялась в отношениях между детьми и подростками. Многие бывшие в эвакуации евреи впоследствии

вспоминали этот период своей жизни как время, оказавшее очень сильное влияние на их дальнейшую жизнь.

Анализируя эго-документы, автор приходит к выводу, что антисемитизм был следствием общего настроения местного населения против эвакуированных. Безусловно, эвакуация спасла советских евреев от страшной участи, однако жизнь в тылу оставила неизгладимый след в их душе и заставила по-другому взглянуть на свою советскую идентичность.

В заключение Н. Бельски подчеркивает, что ее работа не имеет целью умаление вклада населения восточных районов СССР (как местного, так и эвакуированного) в победу над нацистами. Скорее она призвана показать, что происходившие в тылу социальные процессы были гораздо сложнее, чем традиционно представляется. Главный вывод, который делает автор, заключается в том, что многие люди, пережившие эвакуацию во время Великой Отечественной войны, переосмыслили свое место в советском обществе, а также свое отношение к советским ценностям и советской системе в целом (с. 185).

Д.В. Петрухина

А.В. Апанасенюк

**КАК «ЧУЖАЯ» ВОЙНА СТАЛА «СВОЕЙ»
Рец. на кн.: ДЭВИС В. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ВЛИЯНИЕ
И НАСЛЕДИЕ БОРЬБЫ ЗА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ**

Davis V. Central Asia in World War Two: the impact and legacy of fighting for the Soviet Union. – London: Bloomsbury, 2023. – 387 p.

Ход и итоги Второй мировой войны серьезно отразились на жизни практически всех частей земного шара. Несмотря на это обстоятельство, историография величайшего в истории человечества конфликта преимущественно концентрируется на территориях, ставших ареной главных столкновений. За восемь десятилетий, прошедших после победы над нацизмом, историками из разных стран было написано огромное количество книг о событиях 1939–1945 гг., однако лишь немногие из них обстоятельно освещают влияние войны на макрорегионы, избежавшие боевых действий. Ярким примером дефицита исследовательского внимания выступает Центральная Азия. Пять ее республик (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан), входивших в состав СССР, дали стране около четырех миллионов бойцов, огромное количество ресурсов и продовольствия, стали прибежищем для множества эвакуированных советских граждан и предприятий во время Великой Отечественной войны. За несколько сложнейших лет регион сильно изменился в социокультурном смысле, однако эти изменения, как и вклад центральноазиатских республик в общую победу, длительное время находились на периферии научных изысканий как в нашей стране, так и за рубежом. Тематика такого рода периодически затрагивалась на уровне небольших статей в общесоюзных энциклопедических изданиях и сборниках. В самой Центральной Азии поздние и постсоветские периоды вышло

несколько отдельных трудов, имеющих довольно узкую тематическую направленность и призванных отразить боевые заслуги местных уроженцев¹. Что касается западной историографии, то ее представителей эта часть мира долгое время интересовала прежде всего как часть древнего Шелкового пути. Новейшая история региона и тем более его история военных лет как для исследователей, так и читателей на Западе в значительной степени оставалась *terra incognita*.

Восполнить указанный пробел попыталась британская исследовательница Вики Дэвис. В 2023 г. издательство «Блумсбери» выпустило ее книгу *Central Asia in World War Two: The Impact and Legacy of Fighting for the Soviet Union* («Центральная Азия во Второй мировой войне: влияние и наследие борьбы за Советский Союз»). Автор известна как независимый историк, писательница и лингвист. Получив докторскую степень по социальной истории России в Университетском колледже Лондона, она много путешествовала по республикам бывшего Советского Союза. Научные интересы Дэвис длительное время были сосредоточены на особенностях пропаганды военного времени, устных воспоминаниях о Второй мировой войне, а также политизации мемориальных практик. Этим проблемам посвящен ее наиболее известный до выхода рецензируемой книги труд².

Новая книга В. Дэвис – попытка показать вклад пяти центральноазиатских республик в победу Советского Союза над нацистской Германией, а также долгосрочные последствия для них от событий военных лет. Здесь последовательно (в четырех частях) рассматривается непосредственное участие жителей Центральной Азии в военных операциях, особенности жизни центральноазиатского тыла, история массового переселения сюда советских граждан из западных частей страны (как эвакуированных, так и депортированных), а также значительное социокультурное наследие войны, ставшее очевидным уже в 1940-е годы и дающее знать о себе вплоть до настоящего времени. Труд имеет все основания называться антропологически ориентированным: здесь использованы персональные истории более трехсот уроженцев Центральной Азии, а также тех, кто вынужденно оказался в этом регионе. Как отмечает сама Дэвис, это «история людей, уходивших на фронт и принимавших

---

¹ См., напр.: *Керимбаев С.К.* Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – 2-е изд., испр. и доп. – Фрунзе: Илим, 1985. – 316 с.; *Есеналиев Б.З.* Женишке данк = Слава победе. – Бишкек: Кутаалам, 2015.

² *Davis V.* Myth making in the Soviet Union and modern Russia: remembering World War II in Brezhnev's hero city. – London: Bloomsbury, 2017. – XII, 351 p.: ill.

эвакуируемых» (с. 12). Наличие большого пласта биографических сведений о «простых» людях дает автору возможность называть свою книгу «социальной историей» соответствующего периода.

Для анализа названных выше проблем британская исследовательница собрала значительный массив архивных данных (их основу составили материалы Государственного архива Иссык-Куля в Кыргызстане), опубликованных документов официального происхождения, газетных статей 1941–1945 гг. (как из общесоюзных, так и из местных изданий), мемуаров, а также художественных фильмов и книг (последние рассматриваются как отражение культурного эффекта событий военных лет). Кроме того, обратившись к уже не раз апробированному ею методу устной истории, в течение четырех лет (2017–2021 гг.) Дэвис собрала некоторое количество сведений о жизни населения Центральной Азии в ходе интервью с местными ветеранами и их родными. Например, сразу несколько сюжетов книги иллюстрирует персональная история киргиза Джумабека Рахманова, прошедшего войну в рядах Красной армии, после ее завершения ставшего школьным учителем, а затем и партийным функционером (с его семьей автор, по ее признанию, общалась много раз). Впрочем, в отличие от предыдущего труда Дэвис, посвященного военному «мифотворчеству», устные воспоминания в рецензируемой книге служат скорее дополнением к архивным данным, оживляя те или иные сюжеты колоритными (а порой и неожиданными) деталями.

Внешне издание производит приятное впечатление. Труд добротнo оформлен с точки зрения дизайнера и полиграфии: яркая обложка с изображением молодого солдата и двух провожающих его пожилых людей азиатской внешности сразу привлекает внимание. Здесь присутствуют географический и алфавитный указатели, глоссарий, две географические карты. Книгу украшает множество фотографий военных лет, взятых из государственных и семейных архивов, а также современных (запечатлевших памятники, мемориалы и т.п.), сделанных автором.

Говоря о содержании, прежде всего следует обратить внимание на масштаб авторского замысла. Осмыслить опыт людей, проживавших в первой половине 1940-х годов на огромной территории от Каспийского моря до монгольской границы, от Сибири до Афганистана – трудная задача. Очевидно, даже в силу географического положения жители разных областей макрорегиона должны были смотреть на войну по-разному. Во время Сталинградской битвы жители западной части Казахской ССР ощущали непосредственную близость фронта и силу вражеских атак, направленных

на дезорганизацию советского тыла. «Всего 500 километров отделяли Сталинград от западного Казахстана, который все больше подвергался нападениям немцев. В 1942 г. над людьми нависла угроза со стороны немецких бомбардировщиков, из-за чего война для некоторых стала намного ближе к дому», – пишет Дэвис (с. 45). С другой стороны, их сограждане из отдаленных городков и сел у подножия гор Тянь-Шаня, отделявших СССР от Китая, с трудом добивались каких-либо новостей с фронта, поскольку информация не только задерживалась, но и пропускалась через фильтр государственной цензуры. Однако объединяющих факторов было немало. Всем республикам пришлось стать своеобразной «базой» для обеспечения военных операций на передовой: прилагать усилия по мобилизации бойцов и рабочей силы, создавать инфраструктуру для поддержки сражающейся армии, принимать массы людей, перемещенных из европейской части СССР, запускать эвакуированные заводы. Центральную Азию, по мысли автора, объединяло также то, что она была периферией страны, где сохранялись элементы «колониального» отношения русских к коренному населению.

Сложностям в преодолении такого рода культурных пережитков эпохи Российской империи в значительной мере посвящена первая часть книги, повествующая о непосредственном участии жителей Центральной Азии в боевых действиях. Здесь автор характеризует опыт солдат, призванных из Казахстана, Узбекистана и Киргизии (о призыве мужчин из Таджикистана и Туркмении Дэвис также сообщает, однако не развивает этой сюжетной линии). Экстремальность этого опыта была связана с тем, что, преодолев расстояния, которые ранее им трудно было даже представить, жители региона зачастую попадали на передовую не только без базовых физических или технических навыков, но даже без элементарной языковой подготовки. «Эти наивные молодые люди с небольшим школьным образованием поначалу были плохо подготовлены к ведению современной войны, с трудом понимали приказы... Они были совершенно не в своей тарелке, живя и сражаясь среди людей совершенно другой культуры, которые часто считали их чужаками», – отмечает исследовательница (с. 42). Она рисует картину сложного положения выходцев с востока, предопределенного дефицитом образования и плохим знанием русского языка. Столкнувшись с пугающим, жестоким военным конфликтом (причины которого были понятны далеко не всем) и плохо замаскированными стереотипами о «диких» жителях Центральной Азии, распространёнными в советской армии, эти солдаты не всегда могли найти

общий язык с военными «товарищами» славянского происхождения. «Центрально-азиаты, как правило, были более тихими и обходительными, чем русские военные, держась особняком в небольших этнических и языковых группах. Они были явно деморализованы суровыми погодными условиями на фронте, в то время как их плохой русский язык препятствовал интеграции и приводил к обвинениям в отсталости – недостатках, в которых они определенно не были виноваты», говорится в книге (с. 65). Впрочем, есть здесь и сюжеты, повествующие о попытках поднять боевой дух солдат из Азии. Один из них посвящен тиражированию в войсках истории о подвиге панфиловцев («Панфиловская» стрелковая дивизия, как известно, была сформирована в Алма-Ате и Фрунзе), призванной продемонстрировать значительную роль бойцов из центральноазиатских республик в защите Москвы и повысить их мотивацию (с. 45).

Разбирая проблемы, связанные с присутствием на фронте миллионов представителей Центральной Азии, Дэвис обращается к некоторым табуированным в советское время темам. Например, она пишет о судьбах азиатских военнопленных, отношение к которым со стороны вооружившихся расовыми теориями немцев было даже хуже, чем к славянам (с. 61–63). Есть в первой части книги и материалы о коллаборационизме, в том числе создании в 1942 г. так называемого Туркестанского батальона из пленных узбеков (с. 64–66). Интересен и сюжет о присутствии на фронтах женщин из Центральной Азии. Здесь автор обращает внимание читателей на проблему неготовности воспитанных в традициях ислама мужчин отпускать в дальние поездки (пусть даже в роли медперсонала) представительниц слабого пола. В работе приводятся сведения, согласно которым из 5 тыс. женщин, отправившихся из Казахстана в зону боевых действий, большинство были славянского происхождения (с. 54). Наконец, Дэвис рассматривает и судьбу вернувшихся с фронта центральноазиатских солдат (таковых, по ее данным, оказалось порядка 60% от числа ушедших). Автор замечает, что эти люди, прошедшие социализацию в интернациональной армии, в дальнейшем стали той социальной прослойкой, которая обеспечивала интеграцию центральноазиатского социума в советское общество и общение с союзным центром «на равных» (с. 74).

Истории военных, несмотря на всю их важность, все-таки не являются основной темой для В. Дэвис. Вторая и третья части ее книги посвящены жизни самой Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны. Здесь описываются переживания тех, кто остался дома: семей, лишенных своих основных кормильцев; женщин и детей, под давлением суровых обстоятельств взятых

за нетрадиционную (а порой и непосильную) для них работу. С другой стороны, характеризуется функционирование местных органов государственного аппарата, организация патриотической пропаганды, изменение облика среднеазиатских городов, столкнувшихся с проблемой перенаселения из-за прибывающих эвакуированных (здесь особенно интересны описания Ташкента), а также заселение некогда пустовавших провинций, куда неожиданно прибыли депортированные общины вызвавших у центральных властей подозрения этносов. В монографии представлена картина жизни огромного региона, работающего на войну, но при этом очень слабо информированного о том, как идут боевые действия. «Поскольку новости с запада стали невыносимыми, публиковалось очень мало, и в первые месяцы большая часть первой полосы была посвящена репортажам из провинций... В 1942 году было выпущено очень мало изданий – либо из-за серьезной нехватки бумаги, либо потому, что государство не хотело, чтобы читатели узнали об истинном ходе войны и военных неудачах Красной армии», пишет по этому поводу Дэвис (с. 188).

Концентрация автора на личном опыте «простых» людей определила наличие во втором и третьем разделах книги большого количества драматических и даже трогательных примеров того, как неожиданно сильно менялся жизненный путь людей, попавших в водоворот околвоенных событий. Так, производит большое впечатление сюжет о ленинградской девочке Ане Сауше, после нескольких этапов эвакуации оказавшейся в Киргизии. Поиски девочки ее родными растянулись на годы, а когда они все-таки увенчались успехом, повзрослевшая Анна отказалась расставаться со своей новой семьей в Иссык-Куле и возвращаться в родной город (с. 254–256).

Впрочем, стратегия британской исследовательницы по привлечению внимания к персональному опыту во время Великой Отечественной войны не мешает ей указывать на значимые социальные последствия обусловленных мировым конфликтом событий. Дэвис постоянно подчеркивает, что четыре года войны сделали больше для интеграции жителей региона в общесоветский социум и для модернизации центральноазиатских республик, чем два предыдущие десятилетия существования здесь советской власти. Ускоренное изучение русского языка в условиях военного времени; повышение уровня технических знаний благодаря работе на фабриках, эвакуированных в Ташкент и Алма-Ату; непосредственный контакт с русской культурой и ее представителями; наконец, внезапное и вынужденное (под давлением обстоятельств) изменение социальной роли женщин – все это

заложило основы для социокультурной эволюции макрорегиона как в военные годы, так и в последующий период. «Познакомившись с армией и славянской культурой, привнесенной эвакуированными, население Центральной Азии стало более космополитичным с точки зрения мировоззрения... Более высокий уровень образования, обусловленный кампанией по модернизации, открыл больше возможностей. К концу Второй мировой войны население Центральной Азии было лучше интегрировано в советское общество», отмечает по этому поводу историк (с. 212). Проведенный автором анализ влияния (прямого и опосредованного) советской политики военного времени на среднеазиатское общество напоминает сюжеты книг таких известных авторов, как Шейла Фицпатрик или Дэвид Л. Хоффман, развивавших концепцию социальной модернизации «сверху вниз» применительно к советскому прошлому.

Последняя часть монографии посвящена «наследию» – духовному и материальному – Великой Отечественной войны в жизни центральноазиатских республик. Здесь автор показывает, как война, в момент своего начала воспринимавшаяся большинством населения как «чужая», постепенно превратилась в «свою» и стала существенной частью коллективной памяти. Дэвис анализирует содержание центральноазиатской художественной литературы и кинематографии, говорит о военных мемориалах и отдельных памятниках, разбирает особенности освещения военной истории в учебниках центральноазиатских республик, а также празднования здесь Дня Победы. Соответствие «воспоминаний» о событиях 1941–1945 гг. в макрорегионе общесоветским и российским традициям, по утверждению Дэвис, в значительной степени определяется уровнем актуальных политических и культурных связей тех или иных республик с Россией. В то же время автор демонстрирует, что вне зависимости от политической конъюнктуры война остается важной частью исторического опыта для миллионов жителей Центральной Азии, у которых «нет очевидного желания изгонять призраков героев-панфиловцев» из своей культуры (с. 359).

Вышесказанное дает возможность охарактеризовать книгу Вики Дэвис как несомненно заслуживающую внимания читателей, интересующихся влиянием Великой Отечественной войны на советское общество или же просто прошлым Центральной Азии. Стоит, однако, обратить внимание и на некоторые особенности работы британской исследовательницы, заставляющие относиться к ней с долей критицизма.

Прежде всего нужно отметить, что, несмотря на амбициозную цель и значительный объем, монография не дает законченной

картины событий и процессов, имевших место в Центральной Азии в военное время. И дело тут не только в невозможности «объять необъятное», но и в явном дисбалансе используемой автором источниковой базы. Как уже было сказано, архивные материалы, положенные в основу исследования, почерпнуты Дэвис из Государственного архива области Иссык-Куль Республики Кыргызстан. Соответственно, наиболее полные исторические сведения автором даются именно по этой части Центральной Азии. Автор не отрицает вытекающей из такого подхода неравномерности в исследовании прошлого разных республик, хотя и пытается ее оправдать. «Если большая часть этой работы посвящена Кыргызстану, то это благодаря богатству исторических материалов, спрятанных в архивах Иссык-Куля: по сути, это чистое золото! Опираясь на ранее неизвестные архивные документы, эта работа раскрывает истинные последствия войны в Центральной Азии», пишет она (с. 11). Заметно меньше информации в книге по Казахстану и Узбекистану, еще меньше – по Туркмении и Таджикистану. Соответственно, читатель, который хотел бы больше узнать о военном прошлом последних названных республик, будет разочарован.

Российскому читателю может показаться одиозным скептический взгляд В. Дэвис на природу и сущность советской государственности. Она придерживается распространенной на Западе идеи, согласно которой СССР фактически был империей, в рамках которой центр эксплуатировал окраины. Центральная Азия рассматривается в качестве огромной «колонии», хотя автор и признает, что такое положение вещей не помешало ей совершить большой рывок на пути модернизации именно в советский период. В книге ощущается и влияние довольно однобокой «тоталитарной» концепции осмысления советского прошлого: периодически здесь встречаются довольно резкие фразы о СССР как стране, «которая не заботилась о человеческой цене победы» (с. 8) и которая в сталинский период проводила «этнические чистки», носившие «геноцидный характер» (с. 307).

Что же можно сказать в итоге? Перед нами интересный, содержательный, но далеко не исчерпывающий труд. С некоторыми авторскими формулировками, подходами и выводами можно поспорить. При этом надо признать, что Вики Дэвис в какой-то мере заполнила очевидную лакуну в истории Центральной Азии, а также внесла свою лепту в понимание того, как масштабная борьба с нацизмом повлияла на жителей Советского Союза, находившихся далеко от фронта.

Роджерс Дж.
**ЕДИНСТВЕННЫЙ УЦЕЛЕВШИЙ ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМ
В СТАЛИНГРАДЕ: «РУССКИЙ КОММЕНТАРИЙ»
АЛЕКСАНДРА ВЕРТА НА ВВС ВО ВРЕМЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Rodgers J. A single wooden house standing in Stalingrad: Alexander Werth's «Russian Commentary» on the BBC during the Second World War // Historical journal of film, radio and television. – 2024. – Vol. 44, N 3. – P. 609–623.

В статье Джеймса Роджерса (Лондонский университет) анализируется деятельность английского корреспондента Александра Верта, освещавшего в радиопередачах «Русский комментарий» жизнь в Советском Союзе во время Второй мировой войны. В центре внимания автора особенности репортажей Верта, его восприятие советских реалий, а также оценка работы корреспондента в контексте политической и пропагандистской ситуации эпохи. Роджерс рассматривает его отчеты в качестве продукта своего времени. Параллельно исследователь пытается понять, какую роль они сыграли в формировании западных представлений о СССР, а также вклад Александра Верта в развитие военной журналистики и ее идеалов.

Во введении исследователь поднимает вопросы о роли радио в пропаганде военного времени. Автор статьи отмечает, что после прихода к власти большевиков границы Советской России были почти полностью закрыты для иностранных журналистов: «Жизнь иностранных корреспондентов в Советской России никогда не была легкой. Британские и американские репортеры, в частности, были непопулярны за то, что их правительства и издания горячо надеялись на смерть советского режима при рождении. Они под-

держивали противоположную сторону в гражданской войне, последовавшей за захватом власти большевиками в 1917 г.» (с. 610). Однако, по его мнению, ситуация резко изменилась после начала Великой Отечественной войны, и установление союза между Лондоном, Москвой и Вашингтоном открыло возможности для репортажей из СССР.

Кандидатура Верта не была идеальным решением для ВВС, однако журналисту удалось создать образ СССР во время войны, удерживая баланс между личными взглядами, политическими требованиями и профессиональной задачей донести правду о страданиях и победах советского народа. В этом контексте исследователь отмечает, что «взаимодействие Верта с людьми – “трудными детьми”, которых он, по его словам, так хорошо знает, – пожалуй, самая сильная сторона “Русского комментария”» (с. 612). Такой личностный аспект, как вера Верта в искренность и стойкость советских граждан, становится ядром его репортажей и позволяет ему создавать живые, эмоциональные картины войны.

Роджерс подробно анализирует журналистские методы Верта, его способность соединять подробные описания с личными историями: «выбрать детали и людей, которые могли бы помочь ему рассказать историю» (с. 614). Например, он цитирует отрывок, где репортер приводит слова солдата, готового «пустить себе пулю в лоб, чем терпеть это» (с. 615), чтобы подчеркнуть психологический груз войны. По словам автора, такой подход помогает вызвать у слушателей ощущение общего страдания и героизма, а также сочувствие к советским людям, переживающим тяжелые бои. Как показывает исследователь, Александру Верту удается выстроить своеобразный мост между советской и английской реальностью. Он использует сравнения, понятные западным аудиториям, например описывая разрушенный Сталинград (с. 615).

Особенно важной темой статьи является субъективность и искажение восприятия. Как отмечает Роджерс, «Советский Союз времен войны, который видел Верт, был тем, о котором слышала аудитория ВВС [...] И Советский Союз, который увидел Верт, был, в свою очередь, тем, который он хотел увидеть» (с. 619). Несмотря на то что его семья бежала из России, когда к власти пришли большевики, Верт, «очевидно, отчаянно хотел верить в благородные и демократические намерения режима» (с. 619). В этом контексте автор подробно рассматривает личные истории советских граждан, которые Верт использовал, чтобы укоренить образ народа, жертвующего ради общего дела.

Александра Верта особенно интересовало изображение разрушений и человеческих страданий. Через описания разрушенного Сталинграда он показывает масштаб трагедии. В материале Верта присутствует сравнение Сталинграда с разрушениями в британских и других городах, подвергшихся бомбардировкам, что помогает западному слушателю соприкоснуться с ужасами войны в личных ощущениях. Он использует такие образы, как руины и обломки техники, чтобы вызвать ощущение масштаба разрушений: «сотни немецких грузовиков и других транспортных средств», ныне брошенных побежденным агрессором» (с. 615). Роджерс отмечает, что этот рассказ не только показывает катастрофические последствия войны, но и формирует образ народа, которому пришлось пройти через непостижимые страдания ради победы.

Верт придает большое значение тому, чтобы показать советских людей не только как жертв, но и как героев, способных на смелые поступки. Он рассказывал о молодых рабочих: «Они любят жизнь, любят театры и танцы, но при этом на сто процентов участвуют в войне» (цит. по: с. 613). Такой портрет помогает западной аудитории увидеть живой образ советского народа, стремящегося к победе и миру. Верт успешно использует конкретные истории об отдельном человеке, чтобы подчеркнуть, что советский народ – не безликая масса, а сложный, эмоциональный и героический коллектив. Например, рассказ о работнице Ольге и ее двух погибших братьях показывает широкую картину, где личные трагедии вплетаются в общую судьбу страны. Это помогает сузить дистанцию между советскими людьми и западным слушателем. С другой стороны, заслуживает внимания комментарий Джеймса Роджерса о сомнениях в объективности рассказов Верта о встречах с советскими гражданами: «Учитывая то, как Советы любили следить за иностранцами, посылая к ним лояльных граждан, циничный слушатель мог бы задаться вопросом, действительно ли эти встречи были чистым совпадением» (с. 614).

Впрочем, когда в 1944 г. Верт подготовил репортаж из освобожденного Майданека (он был первым корреспондентом, посетившим нацистский лагерь смерти), руководство BBC отказалось его публиковать, посчитав, что Верт стал жертвой «советской пропагандистской операции». Описание газовых камер, предназначенных для массового убийства евреев, казалось «слишком шокирующим, чтобы быть правдой» (с. 619). Несмотря на эти сложности, работы Верта имеют большую историческую ценность: «Одна из сильных сторон работ Верта сегодня, – пишет Роджерс, – заключается в том, что они дают нам представление о

том, какой была жизнь в Советском Союзе военного времени» (с. 620).

Автор статьи также отмечает, что репортажи Верта во многом отражают ожидания и надежды западного общества: «В его репортажах выражался оптимизм по поводу того, что военный союз сохранится и после окончания конфликта» (с. 620). В заключение он рассуждает об истории международной журналистики, отмечая, что «сравнение прогнозов в его [А. Верта – *Прим. реф.*] публицистике и его более взвешенных поздних работ по советской истории и политике – потенциально интересное поле для будущих исследований» (с. 620).

Е.А. Буздалина

Итон Н.

**НЕМЕЦКАЯ КРОВЬ, СЛАВЯНСКАЯ ЗЕМЛЯ:
КАК НАЦИСТСКИЙ КЁНИГСБЕРГ СТАЛ
СОВЕТСКИМ КАЛИНИНГРАДОМ
(Реферат)**

Eaton N. German blood, Slavic soil: how Nazi Königsberg became Soviet Kaliningrad. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2023. – XIII, 315 p.: ill. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).

В 2023 г. издательство Корнеллского университета в рамках знаменитой серии «Поля сражений» выпустило книгу Николь Итон «Немецкая кровь, славянская земля: как нацистский Кёнигсберг стал советским Калининградом». Труд посвящен драматической истории превращения восточного форпоста Третьего рейха в самый западный областной центр Советского Союза. Его автор, начинающая американская исследовательница, получила докторскую степень в Калифорнийском университете в Беркли, в настоящее время является адъюнкт-профессором истории в Бостонском колледже, где читает курсы по истории Российской империи, Советского Союза и стран Европы в XX в. Основные научные интересы Итон связаны с историей национализма и автократии, Второй мировой войны, а также трансграничных процессов в Центральной и Восточной Европе. «Немецкая кровь, славянская земля...» – ее первая книга.

Труд основан на солидной источниковой базе, включающей в себя материалы семи российских архивов (как центральных, так и калининградских, а также Российского государственного архива кинофотодокументов в Красногорске), пяти немецких, одного польского, одного украинского и одного американского. При этом объектами авторского внимания стали не только официальные документы,

но и антропологически емкие источники, в том числе воспоминания, письма и дневники переживших Вторую мировую войну уроженцев Кёнигсберга, советских военнослужащих, воевавших в Восточной Пруссии, а также граждан СССР, переселившихся сюда в первые послевоенные годы.

Описывая историю относительно небольшого прибалтийского региона в самый бурный период его прошлого, автор стремится нарисовать картину «апокалиптического» столкновения двух миров, явно противоположных в национальном, экономическом и, главное, идеологическом отношении. Формулируя свои задачи во введении, Итон пишет, что ее труд – попытка рассказать, как два государства последовательно стремились преобразить один и тот же город в соответствии со своими идеалами и политическими целями, а также, как местные жители в процессе этих преобразований становились сторонниками радикальных социальных трансформаций, виновниками насилия, его бенефициарами и жертвами угнетения. В книге можно найти сюжеты по истории Восточной Пруссии Нового времени, довольно обстоятельную характеристику жизни этого региона в межвоенный период и в первые годы Второй мировой войны, но основное внимание уделяется периоду с 1944 по 1948 г., когда немцы и советские люди «жили и умирали вместе, сначала при нацистской, а затем при советской власти, пытаясь осмыслить войну, которая свела их вместе» (с. 1).

Основная часть книги поделена на семь глав, расположенных в хронологическом порядке. В них последовательно прослеживаются становление и расцвет немецкого Кёнигсберга как восточного «бастиона» Германского рейха, его падение в 1944–1945 гг., когда солдаты Красной армии вошли в Восточную Пруссию и после длительной осады заняли ее административный центр, медленное возрождение города в качестве советского Калининграда в первые послевоенные годы, страницы истории трехлетнего сосуществования советского и немецкого населения, а также исход последнего с исторической родины в 1948 г.

Первая глава – «Мост и бастион» – посвящена истории Кёнигсберга до Второй мировой войны. Здесь представлен краткий обзор прошлого главного города Восточной Пруссии с момента его основания в период Средневековья до Первой мировой войны, а также более обстоятельный анализ реалий жизни родины Канта в межвоенный период. В соответствии с традициями новой культурной истории автор регулярно обращается к символической географии, уделяя значительное внимание представлениям жителей Восточной Пруссии о своем регионе, а также мифам, циркулиро-

вавшим в общественном сознании. Итон показывает, что на протяжении столетий в Кёнигсберге сосуществовали взгляды на него как на «бастيون» Германии на востоке и «мост», соединяющий Запад с Востоком. В первом случае город выступал в качестве носителя «тевтонского духа», оплота немецкой культуры и цивилизации, на который возложена священная историческая миссия защищать немецкий народ от «варварских восточных орд», во втором – как место сохранения ганзейских традиций, важная точка немецкой торговли и внешнеэкономического сотрудничества с восточными соседями. В зависимости от текущей политической обстановки на первый план выходил то один, то другой образ. После поражения Германии в Первой мировой войне и временного охлаждения здесь милитаристских настроений в Восточной Пруссии на первых порах преобладало восприятие данного региона как потенциально важного моста сотрудничества с Россией / СССР. Хотя большинство кёнигсбергских общественных деятелей и ученых были настроены антисоветски, они полагали, что национальные интересы Германии заключаются в прочном экономическом союзе с крупнейшей евразийской державой (такой союз виделся эффективным противовесом Польше). Несмотря на непринятие большевизма, местные интеллектуалы стремились укреплять соответствующие связи, для чего в 1925 г. ими даже был создан Германо-русский клуб.

С другой стороны, 1920-е и начало 1930-х годов стали временем растущего чувства неуверенности жителей Восточной Пруссии в своем будущем. Новый и неприятный для них статус региона как эксклава, с 1919 г. отрезанного от основной территории Германии Польским коридором, породил страхи относительно возможности иностранной оккупации. Удаленность от крупных промышленных центров Германии и важнейших природных ресурсов (таких, как уголь и железо) привела к ощутимому отставанию в индустриальном развитии от других регионов. Ощущение разочарования ходом «несправедливой» истории и даже некоторой обреченности автор демонстрирует, обращаясь к содержанию путеводаителя по Кёнигсбергу 1927 г. (в нем город предстает как ветшающий). Тут же показано, что на фоне распространявшихся опасений по поводу политико-административной и экономической изоляции кёнигсбержцы оказались готовы к радикальным политическим решениям проблем Веймарской республики. Серьезным симптомом радикализации общества явился антисемитизм, который, несмотря на давнюю прусскую традицию религиозной терпимости и высокую степень ассимиляции евреев Кёнигсберга,

постепенно стал заметной чертой социальной и интеллектуальной жизни города.

Переменами в общественном сознании Восточной Пруссии, ставшими очевидными во время Великой депрессии, воспользовалась Национал-социалистическая партия. В 1933 г. нацисты сумели сыграть на опасениях и страхах местного населения, добившись самого впечатляющего результата на территории Германии. В 1933 г. за сторонников А. Гитлера проголосовали 700 тыс. жителей Восточной Пруссии – абсолютное большинство в провинции. Отчасти эта победа оказалась связана с активностью местного отделения НСДАП во главе с Эрихом Кохом. Последний неустанно путешествовал по провинции, встречаясь с местными жителями, выслушивая рассказы о проблемах и создавая местные партийные ячейки. Например, за первый год своего пребывания на посту гауляйтера (1928–1929) он произнес 723 речи, а за четыре месяца после его приезда в провинцию число местных членов партии увеличилось в четыре раза (с. 38). После прихода к власти региональное руководство НСДАП предприняло значительные усилия для укрепления в Восточной Пруссии «тевтонского духа», в том числе посредством символических мер. Во второй половине 1930-х годов провинция покрылась сетью памятников «мученикам нацистской революции», а путеводитель по Кёнигсбергу 1938 г. продемонстрировал отказ от «упаднических» настроений предшествующих аналогичных изданий, характеризуя регион как «колыбель прусской культуры» и «оплот германского духа» (с. 42).

Во второй главе «Империя на Востоке» автор анализирует планы нацистского руководства по социально-экономическому укреплению Восточной Пруссии и расширению ее влияния на сопредельных территориях, а затем описывает изменение этих планов и их практическую реализацию в 1939–1943 гг. на фоне событий мировой войны. Итон показывает, что нацисты Кёнигсберга планировали превратить Восточную Пруссию в центр восточноевропейской экономики и авангард национал-социализма. Первоначальные замыслы команды Коха были связаны с развертыванием грандиозного экономического сотрудничества с СССР и образованием огромного «германо-русского региона производства и потребления» под фактическим управлением немецких технократов (с. 68). При реорганизации восточно-прусского сельского хозяйства планировалось учитывать не только традиции «прусского социализма», но и опыт советской коллективизации. При этом большевизм, формально порицаемый, на деле рассматривался представителями местных элит как промежуточная ступень на пути к новому мировому поряд-

ку. Впрочем, такие взгляды, в значительной мере шедшие вразрез с представлениями Гитлера, к концу 1930-х годов стали казаться навивными даже их сторонникам (с. 69). Накануне мировой войны «социалистические» экономические планы властей Кёнигсберга по развитию сельского хозяйства слились с берлинскими теориями о расширении «жизненного пространства» и безусловном доминировании «германства», а местные социальные практики оказались под углубляющимся влиянием расизма. Общенациональная эскалация расовой политики и перспективы надвигающейся войны заставили Коха и его последователей более строго придерживаться политики, заданной сверху. Впрочем, способность гауляйтера демонстрировать свою лояльность Гитлеру позволила ему сохранить значительную автономию в Восточной Пруссии. Этот же фактор обеспечил кёнигсбергскому руководству возможность стать самой влиятельной региональной партийной организацией в Германии и распространить свое влияние на всю Восточную Европу в военных условиях 1939–1943 гг. Нацисты Кёнигсберга утверждали, что Восточная Пруссия, как самая восточная территория Рейха, имела особую миссию служить оплотом Германии на Востоке. Действительно, в условиях войны с СССР Кёнигсберг фактически стал центром «империи на Востоке», образованной из оккупированных территорий, а управленческий аппарат этой «империи» в значительной степени был укомплектован представителями восточно-пруссского руководства. Последние выполняли свою «миссию» с беспрецедентной жестокостью, несмотря на то что Кох – рейхскомиссар оккупированной Украины с 1941 г. – никогда полностью не разделял расовую теорию (с. 74). Итон часто приводит факты практического воплощения этой теории. Например, она отмечает, что уже летом 1940 г. под контролем восточно-пруссского руководства были убиты 1548 душевнобольных поляков (с. 71), в июле–сентябре 1941 г. расстреляны более 30 тыс. евреев (с. 77), а к лету 1944 г. на подконтрольной Коху территории уничтожены более чем 1,2 млн представителей этого этноса (с. 78). Политика «кёнигсбергской группировки» на Украине и в Белоруссии, нацеленная на изъятие всех доступных ресурсов, оказалась настолько беспощадной, что вызвала недовольство даже со стороны ряда представителей Вермахта, предлагавших смягчить шедшие от Коха директивы во избежание восстаний (с. 79). Это недовольство переросло в открытые обвинения в «бандитской политике», которые стали предъявляться рейхскомиссару в условиях отступления немецкой армии. К лету 1944 г. стал очевиден не только крах «восточной империи», но и нависшая над Восточной Пруссией угроза, доказательством

чему стало бегство нацистских вождей из своих поместий, приобретенных в этом регионе в 1939–1940 гг. (с. 80).

Советское наступление на прибалтийскую Германию описано в третьей главе книги («Крушение»). Если не считать кратковременного пребывания советских войск на окраине этого региона осенью 1944 г., наступление продолжалось с января до апреля 1945 г. (Кёнигсберг был взят ровно за месяц до победы). Восточная Пруссия стала первой территорией Германии, пережившей «тотальную войну», в условиях которой руководители Кёнигсберга мобилизовали едва ли не все население на защиту границ Рейха (с. 82). На заключительном этапе войны Кёнигсберг стал одним из «городов-крепостей» Гитлера. Нацисты представляли оборону провинции вообще и ее главного города в частности не только как вопрос сохранения собственной власти, но и как попытку остановить волну «варварства», которая якобы угрожала уничтожить саму европейскую цивилизацию. При этом местные нацистские лидеры сами применяли варварские инструменты массового насилия, которые они разработали во время оккупации Советского Союза. Эти инструменты использовались теперь в отношении населения Восточной Пруссии. Так, автор описывает попытки нацистов привлечь к оборонительным мероприятиям детей, а также жестокие карательные меры в отношении тех, кто уклонялся от выполнения «патриотического долга». В книге приводятся сведения о ежедневных расстрелах сотен горожан из-за их голодных бунтов или отказа сражаться (с. 108–109). Несмотря на очевидную агонию режима, продолжалась политика Холокоста: автор описывает убийство более 7 тыс. еврейских заключенных из концентрационного лагеря Штуттгоф.

Абстрагируясь от конкретных событий 1944–1945 гг. и анализируя содержание немецкой историографии, а также мемуаров выживших выходцев из Восточной Пруссии, Итон указывает, что история гибели Восточной Пруссии традиционно описывается в трагическом ключе: прежде всего подчеркивается жертвенность простых людей, которые фактически оказались заложниками в руках нацистской партии. Безусловно признавая трагедию «простых немцев», автор в то же время указывает на необъективность многих исследований и воспоминаний. Рассказывая о жертвах в Восточной Пруссии, сосредоточиваясь только на трагедии Германии в конце войны, их авторы опускают обсуждение участия обычных граждан в нацистской военной машине, игнорируют трагедию евреев и других жертв негерманского происхождения (к которым те же немцы нередко были равнодушны). Кроме того, автор подчер-

квивает еще один важный аспект проблемы описания очевидцами событий, связанных с наступлением Красной армии на Германию. «Язык рассказов» об опыте пережитого насилия немцам не в последнюю очередь сформировала нацистская пропаганда, которая в своем стремлении мобилизовать все оставшиеся силы представляла советское наступление как нашествие бесчеловечных варваров, «превосходящее все египетские казни» (с. 113). Между тем жители Восточной Пруссии в подавляющем большинстве не знали или не хотели знать о тех преступлениях, которые совершила немецкая армия в СССР (с. 114).

Трагическим эпизодам, сопровождавшим наступление советских сил в окрестности Кёнигсберга, посвящена четвертая глава книги – «Освобождение и месть». Здесь речь идет о насилии военнослужащих в отношении гражданского населения, а также попытках ограничить его «сверху». Указывая на широкое распространение насильственных действий против немецких женщин, а также изъятие немецкого имущества, Итон подчеркивает, что Восточная Пруссия стала первой германской территорией, на которую Красная армия вошла во время войны, а потому солдаты проявили здесь наибольшее рвение в стремлении отомстить за предшествующую немецкую оккупацию. Она оговаривается, что «гнев советского солдата был обусловлен не технологическим шовинизмом или иллюзиями о расовом превосходстве, а опытом, приобретенным во время войны» (с. 116). Еще до вступления на территорию Восточной Пруссии советская пропаганда сформировала образ этого региона как «логова зверя» (с. 124) и «проклятой земли» (с. 126); в своем поведении солдаты-победители не в последнюю очередь руководствовались призывами к мести, сформулированными И. Эренбургом. Впрочем, в 1945 г. эти призывы постепенно уступили место риторике, связанной с «советским гуманизмом». По мере продвижения к Кёнигсбергу миссия СССР все более представлялась советской прессой как миссия освобождения, а не мщения (с. 136). Несмотря на то что советский интернационализм (воспринимавшийся как проявление гуманизма) периодически вступал в противоречие с проявлениями русского национализма, стремление советского руководства снизить уровень насилия было очевидно. Об этом свидетельствовала не только кампания в прессе, но и опала ранее призывавшего «убивать немцев» И. Эренбурга, а также ужесточение наказаний военнослужащих за насильственные действия в отношении гражданских лиц в апреле 1945 г. Эти обстоятельства дают автору возможность сделать вывод, что насилие, имевшее место в отношении жителей Восточной Пруссии, не было

организованной политикой руководства Советского Союза (как это порой заявляют, по словам Итон, западные историки с целью дискредитации того же СССР). Оно шло от желания «реальной, осязаемой мести своими руками» (с. 132).

Пятая глава «Город смерти» повествует о положении Кёнигсберга в первый год после окончания Великой Отечественной войны. В ней автор демонстрирует, что город и его окрестности вынуждены были существовать в условиях изоляции, фактически без финансирования и конкретных социально-экономических указаний из Москвы. Здесь был создан специальный военный округ, к руководству которого (во главе с генерал-полковником К.Н. Галицким) из-за временного отсутствия гражданской администрации перешла ответственность за налаживание мирной жизни и обеспечение условий для выживания оставшегося населения. Эта задача оказалась чрезвычайно трудной, поскольку подавляющую его часть составляли старики, женщины и дети. Сельская местность в окрестностях Кёнигсберга из-за массового бегства немцев на запад или под прикрытие городских стен в феврале–марте 1945 г. опустела, что сделало проблематичной необходимую для обеспечения продовольствием обработку земли. Большая часть Кёнигсберга из-за боевых действий была разрушена (в том числе 90% исторического центра), инфраструктура (водоснабжение, канализация, электрификация) не действовала. В условиях нехватки продовольствия и антисанитарии в городе и окрестностях начали распространяться инфекции. Тяготы жизни в таких условиях осложнялись фильтрационными мероприятиями НКВД, затянувшимися в Восточной Пруссии на более долгий срок, чем в других регионах Восточной Германии (с. 153). В апреле–июне 1945 г. оставшиеся в Кёнигсберге жители пережили интернирование, сопровождавшееся их временным выдворением из города (с. 155).

Необходимость обеспечить собственное сельскохозяйственное производство поставила перед военной администрацией задачу мобилизации трудоспособного населения. В процессе решения этой задачи в Восточной Пруссии раньше, чем в прибалтийских республиках и где-либо в Восточной Европе вообще, была проведена коллективизация. Ее результаты, однако, оказались плачевными: боевые действия и фильтрационные мероприятия весны 1945 г. не дали возможности своевременно засеять поля, отправленные из города работники часто не имели опыта земледелия, а управлявшие процессами военные не обладали необходимой экономической квалификацией. При этом регион столкнулся с катастрофической нехваткой горючего, а также техники, значительная

часть которой в 1945 г. была вывезена на «старую» территорию СССР (с. 166). Критическое положение с продовольствием в 1945–1946 гг. предопределило введение карточной системы распределения, формирование «экономики дефицита» и высокую заболеваемость (с. 162–164). Итон приводит статистику, согласно которой в октябре 1945 г. лишь 17 тыс. из 65 тыс. жителей Кёнигсберга были признаны советской администрацией годными к работе. Восточная Пруссия лидировала по смертности от болезней (особенно от тифа) в Восточной Европе. Если в апреле 1945 г. ее население составляло 150–200 тыс. человек, то к сентябрю – около 129 тыс. К ноябрю 1946 г. численность немцев в регионе составляла только 91 тыс. (с. 159).

Наиболее значительным последствием вакуума в принятии принципиальных решений относительно будущего Восточной Пруссии стала затянувшаяся неопределенность в отношении статуса населения Германии, на которое была возложена задача построения нового социалистического общества, но которое еще не было определено в качестве бенефициара этого процесса. В условиях постепенного притока в регион граждан СССР немцы стали людьми второго сорта. Решить эту проблему предстояло советской гражданской администрации, появившейся в момент образования Кёнигсбергской области 9 апреля 1946 г. Перед ней стояла задача превратить Кёнигсберг (с 4 июля – Калининград) в настоящий советский город.

Первые действия новообразованной администрации, а также проблемы сосуществования немецкого и растущего русского населения Калининградской области в 1946–1947 гг. описаны в шестой главе книги «Жизнь вместе». Итон показывает, что гражданская администрация, как прежде военная, испытывала проблемы с финансированием, однако все же стремилась решить долгосрочные задачи, связанные с построением социализма. Обещая включить в справедливое и гуманное социалистическое общество всех готовых к этому жителей бывшей Восточной Пруссии, новые власти попытались уравнивать в правах немцев и советских людей: они стандартизировали заработную плату, поставив ее в зависимость от должности, а не национальности, открыли школы с преподаванием на немецком языке, включили обслуживающие немцев больницы в советский бюджет, создали сеть детских домов для обеспечения сирот. Строительство нового общества предполагало «перевоспитание» немцев, ранее подвергавшихся нацистской пропаганде, поэтому в 1946–1947 гг. стали реализовываться программы советского просвещения. В качестве лекторов в этом случае

были привлечены немногочисленные выжившие немецкие коммунисты – уроженцы Кёнигсберга. Также был создан официальный антифашистский клуб, основана немецкоязычная газета *Neue Zeit* («Новое время»), которая освещала преступления немецкого фашизма и пропагандировала идеалы советского социализма (с. 208). С другой стороны, языковой барьер определял то обстоятельство, что направленная на немецкое население антифашистская риторика советских властей имела довольно ограниченное влияние. При этом сами немцы в большинстве случаев не испытывали желаний перейти к «советскому» образу мыслей. Несмотря на перспективу улучшения социального и экономического обеспечения, они оставались негражданами, ощущавшими нехватку прав или средств юридической защиты. Эта защита требовалась на фоне притока в Калининград русскоязычных жителей, которые по праву победителей требовали лучших условий жизни и стремились перераспределить скудные ресурсы в свою пользу. Таким образом, несмотря на растущие усилия администрации по социалистическому «перевоспитанию» немцев и очевидное неприятие советской властью идей расизма, внутренние противоречия в регионе – как идеологические, так и практические – еще больше углубили этническую пропасть между русскими и немцами.

Последняя, седьмая глава книги – «Славянская земля» – посвящена проблеме переселения оставшихся в 1947–1948 гг. в Калининградской области немцев на территорию ГДР. Анализируя причины массовой депортации, Итон указывает на необъективность современной западной (и прежде всего немецкой) историографии, традиционно связывающей этот процесс исключительно с политическим решением Москвы. Трактовку, согласно которой немецкое население три года задерживалось в Калининградской области для хозяйственного восстановления региона, а затем было перемещено на запад по изначально составленному плану, автор называет упрощенной и не отражающей важных нюансов внутренней ситуации. Она указывает, что, несмотря на поступление приказа о высылке калининградских немцев «сверху» (т.е. из Москвы), стремление к такому исходу ранее проявилось на региональном уровне. Оно оказалось предопределено неразрешенными межэтническими противоречиями. С одной стороны, попытки государства использовать язык антифашизма для реабилитации местного немецкого населения потерпели неудачу, поскольку советская власть не нашла убедительного способа объявить немцев индивидуально или коллективно «искупленными» и, следовательно, имеющими право стать советскими гражданами. С другой –

продолжающиеся материальные трудности, зимний голод 1946–1947 гг., жалобы на медленное восстановление региона со стороны советских переселенцев и столичных учреждений заставили местную администрацию искать оправдания экономическим «пробуксовкам». Эти оправдания в значительной степени оказались связаны с декларируемой неэффективностью работы немецкого населения, которое регулярно обвинялось в саботаже (с. 217). Взгляд рядовых советских граждан на немцев как на «фашистов», трудно поддававшийся корректировке, облегчил организацию кампании по выселению коренного населения. Этому выселению способствовало и распространение представления о регионе как якобы исконно славянской территории, «оккупированной» немцами в эпоху Средневековья. Тезис о том, что в 1945 г. советский солдат не только одержал победу над фашизмом, но и вернул своей стране ее «древнюю землю», стал к концу 1947 г. обычным для риторики калининградских идеологов и управленцев (с. 241). Соответственно, переселение немцев – уроженцев Восточной Пруссии на территорию «материковой» Германии в глазах советских граждан оправдывалось не только конкретными политическими, экономическими или социально-культурными причинами, но и самой исторической справедливостью.

А.В. Апанасенко

Холл К.Т.

**«ПРОЦЕССЫ ПИЛОТОВ»: В ПОИСКАХ ПРАВОСУДИЯ
ЗА АКТЫ LYNCHJUSTIZ В ОТНОШЕНИИ
АМЕРИКАНСКИХ ЛЕТЧИКОВ ВО ВРЕМЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Hall K.T. The flyer trials: seeking justice for Lynchjustiz committed against American airmen during the Second World War // War in history. – 2020. – Vol. 27, N 3. – P. 486–516.

Практика линчевания сбитых летчиков держав антигитлеровской коалиции немецким населением в годы войны как форма возмездия за опустошительные бомбардировки остается недостаточно изученным сюжетом в современной историографии. Статья, написанная Кевином Т. Холлом (Рурский университет в Бохуме, Германия), призвана осветить некоторые аспекты данной проблемы. Анализ материалов послевоенных судебных процессов против лиц, причастных к совершению насильственных действий в отношении сбитых американских летчиков, позволяет лучше понять мотивы жестокого обращения, состав участников «актов возмездия», а также выделить группы немецкого общества, проявлявшие разную степень активности в расправах над пилотами. Значительная часть населения Германии видела в англо-американских летчиках воздушных террористов, ответственных за гибель мирных жителей, и примеров проявления к ним ненависти толпы, подогреваемой нацистской пропагандой, было множество на всей территории Германии и оккупированной Европы. Однако, как считает автор, подлинный масштаб этого явления сильно недооценен.

В настоящее время среди историков общепринятой считается цифра порядка 350 судов Линча (*нем.* Lynchjustiz) на территории Германии в период с лета 1943 г. и до конца войны. При этом более

200 сбитых американских и британских летчиков могли быть убиты толпой (с. 489). Несмотря на использование очень небольшого объема архивных материалов, подкрепляющих эти цифры, на них постоянно ссылаются в исследованиях.

Австрийский историк Георг Хоффманн, последний, кто изучал проблему жестокого обращения с американскими летчиками, сбитыми над Австрией и Венгрией, выявил около 600 подобных эпизодов (включая как избиения, так и убийства). Впрочем, применительно к Германии он придерживается устоявшегося в историографии стандарта (350 случаев) (с. 490).

В целом подобные истории, по мнению К.Т. Холла, следует рассматривать как санкционированные государством, не всегда и не вполне спонтанные, акты упрощенного правосудия, осуществляемые представителями всех слоев общества. Возникновение данного феномена обусловлено самой атмосферой военного времени, размывавшей границы между функциями гражданского общества и правительственных структур (с. 491).

До мая – июня 1944 г. случаи расправ над сбитыми летчиками были относительно редким явлением. Однако в июле и августе наблюдается их стремительный рост, что, несомненно, объясняется резким увеличением количества и масштаба рейдов бомбардировщиков союзной авиации, а также радикализацией нацистской пропаганды. В условиях провозглашенной «тотальной войны» режим пытался использовать гнев немецкого населения, потворствуя судам Линча. Еще в мае 1944 г., через несколько дней после публикации в *Völkischer Beobachter* статьи Геббельса, фактически легализовавшей Lynchjustiz, канцелярией Мартина Бормана был разослан секретный циркуляр региональным лидерам нацистской партии, предписывавший не привлекать к ответственности немецких граждан за участие в подобных действиях (с. 502–504).

Начиная с августа 1944 г., командующий союзными силами в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр распорядился собирать сведения о военных преступлениях против американцев. Доклады на эту тему, поступавшие от командующих армейскими группировками, быстро превысили ожидания военных и правительственных чиновников, поскольку масштабы злодеяний нацистов прежде сильно недооценивались. При этом становилось все более очевидным, что преступления совершались не только немецкими вооруженными силами на поле боя, но в еще большем количестве немецкими гражданами в тылу, что потребовало от американского командования расширить содержание понятия «военные преступления», включив в эту категорию случаи Lynchjustiz в отношении летчиков. Впро-

чем, во время войны ни один судебный процесс по таким преступлениям не был проведен из-за страха репрессий против американских военнопленных.

Сразу после окончания войны в американской зоне оккупации начали работать 19 групп следователей. Аналогичные группы были созданы союзниками в своих оккупационных зонах. Следует отметить, пишет автор, что расследование было осложнено рядом факторов. Важнейшими среди них были недостаток квалифицированных кадров, отсутствие у немецкого населения желания сотрудничать в качестве свидетелей, а также продолжительный, как правило, промежуток времени, часто несколько лет, между фактом Lynchjustiz и началом следствия, что само по себе сильно затрудняло сбор доказательств. Кроме того, следователи также испытывали политическое давление, вызванное стремлением американской общественности быстрее предать суду военных преступников. Принимая во внимание обстоятельства, препятствовавшие расследованию, неудивительно, что немногие эпизоды Lynchjustiz были раскрыты и доведены до суда. В результате огромному большинству виновников преступлений удалось избежать ответственности. Такое заключение, полагает исследователь, можно сделать на основе свидетельств очевидцев, утверждавших, что толпа участников расправ иногда могла состоять из сотен человек, включая значительное число женщин (с. 499). Впрочем, имеются немногие документально зафиксированные случаи оказания помощи сбитым летчикам немецкими гражданами и солдатами, несмотря на то что следствием такого поступка могло стать тюремное заключение (с. 492).

Согласно материалам 164 «процессов пилотов», проведенных в 1945–1947 гг., были осуждены 464 человека. В числе установленных следствием их жертв оказались 320 американских летчиков, 73% которых были убиты (с. 497). Среди осужденных значительную по численности группу составили полицейские (17,25%), часто действовавшие по приказу партийных чиновников и агентов служб безопасности (16,81%) – сотрудников СС, СД и гестапо. Военнослужащие и гражданские чиновники составляли наименьшие по численности группы – 11,63 и 2,15%, соответственно. Более 50% осужденных в 1945–1946 гг. являлись членами нацистской партии, а в 1947 г. их число увеличилось до 74%. Это объясняется изначальной концентрацией внимания следователей прежде всего на членах нацистских организаций. Но даже при таком избирательном подходе степень вовлеченности в расправы обычных граждан (27,94% участников) нельзя недооценивать (с. 501).

Гражданские лица объясняли свое участие главным образом психологической травмой вследствие утраты близких и имущества в результате бомбардировок. Представители остальных групп оправдывали свои действия страхом наказания за неисполнение приказа. Этот аргумент был особенно популярен среди полицейских и бойцов фольксштурма. Хотя сама по себе принадлежность к пилотам союзных сил в глазах немецкой публики была более чем достаточным оправданием расправ, раса, этническая и религиозная специфика также играли определенную роль. В материалах процессов эти три аспекта упоминаются в качестве дополнительных оснований для убийства летчиков, особенно если летчик оказывался евреем (с. 506).

Из числа лиц, привлеченных к суду за участие в актах Lynchjustiz, 14% были оправданы. Количество вынесенных смертных приговоров составило 27,7%. Однако благодаря тому, что в первые годы после основания ФРГ большое число виновных получило прощение, наказание в среднем не превышало семь лет лишения свободы.

После 1946 г. раскрытие преступлений против американских летчиков сделалось мало актуальной задачей в силу начала Холодной войны и смещения интересов правительства США с наказания Германии на восстановление ее экономики и создание демократической политической системы. Уже в июле 1947 г. группа по расследованию военных преступлений (7708 War Crimes Group) была официально расформирована. Правительство основанной в 1949 г. ФРГ в свою очередь редко предпринимало усилия в этом направлении. К 1955 г., отчасти благодаря давлению различных лоббистских групп Германии и США, отчасти в силу стремления руководства Федеративной Республики побыстрее расстаться с нацистским прошлым, большинство осужденных американскими военными судами военных преступников было отпущено на свободу. Это, как отмечает автор, не только фактически освобождало немецкую общественность от ответственности за преступления нацистского режима, но и затрудняло обсуждение и, следовательно, понимание фактов Lynchjustiz. Тем самым, считает К.Т. Холл, была упущена возможность открыть глаза немецкой публике на зверства в отношении военнослужащих союзных держав (с. 495–496, 509–510).

В целом, отмечает исследователь, относительно незначительное количество приговоров и наказанных преступников в послевоенную эпоху близко по результатам деятельности трибуналов по денацификации Германии. Из примерно 3,6 млн человек, в

отношении которых была установлена принадлежность к нацистской партии (более 13 млн членов), только 9500 были приговорены к тюремному заключению. Из них только 300 человек оставались там к 1949 г. Очевидно, что после 1950 г. западные союзники явно не испытывали желания преследовать немцев, подозреваемых в военных преступлениях (с. 514).

Принятая в историографии цифра 350 англо-американских пилотов, подвергшихся жестокому обращению, с точки зрения автора, является маловероятной, принимая во внимание тот факт, что потери американских летчиков в Европе превысили 85 тыс. человек (в самой Германии – более 38 тыс.), из которых в ходе боев были убиты 32 тыс. и около 36 тыс. попали в плен. Более 20 тыс. летчиков остаются пропавшими без вести. В свете данных военно-статистического отчета США 1950 г. три тысячи случаев *Lynchjustiz* в отношении пилотов союзных держав на территории Европы, по мнению исследователя, являются вполне умеренной цифрой. Представляя собой один из атрибутов «тотальной войны», акты *Lynchjustiz* в понимании вождей Третьего рейха должны были посеять страх среди личного состава авиационных подразделений союзников (с. 513).

Разумеется, число летчиков, подвергшихся жестокому обращению, в любом случае составляет незначительное меньшинство от общего количества сбитых и захваченных в плен пилотов держав антигитлеровской коалиции. Тревогу у автора вызывает весьма заметная роль в актах насилия немецкого гражданского населения, которое разделяет равную ответственность с полицией, функционерами нацистской партии и силами безопасности. Тем не менее, несмотря на широкое прямое и косвенное участие немецкого общества в военных преступлениях, «теория общей вины» не стала доминирующей в послевоенных судебных процессах (с. 515–516).

А.Е. Медовичев

Харрисвилл Д.
ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ ВЕРМАХТ:
СОЗДАНИЕ МИФА О НЕМЕЦКОМ СОЛДАТЕ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ, 1941–1944 гг.
(Реферат)

Harrisville D.A. The virtuous Wehrmacht: crafting the myth of the German soldier on the Eastern Front, 1941–1944. – Ithaca; New York: Cornell University Press, 2021. – XII, 309 p.: ill. – (Battle-grounds: Cornell studies in military history).

В монографии приглашенного профессора Дэвида Харрисвилла (Университет Фурмана, Гринвилл, Южная Каролина, США) представлена новая интерпретация происхождения мифа о «добродетельном» Вермахте и «морально безупречном» немецком солдате. В контексте войны на Восточном фронте рассматриваются процесс формирования и основные компоненты данного феномена, а также причины его длительной популярности в послевоенном немецком обществе. Внимание автора к Восточному фронту обусловлено тем, что кампания против СССР находилась в фокусе немецкой послевоенной памяти, поскольку именно там воевала основная масса солдат Третьего рейха, и именно в войне на Востоке репутация Вермахта как цивилизованного института оказалась под наибольшей угрозой и потребовала наиболее жесткой защиты.

Впрочем, центральное место в книге занимает вопрос не о преступлениях Вермахта, которые, как отмечает автор, уже давно стали объектом внимания многих ученых, а о том, каким образом участники преступной Vernichtungskrieg, «войны на уничтожение», поддерживали представление о себе как о вполне порядочных людях, преследующих справедливые цели, и продолжали настаивать на своей невинности даже после войны. Как намерен доказать исследователь, фундаментом такого восприятия себя лично и

института армии в целом была не только нацистская идеология, но и широкий спектр моральных ценностей, традиционных для германской армии и германского общества. Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения.

Работа основана на анализе писем и дневников нижних чинов Вермахта, воевавших на различных участках Восточного фронта, главным образом во фронтовых пехотных дивизиях. Подобные тексты, как отмечает Д. Харрисвилл, обладают тем преимуществом, что отражают непосредственную реакцию их авторов на происходящие события, в отличие от послевоенных мемуаров, на качество которых могут сказываться дефекты памяти и тенденция сознательно упускать компрометирующие детали. Впрочем, и письма нельзя считать источником абсолютно достоверных данных. При их анализе необходимо учитывать такие факторы, как самоцензура и официальное цензурирование соответствующими армейскими структурами. Однако, как считают большинство исследователей, на практике воздействие фактора цензуры вряд ли было значительным, поскольку реально просматриваться могла лишь очень небольшая часть от общего гигантского количества писем. И, судя по текстам, военнослужащие обычно игнорировали цензурные правила (с. 16).

Всего автором было изучено 2018 писем и семь дневников, написанных 30 солдатами Вермахта. Преимущественно это были молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет (только троим было больше 40), из различных регионов Германии, разного образовательного уровня и вероисповедания (две трети были протестантами и одна треть католиками). В социально-профессиональном плане большинство из них могут быть отнесены к среднему классу (банковские служащие, торговцы, артисты), а часть являлась сельскохозяйственными и промышленными рабочими. По крайней мере девять из тридцати имели изначальную аффилиацию с нацистами в качестве членов НСДАП или СА.

Вторую группу источников образует широкий набор официальных документов, созданных на разных уровнях армейской иерархии. К ним относятся приказы и распоряжения командиров, рапорты священников, офицеров разведки и квартирмейстеров, а также пропагандистские материалы (газетные статьи, памфлеты и т.п.). Эти документы образуют своего рода контекст для эпистолярного материала, освещающие такие аспекты, как стратегическая, оперативная и тактическая ситуация в тот или иной момент на том или ином участке фронта, настрой местного населения, усилия армии по защите своей репутации и достижению победы в моральном противостоянии с советскими войсками.

Наконец, третья группа источников происходит из немецкого тыла. Среди них документы нацистской партии и министерства пропаганды, книги и газетные статьи, церковные документы. Эти материалы позволяют понять то, как немцы вне Вермахта воспринимали военнослужащих, а также оценить их вклад в формирование мифа (с. 13–15).

Война на Восточном фронте, отмечает Д. Харрисвилл во введении («К моральной истории Вермахта в войне на уничтожение»), отличалась от других войн Новейшего времени не только колоссальным масштабом, но и откровенно геноцидальными намерениями агрессора. Целью вторжения, как заявляли войскам нацистские лидеры, было уничтожение «еврейского большевизма» и завоевание *Lebensraum*, «жизненного пространства», для немецкого народа, который будет управлять тем, что останется после войны от славянских «недочеловеков». Несмотря на впечатляющие первоначальные успехи, кампания, в конечном счете, закончилась катастрофой для Третьего рейха. Примечательно, однако, что после ее завершения Вермахт пользовался удивительно положительной репутацией среди немецкой общественности. В отличие от гестапо и СС, армия запомнилась как институт, который вел себя порядочно, избегая участия в преступлениях нацистов и сохраняя определенную дистанцию от режима Гитлера, а солдаты – как порядочные люди и верующие христиане. Этот взгляд, который известен как «миф о Вермахте», стал доминирующим в общественной памяти Германии о Второй мировой войне. Отчасти это объясняется тем, что в ходе Нюрнбергского процесса 1945–1946 гг. благодаря юридическим формальностям международный военный трибунал отказался признать Вермахт в целом преступной организацией, в отличие от СС и гестапо. Тогда и позднее, во время специального процесса над высшим командным составом в 1948–1949 гг., только небольшая группа военных была признана виновными в военных преступлениях. Более того, в Западной Германии фигура ветерана стала весьма важным элементом политики эпохи Холодной войны, когда правительство страны осуществляло реинтеграцию возвращавшихся из Советского Союза военнопленных и при поддержке США восстанавливало свои вооруженные силы, призванные служить форпостом против коммунизма. Занимаясь реализацией этого проекта, политики – прежде всего первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр – прилагали большие усилия по очищению образа Вермахта, и движение в этом направлении активно поддерживала крикливая группа бывших генералов. Впрочем, и у общественности не было особого желания углубляться в критическое

исследование прошлого армии, которое могло открыть неприятную правду не только о ней. Поскольку добрая половина мужского населения Германии прошла службу в Вермахте, осуждение его преступных действий неизбежно означало бы осуждение немецкого общества в целом. Искаженному представлению о нем способствовало и то обстоятельство, что в читаемых широкой публикой воспоминаниях известные генералы Вермахта избегали всякого упоминания о преступлениях. Аналогичный подход прослеживается и в наиболее ранних историях Второй мировой войны, появившихся по обе стороны Атлантики, где армия изображалась как вполне аполитичная вооруженная сила, чей личный состав никогда на самом деле не был захвачен нацизмом, но, напротив, прочно придерживался традиционного военного кодекса чести.

Первые трещины в этом мифе стали появляться с конца 1960-х годов. Исследования Манфреда Мессершмидта, Кристиана Стрейта, Омера Бартова и других показали, что армия в гораздо большей степени, чем считалось ранее, была предана нацистскому режиму и пропитана нацистской идеологией. Прежние различия между Вермахтом и СС видятся все более размытыми по мере того, как в процессе изучения источников возникает облик армии, которая активно сотрудничала с СС в проведении террористической политики на оккупированной территории СССР и осуществлении геноцида восточноевропейских евреев, результатом чего была гибель более 15 млн советских граждан.

Несмотря на неопровержимые свидетельства преступного характера кампании германской армии в Советском Союзе, документы, в частности письма и дневники военнослужащих Вермахта, показывают, что типичный *Ostkämpfer* (тот, кто воевал на Восточном фронте) считал себя вполне добропорядочным человеком, сражающимся за правое дело против морально ущербного врага. Нельзя сказать, пишет Д. Харрисвилл, насколько сами военнослужащие верили в эту конструкцию, но благодаря миллиардам отправленных домой писем она, несомненно, оказала влияние на представления об армии среди германского населения (с. 21).

Очевидное несоответствие между нашим современным пониманием войны Вермахта на Востоке и самооценкой ее участников делает актуальным вопрос, какие идеи и этические нормы формировали систему ценностей германской армии накануне и в ходе войны против СССР и как они использовались для конструирования благородного «образа себя» и оправдания своего участия в *Vernichtungskrieg*. Многие историки теперь подчеркивают тот факт, что нацизм оказывал огромное влияние не только на то, как армия

действовала на фронте, но и на то, как ее личный состав расценивал свои действия. С их точки зрения, более традиционные источники моральных понятий были вытеснены из армейской культуры и заменены принципами нацистской морали. Таким образом, нацизм, по сути, признается единственной идеологической основой системы ценностей Вермахта. Между тем, как показывает Д. Харрисвилл в первой главе «Достопочтенные свои и подлые другие: система ценностей в Вермахте», она имела разные источники происхождения. И, несмотря на несомненный рост влияния нацистской идеологии, донацистские этические нормы продолжали оказывать воздействие на поведение армии.

Первым и главным среди этих источников, по мнению автора, был комплекс воинских добродетелей (любовь к нации, преданность национальным лидерам, повиновение вышестоящим военным начальникам, верность долгу, храбрость, товарищество и т.п.), являвшихся предметом гордости не только среди военных, но и в немецком обществе в целом. Все они были закреплены в кодексе чести, корни которого следует искать в традициях прусского офицерского корпуса. Особый акцент кодекс делал на честности, самоконтроле, безупречном поведении как на поле боя, так и вне его, особенно в отношении некомбатантов. Впрочем, принцип военной необходимости, интегрированный в стандартную оперативную процедуру в конце XIX в., допускал отступления от кодекса чести или международных норм, если это требовалось для достижения победы.

Важным источником формирования системы ценностей немецкой армии были нормы, в совокупности составлявшие то, что можно обозначить понятием «буржуазная этика» и ассоциировать с немецким средним классом. Их набор связан с концепцией цивилизованности и включает в себя чистоплотность, порядок, упорный труд и самосовершенствование, а также преданность семье и нации. Этот комплекс имеет также прямое отношение к религиозной (протестантской) этике.

Идеология национал-социализма стала самым последним фактором влияния на моральное состояние Вермахта. Представляя собой, по сути, сплав социального дарвинизма, народных традиций «крови и почвы», крайнего национализма и гипермаскулинных идеалов, центральное место она отводила экзистенциальной борьбе между социально и биологически неравными расами. Свою цель нацисты видели в создании из немцев замкнутого, биологически чистого расового сообщества и завоевании для него жизненного пространства и природных ресурсов, а также в устранении угроз

со стороны конкурирующих идеологий (коммунизм, либерализм, капитализм) и «низших» рас (евреи, славяне). При этом, как отмечает автор, многие историки теперь склонны считать, что нацисты не были «аморальными», но конструируемая ими этическая система резко отличалась от традиционной для Европы иудео-христианской морали. Мораль нацистов базировалась на идее о том, что поскольку арийская раса биологически выше других, любые действия, способствующие ее победе в борьбе за существование, являются благом, а все, что препятствует этому, есть зло. Соответственно, чтобы выиграть расовую войну, немцы должны произвести «переоценку всех ценностей», отбросив любые позитивные чувства к расовым врагам. Без идеологии нацизма осуществление плана «Барбаросса» – кампании, задуманной как уничтожение «расовых врагов» Германии, – было бы невысказанным.

После назначения Гитлера канцлером в 1933 г. армейская система ценностей претерпела существенные изменения. Ряд высокопоставленных генералов, включая министра обороны Вернера фон Бломберга и генерала Вальтера фон Рейхенау, активно продвигали равенство на нацистские нормы и поддерживали давно существовавшие в армии традиции антисемитизма, антикоммунизма и правые авторитарные наклонности офицерского корпуса. Кроме того, армия давно была одержима идеей «тотальных» решений и имела определенный опыт селективного игнорирования международного права. Таким образом, как отмечает автор, интеграция нацистской морали и этической системы Вермахта была облегчена тем, что между ними уже было много общего (с. 25).

Тем не менее еще оставались различия между предпочтительной для Вермахта концепцией солдата и «новым человеком» нацизма. С точки зрения армейского командования (согласно инструкции 1940 г.) идеальный воин выполняет свою работу с беспощадной эффективностью, но в рамках установленного кодекса поведения, избегая проявлений бессмысленной жестокости и обращаясь гуманно с пленными и некомбатантами. Инструкция настаивала на том, что честь – высшая добродетель солдата, а лучшей ее защитой служит безупречное поведение, которое исключает грабеж, насилие и уничтожение собственности, за исключением случаев вооруженного сопротивления. Эти установки явно контрастировали с портретом идеального воина-нациста, человека, принявшего позу бесчувственной твердости и не признающего никаких моральных границ в отношениях с представителями «низших» рас.

Различие между нацизмом и тем, что оставалось от рыцарственного воинского кодекса, было заметно еще во время немецкого

вторжения в Польшу в 1939 г. и последующей кампании в Западной Европе. Однако, как показали новейшие исследования, Вермахт уже тогда был напрямую вовлечен в уничтожение польских интеллектуалов, священников и евреев, а в 1940 г. тысячами расстреливал взятых в плен чернокожих африканских солдат французской армии.

В целом, пишет Д. Харрисвилл, накануне операции «Барбаросса» Вермахт не порвал окончательно с традиционной армейской этикой. Однако она оказалась способной достаточно легко воспринять многие элементы нацистской морали. Старые воинские добродетели были переориентированы на службу нацистскому режиму. В конечном итоге прежняя нормативная система усилила новую, и их слияние создало необходимые условия для ведения войны на уничтожение (с. 26).

Степень, в которой нацистская «переоценка ценностей» изменила к 1941 г. моральные основы Вермахта, хорошо иллюстрирует серия инструкций высшего командования германской армии, изданных в ходе подготовки к вторжению в СССР. Эти официальные документы, теперь известные как «преступные приказы», поставили вторжение в Советский Союз в рамки экзистенциального расового конфликта, в котором правила традиционной морали и военные обычаи не действуют. Аналогичные идеи, отражающие глубокое проникновение нацистской идеологии в армейскую культуру, демонстрируют такие же «преступные приказы», исходившие от высокопоставленных генералов Вермахта в первые месяцы войны. Так, командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Рейхенау видел цель войны в уничтожении «еврейско-большевистской системы» и «азиатского влияния» в Европе. Он предписывал своим подчиненным вести себя не как обычные воины, придерживающиеся традиционных правил войны, но как носители «расовой идеи». Генералы Гот и Манштейн также отвергали применение «европейских правил войны» на Восточном фронте и осуждали проявления снисходительности к местному населению и военнопленным.

Впрочем, на тот момент армия, по-видимому, все еще находилась в процессе перехода от прежнего кодекса чести к радикально иной системе ценностей. Тот же Манштейн в своих инструкциях призывал солдат оберегать воинскую честь и справедливо обращаться со всеми небольшевистскими категориями населения. Даже в «преступных приказах» присутствовали ссылки на традиционные добродетели и имелись положения, создававшие иллюзию ответственности международному праву.

В целом, как отмечает Д. Харрисвилл, изучение ценностей, которые командование и личный состав Вермахта провозглашали и демонстрировали в ходе войны против СССР, обнаруживает сложную картину: «Новый моральный кодекс, насаждаемый нацистским режимом, осуществил мощное вторжение в армейскую культуру, как это показывают “преступные приказы” и тексты, оставленные солдатами. В то же время традиционная этическая система, включая старинный армейский кодекс чести с его акцентом на достойное поведение, набор моральных норм среднего класса и утилитарный расчет военной целесообразности, все еще сохраняла заметное влияние. Эта система ценностей иногда находилась в напряженных отношениях с нацистской моралью, но она могла также облегчать восприятие нацистской идеологии и оправдание добровольного участия в Vernichtungskrieg, а также помогала выстраивать положительный образ Вермахта» (с. 53).

Примечательно, что, как показывает автор во второй главе «Оправдание зверств: самооправдание в солдатских письмах», для оправдания военных преступлений, наряду с расистской фразеологией, широко применялась также и традиционная моральная аргументация. При этом акцент делался на «преступном» характере советского режима. Соответственно, считалось само собой разумеющимся, что солдаты Красной армии будут игнорировать «основы гуманности» и международное право в отношении немецких военнопленных, а также использовать «коварные методы ведения войны». Армейские газеты в свою очередь писали, что германские войска часто несут неоправданные потери, поскольку уважают законы войны и, как никакая другая армия, преданы старомодным понятиям рыцарства. В результате перед читателями возникал образ благородного Вермахта, система ценностей которого и методы ведения войны диаметрально отличаются от тех, что были присущи Красной армии.

Обычные военнослужащие, судя по письмам и дневникам, в целом разделяли основной тезис, продвигаемый пропагандистским аппаратом и командованием Вермахта, что они столкнулись с врагом, чьей отличительной чертой является сочетание моральной и расовой неполноценности, в то время как их собственное поведение на поле боя и вне его соответствовало цивилизованным стандартам. Повествуя о своем обращении с военнопленными, советскими чиновниками и евреями, солдаты часто описывали своих жертв как подлых преступников, не заслуживающих никакого снисхождения, и как недочеловеков, чьи жизни ничего не значат. Здесь традиционная мораль и нацистская мораль дополняли друг друга. Приме-

чательна крайняя редкость использования в качестве оправдания военных преступлений ссылок на «выполнение приказа», столь популярных среди ветеранов после войны.

Тот факт, что военнослужащие Вермахта далеко не всегда ссылались на расистскую идеологию нацистов либо использовали ее в тандеме с традиционной моральной аргументацией, по мнению автора, ни в коем случае нельзя воспринимать как признак того, что идеология не являлась главным импульсом преступлений армии. Скорее всего солдаты находили один лишь биологический эссенциализм недостаточным оправданием своих действий или они, возможно, полагали, что простые моральные аргументы будут лучше восприняты читателями писем. В любом случае письма военнослужащих демонстрируют глубоко личный «поиск примирения» со своими действиями – освобождения себя от чувства вины или ответственности. Этот феномен, отмечает Д. Харрисвилл, определенно не является уникальной чертой Вермахта – на всем протяжении истории солдаты всех армий старались оправдать сомнительное с моральной точки зрения поведение. Примечательна, однако, способность поступать так людей, гордившихся своей приверженностью цивилизованным нормам, даже участвуя в зверствах масштаба, никогда прежде не наблюдавшегося в современной военной истории (с. 86–89).

Конструируя свою идентичность в качестве «порядочных» людей, одни военнослужащие Вермахта с гордостью декларировали свое согласие с нацистским мировоззрением и занимали бескомпромиссную позицию в отношении «недочеловеков». Другие предпочитали ценности, не отличающиеся существенно от этических норм участников Первой мировой войны. Характерным примером первых может служить 27-летний житель Берлина, рядовой Хайнц Сарторио. В переписке с сестрой Элли он выражает согласие с утверждениями Геббельса, что «красные» являются животными, а для «окончательного решения еврейского вопроса» необходимо уничтожить в Советском Союзе сотни тысяч евреев. Заядлый читатель газеты *Das Reich* и обожатель фюрера, Сарторио считает себя заботливым семьянином, выполняющим работу, призванную обеспечить прекрасное будущее немецкому народу. Оправдывая этим жестокое обращение с «расовыми врагами», он пишет, что Вермахт делает все возможное, чтобы сберечь нееврейское гражданское население.

В противоположность Сарторио 22-летний католик из Рейн-ланда Ойген Альтрогге, лейтенант и командир взвода 190-й пехотной дивизии, демонстрирует гораздо более сочувственное отноше-

ние к населению, которое он считает во многих отношениях более набожным и правдивым, чем немцы. Более того, он гордится своей способностью устанавливать дружеские связи с местными. Время от времени Альтрогге высказывает сомнения относительно методов и намерений нацистских вождей Германии, но оправдывает свое участие в войне, полагая, что она принесет освобождение народам Восточной Европы от коммунистической тирании. Соответственно, Вермахт, в его понимании, является силой добра уже потому, что он призван восстановить христианство на подобающем ему месте.

В целом религия, как подчеркивает в третьей главе «Крестоносцы» Д. Харрисвилл, играла гораздо более важную роль в системе ценностей Вермахта, чем принято считать. Она стала одним из ключевых элементов в попытках армии утвердить свое моральное превосходство над советскими людьми и облагородить свой образ. В некоторых отношениях религия могла представлять собой реальную угрозу нацистскому проекту на Востоке. Солдаты-христиане нередко признавали советских граждан своими единоверцами и надеялись, что вторжение принесет им духовную свободу, что абсолютно не соответствовало геноцидальным целям *Vernichtungskrieg*. Вместе с тем некоторые религиозные интерпретаторы рассматривали местное население скорее как примитивно суеверное, чем подлинно религиозное. Более того, активно верующие солдаты нередко описывали своих врагов как сатанинскую угрозу христианским основам Европы и демонстрировали особую склонность к безжалостному обращению с советскими чиновниками, бойцами Красной армии и гражданским населением.

Таким образом, отмечает автор, религия, хотя и являлась серьезным вызовом нацистскому мировоззрению, часто служила инструментом легитимации *Vernichtungskrieg*, преобразуя ее в справедливую войну по продвижению интересов христианства и спасению народов СССР от коммунистического атеизма. Открытие заново церквей, закрытых советским режимом, позволяло солдатам Вермахта, придерживающимся традиционной иудео-христианской системы ценностей, рассматривать свое участие в кампании на Востоке как религиозную миссию, а себя – как благочестивых крестоносцев, несущих религиозную свободу угнетенному большевиками населению (с. 123–124).

В четвертой главе «Освободители» исследуются отношения между Вермахтом и советским населением. На институциональном уровне, пишет автор, пропагандистская риторика об «освободительной миссии» Вермахта служила средством снизить сопротив-

ление населения оккупированных территорий и поддержать имидж армии в глазах собственных солдат и немецкой общественности. Она подкреплялась такими пропагандистскими акциями, как открытие тюрем, раздачи еды, медицинская помощь гражданским лицам, что позволяло военнослужащим даже в условиях жестокой оккупации видеть себя в роли освободителей. «Освободительный» фарс бросал вызов некоторым аспектам нацизма, легитимируя попутно империалистические цели войны. Ради достижения этих целей армия могла иногда жертвовать идеологической чистотой. В нежелании командования при некоторых обстоятельствах проводить террористическую политику в отношении местного населения гуманитарные соображения, разумеется, могли играть какую-то роль. Однако гораздо более важным фактором была одержимость офицеров идеей «военной целесообразности», иногда вступавшей в конфликт с нацистской идеологией. Тем не менее влияние «освободительного дискурса» продолжало существовать в качестве важного аспекта мифа о Вермахте, который боролся с морально несостоятельной советской системой, но справедливо относился к гражданскому населению (с. 166–167).

В пятой главе «Смерть и жертвенность: культивирование морального превосходства через погребальные практики» рассматриваются усилия Вермахта представить себя цивилизованным институтом путем противопоставления своего отношения к павшим на поле боя тому отсутствию уважения к смерти, что, как изображала нацистская пропаганда, было характерно для противника.

Еще в 1939 г., за два года до того, как стали озвучиваться идеи «освобождения» и «крестового похода» для оправдания кампании против СССР, политические и военные лидеры Германии раскрыли свое видение прославления павших на войне. В официальном коммюнике, выпущенном вскоре после победы над Польшей, верховное командование Вермахта утверждало, что «почетные захоронения с мемориалами должны образовать оборонительную стену вокруг германского жизненного пространства и свидетельствовать перед будущими поколениями о сражениях за это пространство». В течение войны командование выделяло значительные ресурсы, чтобы обеспечить достойные похороны каждому военнослужащему, оформляя смерть на поле боя как нравственно похвальный акт самопожертвования. Со временем, однако, как показывает автор, ввиду колоссального роста потерь и краха армейской похоронной системы нарратив героической жертвенности вытесняется синдромом жертвы. Это, разумеется, являлось отклонением как от нацистских, так и институциональных (армейских) этиче-

ских нормативов, но зато облегчало солдатам Вермахта задачу снимать с себя моральную ответственность за военные преступления. В народной памяти образ немецкого солдата как жертвы – судьбы, войны, преступных вождей Третьего рейха или советских коммунистов – стал еще одним столпом мифа о Вермахте, оградив поколение фронтовиков от любой критики за их поведение во время войны.

По мере того как кампания на Восточном фронте затягивалась, а перспектива ее победоносного завершения начинала исчезать, вера личного состава армии в свое моральное и культурное превосходство демонстрирует признаки разрушения. Однако, несмотря на неудачи на полях сражений и все более глубокое вовлечение армии в преступления грандиозного масштаба, к концу войны основы мифа о «добродетельном» Вермахте укоренились в немецком обществе столь глубоко, что противоположные нарративы, выдвинутые союзными державами или критически настроенными историками, имели мало шансов изменить этот образ.

В послевоенные десятилетия миф, разумеется, претерпел ряд существенных изменений, обусловленных оккупацией, судебными процессами и политикой Холодной войны. Все ссылки на преданность Вермахта нацистскому режиму и его идеологии были устранены из общественного дискурса, точно так же как и преступления, совершенные армией во время войны. Впрочем, базовая история оставалась практически неизменной: рядовой военнослужащий Вермахта был безупречной в моральном отношении личностью, скорее жертвой, чем преступником. И вопрос о преступлениях армии оставался латентным вплоть до 1995 г., когда выставка под названием «Немецкая армия и геноцид» сделала открытия историков достоянием широкой немецкой общественности. Оказавшись самой посещаемой выставкой в истории ФРГ, она вызвала широкие дискуссии о прошлом страны и кардинально изменила отношение к мифу о Вермахте, который рассыпался перед лицом неопровержимых свидетельств.

Таким образом, как подчеркивает Д. Харрисвилл, подводя итоги исследования, вопреки практически общепринятому представлению историков, миф о Вермахте не был послевоенным творением генералов, политиков и ветеранских ассоциаций. Не является он и ретроспективной попыткой «отмыть» Вермахт, предложив немецкой общественности некую новую интерпретацию его истории. Напротив, миф о Вермахте начал формироваться и приобретать популярность еще во время войны, если не до ее начала. При этом, считает исследователь, его появление нельзя рассматривать

как результат реализации какой-либо продуманной стратегии. Главными авторами мифа были рядовые солдаты и младшие офицеры, чьи письма (в общей сложности около 10 млрд) получали в тылу их семьи и друзья. Посредством этого гигантского информационного массива военнослужащие Вермахта снабжали народ искаженными и своекорыстными отчетами о своих деяниях, которые отражали их собственное стремление к моральной легитимности. Изображая себя как благородных воинов, а Вермахт – как бастион цивилизованных моральных норм, они описывали своих врагов, советских солдат, как неисправимых носителей зла, оправдывая тем самым свое преступное поведение. Впрочем, автор не отрицает тот факт, что аппарат пропаганды Вермахта также содействовал формированию общественного мнения в нужном направлении (с. 209). При этом следует отметить, что ранее усилия, нацеленные на создание легенды о Вермахте, он называл «хорошо скоординированной стратегией» (см. с. 13).

Переосмысление происхождения мифа о Вермахте помогает объяснить глубину и продолжительность его влияния. Но, вероятно, наиболее тревожным, по определению самого автора, выводом его исследования является тот факт, что, хотя нацистская мораль, несомненно, являлась источником легитимации для многих солдат Вермахта, сама по себе приверженность этической системе нацистского режима далеко не всегда была необходимым условием добровольного участия в военных преступлениях на Востоке. Исходя из традиционных моральных ценностей, люди, не склонные разделять нацистскую идеологию или даже открытые оппоненты нацизма, демонстрировали способность примириться со своей ролью участника *Vernichtungskrieg*, не испытывая при этом когнитивного диссонанса. Отчасти это связано с тем, что имело место значительное совпадение между нацизмом и некоторыми традиционными для немецкого общества этическими нормами, особенно воинскими добродетелями, которые многие немцы ценили очень высоко. Для нацистских вождей и военного командования преданный национал-социализму солдат, возможно, был бы идеален, но и не нацист, уверенный в справедливости своей цели, мог быть столь же эффективен. Видел ли он себя крестоносцем, несущим религию несчастному населению, или благородным воином, повинующимся рыцарским законам войны, самим своим присутствием на Восточном фронте *Ostkämpfer* способствовал достижению нацистским режимом своих целей и создавал предпосылки для проводимой им политики геноцида. Таким образом, заключает автор, распространенное представление о том, что для победы идеологии нацизма в

немецком обществе было необходимо, чтобы все другие системы ценностей были устранены или хотя бы оттеснены на периферию общественного сознания, не соответствующей действительности (с. 208–211).

В приложении (с. 213–235) публикуются некоторые данные о переписке 30 военнослужащих Вермахта (имена отправителей, количество писем, статус получателей в тылу, хронологические рамки переписки).

А.Е. Медовичев

М.М. Минц
ЕВРЕИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(Обзор)

Существующая на сегодня литература по истории Холокоста уже довольно обширна: по справедливому замечанию И.А. Альтмана, за рубежом данная проблематика представляет собой «бесспорный мейнстрим не только в исторических исследованиях, но и в политическом дискурсе. По мнению ряда исследователей, память о Второй мировой войне на Западе на рубеже XX–XXI вв. была сфокусирована именно на трагедии Холокоста. Именно эта память выступила, помимо прочего, одним из краеугольных камней при создании Европейского союза»¹. Библиография по истории Холокоста на русском языке за последние 30 лет также насчитывает уже свыше 1000 наименований². С историей антиеврейской политики нацистов как таковой, кульминацией которой в 1941 г. стал планомерный геноцид, тесно связана история еврейского сопротивления (и в целом участия евреев во Второй мировой войне), беженцев, спасения евреев представителями других народов. Новые публикации по этим вопросам выходят достаточно регулярно; рассмотрим подробнее несколько англоязычных работ, увидевших свет в 2020–2024 гг.

Две из этих работ примечательны тем, что в качестве основного источника их авторы используют переписку. Книга Кирилла Фефермана (Ариэльский университет, Израиль – Западный берег реки Иордан) «Если бы у нас были крылья, мы полетели бы к тебе» [Feferman] посвящена истории еврейской семьи Гинзбургов,

---

¹ *Альтман И.* Исследование темы Холокоста в СССР и современной России // Холокост: библиографический указатель русскоязычной литературы за 1941–2020 гг. / РАН, ИНИОН, Фундаментальная библиотека, отдел научно-библиографической информации; сост. И.А. Альтман, Е.Ю. Матвеева, А.В. Гасилин; отв. ред. А.В. Гасилин. – Москва, 2021. – С. 5.

² Там же. – С. 6.

большая часть которой погибла в Катастрофе. К началу Второй мировой войны Ефим Гинзбург проживал в Москве, позже переехал в Омск, в конце 1941 г. – в Алма-Ату. Три его старшие сестры с мужьями, детьми и их семьями (всего 12 человек) находились в Ростове-на-Дону. Фамилию Гинзбург, строго говоря, продолжал носить лишь Ефим, однако все остальные поддерживали достаточно тесные отношения и с ним, и друг с другом. Двое старших членов семьи умерли естественной смертью в 1940–1941 гг., еще до первого захвата Ростова немцами. Из остальных десяти человек девять (включая двоих детей) были расстреляны 16 августа 1942 г. в станице Новороговской Ростовской области. Этой участи избежал только один человек (Владимир Меерович), находившийся в то время в армии и погибший на фронте в 1943 г. Ефим – единственный выживший член семьи – в 1973 г. репатриировался в Израиль и перевез туда уникальную коллекцию из 118 писем, открыток и телеграмм, в основном полученных им в годы войны от ростовских родственников; эта коллекция, хранящаяся ныне в архиве мемориала «Яд ва-Шем», составила основную источниковую базу книги Фефермана. Составляющие ее письма датированы 1939–1943 гг., большинство писем написаны в 1941–1942 гг. (в начале 1943 г. Е. Гинзбург получил письмо, по-видимому, от ростовской соседки Гинзбургов; апрелем датированы два последних письма от В. Мееровича). Эта коллекция, хотя и охватывает историю всего одной семьи, предоставляет историку редкую возможность подробно проследить отношение этой семьи к происходящим вокруг событиям, в том числе обсуждение ключевого для тысяч советских евреев вопроса – о целесообразности эвакуации. В книге Феферман использует 99 писем. Первая часть книги состоит из трех глав, описывающих исторический контекст гибели ростовских Гинзбургов (Гинзбурги до войны, эвакуация населения на Северный Кавказ в 1941–1942 гг., геноцид евреев на Северном Кавказе). Наиболее обширная вторая часть (две трети общего объема книги) посвящена непосредственному анализу изучаемых писем и содержит подробные выдержки из них.

Как показывает автор, осенью 1941 г. ростовские Гинзбурги еще не имели подробных и надежных сведений о преступлениях нацистов на оккупированной территории. Первая немецкая оккупация Ростова продолжалась всего неделю (20–28 ноября 1941 г.). Она сопровождалась убийствами мирных жителей, но до систематического геноцида евреев дело не дошло. Таким образом, первый опыт жизни в оккупации скорее создавал впечатление, что оказаться в тылу у немцев опасно, но уровень опасности более или менее

одинаков для всех категорий населения. Тем временем 13 октября 1941 г. часть семьи Гинзбургов была эвакуирована в Будённовск и в конце декабря – во Владикавказ (вернулись в Ростов в марте-мае 1942 г.). Сама эвакуация была организованной, но условия жизни на новом месте оказались настолько тяжелыми, что эвакуированные члены семьи считали свой отъезд из Ростова большой ошибкой; это предположение, по-видимому, только усиливалось информацией об условиях жизни в Казахстане, содержащейся в письмах Е. Гинзбурга. Как следствие, всю опасность своего положения ростовская часть семьи осознала лишь незадолго до повторного захвата Ростова немцами, когда коллапс местной администрации и транспортной системы сделал эвакуацию невозможной. В июле 1942 г. семья покинула город, но не смогла даже выбраться из Ростовской области, что предопределило ее трагическую судьбу.

В статье Барнабаса Балинта (Оксфордский университет) анализируются письма Робера Гамзона – основателя еврейского скаутского движения во Франции (*фр.* Éclaireurs Israélites de France, EIF), которое в годы нацистской оккупации фактически влилось во французское движение Сопротивления. Подборка из десяти писем Гамзона, написанных в мае-июле 1944 г. и адресованных его жене, в настоящее время хранится в архиве мемориала «Яд ва-Шем». Как отмечает Балинт, эти письма представляют собой «особый вид эго-документа» [Balint, p. 195], поскольку с их помощью Гамзон не только поддерживал связь с семьей, но и передавал секретные сведения. С этой целью он разработал особый код, маскирующий текст под обычную переписку, посвященную семейным новостям и проблемам скаутского движения. Эту двойственную природу его писем приходится учитывать при их анализе, так как они в равной степени являются и биографическим источником, и источником по истории Сопротивления. В описываемый период завершилась трансформация скаутской группы Гамзона в вооруженный партизанский отряд, численность которого за два месяца выросла с 8 до 120 человек; в июле этот отряд впервые получил снабжение от союзников, а в августе – всего через несколько дней после того, как было написано последнее письмо в подборке, – принял свой первый бой. Письма Гамзона отражают его внутренний мир и переживания; в каком-то смысле они позволяют нам увидеть в нем не только героя партизанской борьбы, но и просто человека. Эти же письма показывают его отряд не просто как абстрактную боевую единицу, но и как коллектив личностей, которых сам Гамзон рассматривал как свою вторую семью.

В двух статьях представлена тема еврейских беженцев. Кимберли Чен (Мемориальный музей Холокоста, Вашингтон) исследует опыт детей беженцев, переживших Вторую мировую войну в Шанхае [Cheng]. В описываемый период этот город находился под управлением различных прояпонских марионеточных правительств (иностранные поселения – англо-американский Шанхайский международный сэттлмент и Шанхайская французская концессия – сохраняли экстерриториальный статус до 8 декабря 1941 г.) и оказался одной из немногих территорий во всем мире, куда могли эмигрировать германские евреи. В общей сложности за годы войны в Шанхае нашли убежище от 17 до 18 тыс. евреев. Поскольку эмиграция в Шанхай не сопровождалась разделением семей, изучение ее истории позволяет исследователям сравнить восприятие жизни на чужбине разными поколениями беженцев. В своей работе Чен использует разнообразную выборку источников, включая периодические издания изучаемого периода, школьные материалы, а также воспоминания и дневники бывших беженцев, материалы устной истории.

Как показано в статье, дети переживали отъезд за границу в целом легче, чем их родители. Если для взрослых эмиграция означала потерю прежних социальных связей, нередко – также уход из прежней профессии, то для детей путешествие через полмира выглядело в большей степени как приключение, несмотря даже на всевозможные унижительные процедуры, сопровождавшие выезд из Германии. Детей школьного возраста родители по прибытии в Шанхай обычно старались как можно быстрее снова устроить в школу – кроме самых старших, которым нередко приходилось сразу поступать на работу, чтобы прокормить семью. Как следствие, многие дети довольно быстро изучали английский язык (часто также французский и иврит), а повседневное общение с соседями-китайцами (особенно после переселения евреев в 1943 г. в так называемое Шанхайское гетто в районе Хункоу, населенном именно китайцами, а не европейцами) позволило им освоить и разговорный китайский. Кроме уроков детям евреев были доступны разнообразные виды внеклассной активности, их принимали в местное скаутское сообщество. В совокупности эти факторы заметно облегчили детям интеграцию на новом месте. Многие из них чувствовали себя в Шанхае гораздо свободнее и увереннее, чем их родители, и нередко оказывались в роли посредников между сообществом беженцев, японскими властями, проживавшими в городе европейцами и местным китайским населением.

Статья чешского историка Яна Ланичека (Университет Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия) посвящена эмиграции ев-

реев из Европы в Австралию. Автор исследует роль родственных связей и солидарности в получении разрешения на въезд в страну. Работа основана на архивных материалах, воспоминаниях и личных документах бывших беженцев, материалах устной истории. Как отмечается в статье, в предвоенный период в Австралии действовало довольно жесткое иммиграционное законодательство, направленное на предотвращение «притока мигрантов, нежелательных по расовым или культурным причинам»; Акт об ограничении иммиграции 1901 г. в народе называли «политикой белой Австралии» [Láníček, p. 4]. В этих условиях одним из основных способов получить разрешение на проживание в стране было воссоединение семей: иммигрант, законно проживающий в Австралии, мог подать заявление на предоставление иммиграционной визы своему родственнику при наличии достаточного количества средств, чтобы выступить в качестве спонсора и обеспечить вновь приехавшему возможность найти жилье и работу на новом месте. Это приводило к цепной миграции, когда иностранец, переехавший в Австралию в рамках установленных квот и получивший работу (или открывший собственное дело), обеспечивал разрешение на въезд сначала для жены и детей, а затем и для других родственников. По оценкам Ланичека, накануне Второй мировой войны данной возможностью воспользовались по меньшей мере сотни евреев (главным образом польских, но также германских и австрийских); более точный подсчет остается делом будущего [Láníček, p. 20]. Известны случаи, когда евреи, уже проживавшие в Австралии, подавали заявления на разрешение на въезд не только для родственников, но и для друзей, ранее проживавших с ними в одном городе. Приток еврейских беженцев резко сократился после вступления Австралии в войну 4 сентября 1939 г., хотя небольшому числу людей удалось въехать в страну и после этой даты. Автор отмечает, что возможности, предоставлявшиеся в рамках программы воссоединения семей, были ограниченными: как показывают сохранившиеся архивные документы, многие заявления отклонялись миграционными чиновниками либо от заявителей требовали дополнительную информацию или гарантии, которых они не могли предоставить. В условиях начавшейся войны такие задержки для потенциальных иммигрантов могли оказаться фатальными.

Горан Милян и Андерс Бломквист (Уппсальский университет, Швеция) в своей статье исследуют антиеврейское законодательство периода Второй мировой войны в Румынии и Независимом государстве Хорватия – марионеточном государстве, созданном немецкими и итальянскими оккупантами в 1941 г. Выбор именно этих двух

стран обусловлен тем, что из всех сателлитов нацистской Германии именно Румыния и Хорватия отличались наибольшей жестокостью по отношению к евреям: в Румынии были убиты около половины местных евреев (по разным оценкам – от 280 до 380 тыс. из 800 тыс.), в Хорватии – около 80%, причем последняя была единственным из государств Оси (не считая Германии), содержавшим собственные концлагеря и лагерь смерти [Miljan, Blomqvist, p. 253]. Как показано в статье, в годы войны в обеих странах сформировалось довольно обширное и детальное законодательство о дискриминации евреев (во многом под германским влиянием, но с учетом местной специфики). Таким способом как румынские правящие круги, так и хорватские усташа пытались легитимировать свою антисемитскую политику.

Работа Йорама Мученика (Университет Сорбонна Париж Север) и Вероники Фо-Вэнсанти (Музей живой истории, Монтрёй, Франция) посвящена судьбе пациентов-евреев в психиатрических клиниках оккупированной Франции [Mouchenik, Fau-Vincenti]. Исследование выполнено на примере двух больниц, из которых одна находится в городе Вильжюиф (южный пригород Парижа) и вторая – во Флэри-лез-Обре (центральный регион). Как отмечается в статье, во время нацистской оккупации евреи, содержащиеся в психиатрических клиниках, находились под двойной угрозой, поскольку в гитлеровской Германии помимо геноцида по национальному признаку проводилась и так называемая операция Т-4 по уничтожению людей с психическими расстройствами, умственно отсталых, наследственно отягощенных больных, позднее также инвалидов. В самой Германии в этой программе активно участвовали и многие врачи-психиатры. Ситуация в оккупированных странах сильно зависела от местных особенностей; так, французские врачи в большинстве своем пытались защитить своих пациентов от уничтожения. Тем не менее, как показало исследование Мученика и Фо-Вэнсанти, больница в Флэри-лез-Обре находилась под довольно плотным контролем немецкой администрации, так что пациентов-евреев, поступавших из расположенных неподалеку лагерей, возвращали обратно, если психическое расстройство не подтверждалось. Большинство из них впоследствии погибли. 5 марта 1944 г. все евреи, оставшиеся к тому времени в больнице, были перевезены в Париж; насколько удалось выяснить авторам, все они дожили до конца войны. В больнице Вильжюифа за годы оккупации погибли 12 из 38 пациентов-евреев, чьи документы изучили авторы, но причинами смерти были в основном тяжелые условия жизни, недоедание, болезни, в ряде случаев – пожилой возраст, т.е. евреи в данном случае страдали от тех же факторов, что и прочие пациен-

ты. При этом никто из евреев, лечившихся в Вильжюифе, не был депортирован в концлагеря. Таким образом, даже в пределах одной страны ситуация в разных городах и регионах могла развиваться по-разному; авторы оговариваются, однако, что изученный ими материал еще недостаточен для более широких обобщений.

Положение евреев в послевоенном Киеве рассматривается в двух публикациях Виктории Хитерер (Миллерсвильский университет, США). В статье «Жизнь на руинах» [Khiterer, 2020] она описывает попытки возрождения еврейской культуры в украинской столице в первые послевоенные годы – главным образом на примере творчества И.Н. Кипниса (1896–1974, писал на идише, пережил заключение в ГУЛАГе в 1948–1955 гг.), И.Г. Эренбурга и художника З.Ш. Толкачёва (1903–1977, автор серий картин «Майданек», «Освенцим» и «Цветы Освенцима», посвященных преступлениям нацизма). Период еврейского возрождения был недолгим – уже в конце 1940-х годов многие деятели культуры, принимавшие в нем участие, подверглись репрессиям в рамках «борьбы с космополитизмом». Более поздняя статья Хитерер «Нежеланное возвращение домой» [Khiterer, 2022] посвящена жилищному кризису в послевоенном Киеве. Многие евреи, вернувшиеся с фронта или из эвакуации, столкнулись с тем, что их квартиры (или комнаты в коммунальных квартирах) оказались заняты новыми жильцами, не желающими их освобождать и часто довольно агрессивно настроенными по отношению к прежним квартиросъемщикам (вплоть до угроз убийством). Даже суды в этих условиях нередко принимали сторону новых жильцов, и даже в тех случаях, когда суд выносил решение в пользу истца, это не гарантировало успешный возврат довоенного жилья. Хитерер отмечает, что подобные проблемы существовали и в других освобожденных городах, но в Киеве приняла особенно острый характер из-за того, что город был довольно сильно разрушен в ходе боевых действий: всего вышло из строя до 40% жилых помещений, так что в 1944 г. более 200 тыс. киевлян не имели крыши над головой [Khiterer, 2022, p. 5]. В сочетании с довоенными традициями бытового антисемитизма и отложенными последствиями нацистской пропаганды периода оккупации это привело к резкому всплеску антисемитских настроений и насилия, вплоть до погрома 7 сентября 1945 г., в ходе которого были убиты до 16 и ранены до 100 евреев [Khiterer, 2022, p. 10–11]. Как подчеркивает автор, представители властей в этих условиях пытались бороться с антисемитами, но не достигнув успеха, фактически пошли у них на поводу.

Клэри Д.Ч.

**ЗАБЫТЫЕ УЧЕНЫЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Clary D.C. The lost scientists of World War II. – London; Singapore; Hackensack, N. J.: World Scientific Publishing Europe, 2024. – XII, 304 p.

Монография британского исследователя, профессора Оксфордского университета Дэвида Чарльза Клэри посвящена европейским ученым, чья жизнь и судьбу круто изменила Вторая мировая война. Данная проблематика является относительно новой для российской и западной историографии. Химик-теоретик по основной специальности, Клэри поставил себе целью возвращение в историю имен выдающихся ученых и исследователей в области физики, химии, математики, общественных наук. По мнению автора, такие фигуры, как Фридрих (Фриц) Душинский, Эммануэль Вассер, Пауль Дрейфус, Альфред Люстиг, Отто Фриш, Фердинанд Блюменталь, Роберт Айслер и многие другие, внесли внушительный вклад в развитие науки и знания, но остались забытыми и «перемолотыми в жерновах истории». Также автор уделяет пристальное внимание значительной роли британских организаций – Совета академической помощи (ААС), позже преобразованного в Общество защиты науки и образования (SPSL), – в судьбах десятков ученых из Европы.

Работа основана на привлечении широкого круга источников, включая документы из архивов Великобритании, Бельгии, Польши, Чехии, США, Израиля, Швейцарии, Нидерландов, а также частные собрания документов, источники личного происхождения, опубликованные научные работы изучаемого периода в различных академических журналах Европы, фонодокументы (например,

интервью с Э. Душинским, П. Голдфингером, М. Голдфингер). Архивы AAC и SPSL в Бирмингеме стали основной источниковой базой для исследования Д. Клэри.

Монография состоит из предисловия и 10 глав, последняя из которых является заключением, а также списка использованных источников и литературы. В предисловии автор описывает причины, по которым он, не будучи историком, обращается к данной проблематике: «Идея [...] возникла в результате исследований, которые я проводил в ходе работы над своей предыдущей монографией “Шрёдингер в Оксфорде” (2022). Изучая связи Шрёдингера, я наткнулся на Фрица Душинского, специалиста по физической химии из Чехословакии» (с. IX). Опираясь главным образом на материалы AAC и SPSL, Д. Клэри смог найти информацию о еще почти 30 ученых, чьи жизнь и работа оказались «потеряны» в бурном водовороте истории XX столетия.

В первой главе «Кризис в Европе в 1930-е годы» автор проводит анализ внутривосточной ситуации, сложившейся в Германии после прихода к власти национал-социалистов. Д. Клэри акцентирует внимание на том, что принятые законы о чистоте расы (апрель 1933 г.) запрещали неарийцам занимать государственные посты, а «ученые, занимавшие должности в университетах и связанных с ними высших учебных заведениях Германии, были сотрудниками государственной службы» (с. 1), т.е. попадали под действие запрета. Именно тяжелая ситуация на континенте побудила ряд британских ученых в 1933 г. создать Совет академической помощи (AAC) для содействия университетским преподавателям и исследователям, вынужденным покинуть нацистскую Германию. Д. Клэри достаточно подробно описывает историю возникновения и деятельность AAC и сменившего его в 1936 г. SPSL (с 2014 г. – Совет для ученых в опасности, CARA). Богатые архивы двух организаций хранят уникальные сведения обо всех ученых, которые искали помощи и защиты в 1930-е годы, включая не только биографические факты, но и информацию об их научной работе.

Со второй по девятую главу включительно Д. Клэри представляет вниманию читателя биографии 30 ученых из самых разных областей науки. Более подробно автор описывает судьбы физиков и химиков, ставших жертвами (глава 2) и переживших (главы 3–4) Вторую мировую войну. Особое внимание он уделяет научной карьере, профессиональным исследованиям и заслугам своих «персонажей», а также роли AAC и SPSL в их судьбе; анализирует конкретные достижения и недостатки применявшихся ими научных методов и подходов, значимость и актуальность

разработок малоизвестных ученых той поры для сегодняшней науки.

Во второй главе автор, в частности, описывает жизнь и деятельность чехословацкого ученого Ф. Душинского, родившегося в 1907 г. в городе Габлонц (нынешний Яблонец) в еврейской семье. Он учился в Карловом университете, а один учебный год провел в Сорбонне, где занимался под руководством Марии Склодовской-Кюри. К 1933 г. он защитил диссертацию, но вскоре в Германии началось ужесточение законодательства и дискриминация евреев. Уже 1 апреля 1933 г. он лишается своего поста в Берлинском университете, и с тех пор начинается долгий период его скитаний и попыток обустроить свою жизнь. Вначале Душинский осел в Брюсселе (именно отсюда он начал писать письма в Великобританию с просьбой о содействии в переезде и работе на островах), затем в Ленинграде. В Советском Союзе Душинский опубликовал свои самые значимые работы. После возвращения из СССР в Чехословакию осенью 1937 г. научная карьера Душинского остановилась. В своем родном Габлонце он не мог найти работу по специальности, а уже менее чем через год, когда Судетская область, куда входил его родной город, отошла к Германии, он и вовсе вынужден был думать лишь о собственном выживании. В конце 1938 г. Душинский эмигрировал во Францию, занимаясь репетиторством. После оккупации Франции ученый скрывается по всей стране, не имея возможности покинуть ее. Помощь и содействие Фрицу старался оказать его старший брат Эрик, находящийся в Великобритании. Однако его попытки не увенчались успехом. В октябре 1942 г. Ф. Душинского арестовывает гестапо и направляет в концлагерь Аушвиц-Биркенау, где он и умрет в декабре 1942 г. (с. 26).

Другой достаточно яркой биографией, представленной в книге Д. Клэри, является жизнеописание Пауля Дрейфуса. Он родился в 1906 г. в Пфальце и также был евреем. Как и в случае с Душинским, его научная карьера достигла зенита к моменту прихода национал-социалистов к власти. Он был химиком-теоретиком, работал в университете Бонна, занимаясь свойствами красителей на основе этилена. В начале 1930-х годов его исследования спонсировал конгломерат германских концернов «И. Г. Фарбениндустри» (I.G. Farben). Но весной 1933 г. Дрейфус был вынужден покинуть все занимаемые должности. Летом ученый связывается с ААС, а также с различными американскими научными институтами с просьбой оказать содействие в вопросе переезда из Германии. К моменту получения положительного ответа из Великобритании в 1934 г. Дрейфус осел в Италии, обустроил свою личную жизнь,

женившись на студентке Ирен Рейнманн, и отклонил предложение. До 1937 г. Дрейфус с женой работают в Италии, затем переезжают в Брюссель, где Пауль возобновляет попытки уехать в США. Благодаря своей настойчивости Дрейфус получает предложение от университета Канзас-Сити. Однако в 1940 г. Пауля арестовывают германские власти. Тогда его жена Ирен, рискуя жизнью, проделывает невероятный путь из Брюсселя до американского консульства в Марселе, где ей удается получить визы для эмиграции в США. Уже летом 1941 г. Пауль и Ирен покидают охваченный войной европейский континент и отправляются в Новый Свет. В США, несмотря на помощь и покровительство, попытки Дрейфуса монетизировать свою научную деятельность оборачиваются неудачей, и уже в конце 1950-х годов он возвращается в Европу, селится в Базеле, где живет вплоть до своей смерти в 1977 г.

В четвертой главе «Совершенно секретные беженцы» Клэри описывает историю Отто Фриша и Клауса Фукса – двух физиков, которым удалось переехать в Великобританию в 1933 г., обосноваться там и стать заметными участниками сначала британского, а затем американского ядерного проекта, т.е. заняться секретной работой высокой государственной важности. Автор не предоставляет дополнительных сведений о ранней (до 1933 г.) и поздней (после 1945 г.) жизни ученых, взяв за основу лишь их работу до и во время войны. Отто Фриш, будучи евреем, смог перебраться в Великобританию в 1933 г. и заняться исследованиями свойств урана. С 1940 г. он работал на британское правительство, входил в исследовательскую группу профессора Рудольфа Пайерлса в Бирмингемском университете, занимающуюся разработками атомного оружия, а с 1943 г. участвовал в американском проекте «Манхэттен». По возвращении из США в 1947 г. стал почетным профессором Оксфордского университета. Другой ученый, Клаус Фукс, состоял в Коммунистической партии Германии, в 1933 г. обосновался в Великобритании и занялся научными исследованиями. С 1941 г. входил в группу Пайерлса и с того же года стал советским агентом. С 1943 г. участвовал в проекте «Манхэттен». После войны передал СССР секретные сведения об атомном оружии, за что был осужден в Великобритании в 1950 г. Д. Клэри приходит к выводу, что участие этих двух ученых в атомных проектах «показывает, что работа AAC/SPSL по содействию беженцам-ученым в переезде в Соединенное Королевство способствовала, по крайней мере косвенно, разработке атомной бомбы» (с. 124).

В главах 5–8 рассматриваются судьбы еще целого ряда математиков, врачей, биологов и инженеров, которые, по мнению автора

монографии, внесли значимый вклад в развитие своих научных дисциплин (Роберт Ремак, Владимир Чернавин, Альфред Рейнхаймер и др.). Девятая глава посвящена специалистам в области социальных наук. На конкретных примерах автор показывает принципиальную разницу в возможностях ученых-гуманитариев и представителей технических или естественно-научных специальностей. Так, например, он уточняет, что «в отличие от Германии и Австрии, социальные науки не были развитой областью в университетах Великобритании до Второй мировой войны, и возможностей для трудоустройства было очень мало» (с. 219). Тем не менее некоторым представителям научного сообщества удалось начать новую жизнь. Одним из них был Роберт Айслер. Будучи выходцем из обеспеченной еврейской семьи, он обучался в Венском университете, где с молодых лет начал блестящую научную карьеру. Айслер получил степень по экономике, а затем по истории искусства, был разносторонним специалистом и истинным эрудитом. Ветеран Первой мировой, после войны он работал в Австрии, хотя его давней мечтой оставался Оксфордский университет. Позже, в 1949 г., он отмечал, что Венскому университету, как и большинству университетов в континентальной Европе, недоставало «автономной корпоративной интеллектуальной жизни ученых, которая сохранилась в живописных старинных колледжах Оксфорда без перерывов со времен Средневековья» (с. 222). Тем не менее вплоть до аншлюса 1938 г. продолжал работать на континенте и только весной 1938 г. обратился в SPSL, которое предложило ему место в Оксфорде. Но 20 мая того же года власти арестовали его и отправили в концентрационный лагерь Дахау, а затем в Терезиенштадт. Путем невероятных усилий его семье удалось добиться освобождения ученого. Уже к осени 1939 г. Айслер эмигрировал в Великобританию и вернулся к научной работе. Однако пошатнувшееся после двух концентрационных лагерей здоровье давало о себе знать, и участвовавшие проблемы с сердцем привели к смерти ученого в 1949 г.

В заключение Клэри пишет, что «Совет по академической помощи и его преемник – Общество защиты науки и образования – сыграли решающую роль в спасении многих ученых от нацистских преследований, облегчив их иммиграцию в Великобританию» (с. 239). Он призывает помнить об исключительно важной работе данной организации и ее вкладе в спасение десятков жизней. Автор подчеркивает, что он сумел написать данную монографию благодаря качественной работе организации, занимавшейся сбором сведений и документов о судьбах исследователей до,

во время и после Второй мировой войны. Клэри выражает надежду, что в сегодняшних непростых условиях, когда ученые во многих странах продолжают сталкиваться с трудностями, пример работы AAC и SPSL станет полезным «для оказания помощи беженцам в наши дни и в будущем» (с. 243).

И.Д. Худяков

Дедеринг Т.

**НЕМЕЦКИЕ «ВРАЖДЕБНЫЕ ИНОСТРАНЦЫ»
В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ИНТЕРНИРОВАННЫХ
В ЮЖНОЙ АФРИКЕ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Dedering T. German «enemy aliens» in internment camps in South Africa in the Second World War // South African historical journal. – 2023. – Vol. 75, N 3. – P. 400–427. – <https://doi.org/10.1080/02582473.2024.2366246>

В статье Тильмана Дедеринга (почетный профессор Университета Южной Африки, член Академии наук Южной Африки) проводится детальный анализ процесса интернирования гражданских лиц немецкого происхождения в Южно-Африканском Союзе (ЮАС), до этого лишь кратко упоминавшегося в отдельных исследованиях, на фоне сложной и конфликтной социально-политической обстановки в стране в годы Второй мировой войны. Статья также представляет собой первую попытку изучения условий проживания интернированных в созданных для них южноафриканскими властями лагерях.

Исследование выполнено на основе широкого круга источников – как архивных документов, хранящихся в ЮАР и Германии, так и вторичных источников (воспоминания бывших интернированных и выдержки из документов, опубликованные в работах исследователей предыдущих лет). Отдельное место уделено освещению процесса интернирования немцев и граждан Германии в южноафриканской прессе военных лет.

Уже во введении к статье, в частности, даются основные сведения об общем количестве интернированных и шести обустроенных для них лагерях, крупнейшим (и лучше всего освещенным в

источниках) из которых был расположенный вблизи Претории Ба-виааноспорт. Согласно приводимым автором цифрам, за годы войны через них прошли 6636 гражданских лиц (из 33 000 жителей доминиона, имевших немецкое происхождение). В основном это были граждане Третьего рейха, вместе с которыми было интернировано немалое число итальянцев, а также подданных самого ЮАС и жителей британских африканских колоний с немецкими корнями. Автор подчеркивает, что интернированию не подвергались женщины. Также в этой части работы он касается некоторых событий политической жизни Союза в первые недели войны и замечает, что к 1939 г. южноафриканские немцы были плотно интегрированы в местную систему социально-экономических связей и не поддерживали НСДАП, хотя и связывали с именем Гитлера возрождение Германии в широком смысле. Дедеринг выделяет среди них две группы, отличавшиеся повышенным радикализмом, – некоторых представителей молодого поколения и немцев из бывшей Германской Юго-Западной Африки, переданной под управление Южно-Африканского Союза в соответствии с Версальским договором 1919 г.

В первом разделе «Между общественным остракизмом и интернированием» автор выделяет два важных, на его взгляд, факта социально-политической ситуации в ЮАС, породивших особую боязнь мнимой подрывной деятельности немцев. Во-первых, «опасения по поводу немецкой “пятой колонны” усугублялись постоянным шквалом антибританских и анти-Смэтсовских [Ян Смэтс – премьер-министр ЮАС в 1939–1941 гг., фельдмаршал британской армии. – *Прим реф.*] заявлений африканерских националистов» (с. 403–404), которые призывали к нейтралитету в войне и зачастую использовали схожую с нацистами праворадикальную и антисемитскую риторику. Во-вторых, огромное значение имел постоянный страх белого меньшинства потерять контроль над чернокожим населением: немцев обвиняли в разжигании беспорядков среди коренных африканцев путем распространения слухов об улучшении их положения при неизбежной после скорого поражения антигитлеровской коалиции немецкой оккупации.

Критерии для интернирования в первые месяцы войны были крайне расплывчатыми и основывались на субъективных категориях, таких как лояльность, благонадежность и т.п.; в числе мотивов для задержания присутствовало и стремление не допустить потенциальный уход на войну на стороне Германии физически крепких и имеющих технические знания немцев, а основанием для ареста могло быть даже пристрастие к немецкой кухне или то, что человек «ведет себя как немец» (с. 407). На этом этапе наряду с заклю-

чением в специальные лагеря также широко применялся домашний арест разной степени строгости. Антинемецкие настроения в обществе, боязнь диверсий «пятой колонны» и обвинения в симпатиях нацизму нарастали по мере эскалации войны в Европе и фронтовых успехов Рейха, порождая новые волны задержаний и юридических ограничений выходцев из Германии, от чего, как ни парадоксально, не были избавлены даже евреи.

Второй раздел «Лагеря» кратко описывает материальные условия проживания в лагерях для интернированных. Автор констатирует удовлетворительное состояние здоровья большей части их обитателей, приемлемое питание и широкие возможности для досуга на территории, но с пониманием относится к периодически возникавшим протестам интернированных, вырванных из своей привычной жизни. Он отмечает также снисходительное отношение властей Союза к таким строптивым заключенным – нельзя не согласиться с подчеркивавшей контраст репликой газеты *Rand Daily Mail*: «В Дахау нет забастовок» (с. 412).

Как отмечается в третьем разделе «Сторонники и противники национал-социализма в лагерях», ограничения на свободу передвижения и даже заключению в лагеря наравне с действительными нацистами подвергались и уроженцы Германии, бежавшие в Южную Африку от гитлеровского режима, не исключая и германских евреев. Многие из них на территории лагерей для интернированных вновь столкнулись с ярким антисемитизмом, ранее уже заставившим их покинуть родину. Но Дедеринг не считает уступкой чаяниям Гитлера создание отдельных бараков или даже лагерей для «арийцев» и всех остальных интернированных, что было идеей фикс нацистской Германии (МИД которой официально получал информацию о положении интернированных немцев от испанского консула и Красного Креста), – скорее это было мерой защиты евреев и политических оппонентов нацизма от агрессии со стороны сторонников Рейха.

На этом фоне автор выделяет и другой парадокс – поразительную мягкость лагерных администраций по отношению к настоящим национал-социалистам. Он приводит многочисленные цитаты из отчетов, писем и воспоминаний заключенных, которые свидетельствуют о том, что интернированные сторонники Гитлера могли свободно устраивать политические собрания, вывешивать изображения нацистской символики, произносить нацистское приветствие и т.п. На физические притеснения нацистским большинством политических оппонентов до определенного времени также смотрели сквозь пальцы. Сопоставляя различные свидетельства,

Дедеринг не склонен верить рассказам репатриировавшихся в Германию в конце войны бывших заключенных лагерей о якобы пережитых тяготах интернирования: их целью он считает защиту от обвинений в том, что они наслаждались сравнительно легкой жизнью в трудный для родины период, тем более что МИД Германии принимал как заслуживающие доверия сведения об относительно благополучной лагерной жизни немцев, содержащиеся в отчетах Красного Креста.

Четвертый раздел «Репатриация и конец интернирования» посвящен заключительному этапу функционирования южноафриканских лагерей для интернированных. Для определенной части заключенных (автор не называет общую цифру) пребывание в них закончилось репатриацией в Германию. Вопрос о возможности этого был впервые поднят 3 сентября 1942 г. по инициативе южноафриканской стороны (Дедеринг констатирует, что на основе изученных источников пока невозможно узнать причины этой неожиданной инициативы), но первый корабль с 900 бывшими интернированными отплыл из ЮАС в Лиссабон лишь в июне 1944 г. Внимание автора привлек тот факт, что в разных лагерях заключенные по-разному относились к открывшейся возможности: «в Андалусии добровольцы на репатриацию были подвергнуты позору, в то время как те, кто отказался от репатриации, были опозорены в Бавиаанспорте» (с. 423). Он видит объяснение этого в разном происхождении обитателей лагерей – немцы из Юго-Западной Африки болезненно рассматривали отъезд как конец многолетних колониальных устремлений Германии в этом регионе.

Три из шести лагерей для интернированных были закрыты еще в годы войны (но их узники были переведены в оставшиеся), а последние заключенные были освобождены лишь в сентябре 1947 г. Автор замечает, что по окончании войны власти ЮАС медлили с завершением интернирования и даже летом 1945 г. отказывались снять статус «вражеских подданных» с лиц еврейского происхождения и признать, что они по определению не могут быть нацистами.

В заключении к статье Дедеринг отмечает, что в Южной Африке, как и в других воюющих странах, возобладала тенденция, возникшая еще во время Первой мировой войны: остро встал вопрос национальной идентичности и политической лояльности жителей страны иностранного происхождения. Официальный статус гражданина враждебного государства (*англ.* enemy alien) и перспектива интернирования грозили переселенцам из Германии и их потомкам вне зависимости от наличия у них гражданства ЮАС

или принадлежности к группам, подвергавшимся преследованиям со стороны нацистов, если они вызывали подозрения разной степени обоснованности у властей Союза. Избежать послевоенной депортации и реинтегрироваться в белое южноафриканское общество многим из них помог лишь приход к власти в 1948 г. Национальной партии Д.Ф. Маланга, симпатизировавшего Германии в годы войны.

Тем не менее автор обращает внимание на то, что большинство южноафриканских немцев все же не были интернированы, многие были отпущены спустя всего несколько месяцев заключения (особенно на начальном этапе войны), а города ЮАС избежали антинемецких погромов, подобных событиям 1915 г. Он завершает статью замечанием, что «политика интернирования проводилась в хаотичной манере» (с. 427), а сами лагеря для интернированных не идут ни в какое сравнение с нацистскими концлагерями, унесшими миллионы жизней.

В.В. Петров

Папалия Дж.

**ИТАЛЬЯНСКАЯ «ПЯТАЯ КОЛОННА» В АВСТРАЛИИ:
ФАШИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА,
ИТАЛО-АВСТРАЛИЙЦЫ И ИНТЕРНИРОВАНИЕ
(Реферат)**

Papalia G. The Italian «Fifth Column» in Australia: Fascist propaganda, Italian-Australians and internment // Australian journal of politics and history. – 2020. – Vol. 66, N 2. – P. 214–231. – DOI: <https://doi.org/10.1111/ajph.12680>

Статья Джерардо Папалии (Университет Монаша, Мельбурн, Австралия) посвящена анализу причин массового интернирования гражданских лиц итальянского происхождения в Австралии во время Второй мировой войны. Автор выдвигает и аргументирует центральный тезис: эта масштабная репрессивная мера стала результатом трагического пересечения двух мощных, взаимно усиливающих друг друга дискурсов – политики фашистского правительства Италии по отношению к своей диаспоре и глубоко укоренившихся в австралийском обществе и политике подозрений в существовании вражеской «пятой колонны».

Автор использует рассекреченные документы из Национального архива Австралии (NAA), Центрального государственного архива Италии (ACS), базы данных Casellario Politico Centrale (политические досье). Он ссылается также на классические работы Дж. Крешьяни, региональные исследования Д. О'Коннора, Д. Брауна, а также на труды по идеологии фашизма.

Папалия детально исследует политику фашистского режима Бенито Муссолини (1922–1943) в отношении миллионов итальянских эмигрантов по всему миру. Для Муссолини эмиграция была «злом», ослабляющим нацию, стремящуюся к статусу великой державы. В рамках доктрины тоталитарного государства, где

индивид неотделим от нации, лояльность диаспоры считалась абсолютно необходимой. Для ее обеспечения Италия создала разветвленную и сложную систему контроля и влияния. Ключевую роль в этом играла консульская сеть, которая под руководством фашистской партии превратилась в «продолжение внутренней власти родины» для сохранивших итальянское гражданство мигрантов (цит. по: с. 217). Консулы не только выполняли традиционные функции, но и осуществляли надзор и доносили на «неблагонадежных».

Одним из главных инструментов воздействия стало создание сети отделений фашистской партии (фашо, *ит.* Fascio) за рубежом. В Австралии к 1939 г. действовало, как минимум, девять таких отделений (Сидней, Мельбурн, Брисбен, Кэрнс, Бабинда, Иннисфейл и др.), наиболее крупным было сиднейское Luigi Platania. Эти организации выполняли не только политические, но и важные социально-культурные функции: организовывали досуг (Dopolavoro), оказывали материальную помощь, проводили культурные мероприятия. Эта деятельность наряду с широкой пропагандой была призвана создать у мигрантов ощущение связи с родиной и гордости за «новую Италию» Муссолини, представить фашизм как неотъемлемую часть итальянской идентичности. Пропагандистская машина режима была всеобъемлющей: она контролировала и финансировала основную часть италоязычной прессы в Австралии (*Il Giornale Italiano, L'Italo-Australiano, Il Corriere degli Italiani in Australia* и др.), распространяла фильмы, прославляющие дуче и его завоевания, организовывала сборы пожертвований (например, «золото для родины» во время войны в Эфиопии).

Особое внимание режим уделял воспитанию молодого поколения. По всей Австралии создавались фашистские школы, субсидируемые итальянским правительством. Учителя должны были состоять в Итальянской фашистской школьной ассоциации и приносить присягу верности режиму. Учебные программы были проникнуты национализмом и пропагандой, цель состояла во «внушении итальянского национального духа». Дети носили униформу, аналогичную итальянским фашистским молодежным организациям (Balilla). Важным союзником фашистского государства в его работе с диаспорой стала католическая церковь, особенно после Латеранских соглашений 1929 г. Итальянские священники, направляемые Ватиканом, часто сотрудничали с консулами в распространении влияния режима и противодействии антифашизму и коммунизму.

Однако, как подчеркивает Папалия, эта система контроля и пропаганды была не только привлекательной, но и принудитель-

ной. Консульства создавали сеть слежки, доносили на «подрывные элементы» (преимущественно левых взглядов) как австралийским, так и итальянским властям. Против неугодных применялись репрессивные меры: угрозы семьям в Италии, запреты на воссоединение семей, исключение из фашо, а в крайних случаях – и физическая расправа. Это создавало атмосферу страха, удерживая многих мигрантов от открытого выражения несогласия или от натурализации – акта, который фашистская пропаганда представляла как предательство родины.

Именно здесь, по мнению Папалии, и проявляется второй ключевой дискурс – австралийский. С середины 1930-х годов, особенно после вторжения Италии в Эфиопию и усиления ее пропагандистской активности, власти Австралии (вдохновленные предупреждениями Великобритании) стали рассматривать итальянскую диаспору через призму угрозы национальной безопасности. Распространилось и укрепилось представление о существовании «пятой колонны» – тайной сети вражеских агентов и сочувствующих, готовых к саботажу и шпионажу в случае войны. Этот страх, усиленный расовыми предрассудками «белой Австралии» по отношению к «южноевропейцам» и общим климатом военной истерии, привел к тому, что все лица итальянского происхождения – независимо от их гражданства (иностранцы, натурализованные, даже австралийцы по рождению) – стали восприниматься как потенциально нелояльные и опасные.

Автор убедительно показывает, что реальная популярность фашизма среди итало-австралийцев была значительно ниже, чем предполагали как итальянские власти, так и австралийские спецслужбы. Членство в фашо в Австралии составляло в среднем лишь около 4% от числа итальянских мужчин (что соответствовало общемировому показателю в 3%). Для многих мигрантов фашо был в первую очередь социальным клубом или благотворительной организацией, предоставлявшей поддержку и досуг, а не политической структурой. Папалия приводит многочисленные свидетельства того, что даже те, кто симпатизировал Муссолини (часто из патриотической гордости за Италию, а не из идеологической приверженности фашизму), не желали рисковать своей жизнью и благополучием в Австралии ради режима. Ярким показателем стремления мигрантов к интеграции и дистанцирования от рисков были высокие и постоянно растущие темпы натурализации, особенно в моменты кризисов (например, после введения санкций против Италии в 1935–1936 гг. и накануне вступления Италии в войну в 1940 г.), несмотря на угрозы со стороны итальянских властей. К 1939 г. натура-

лизовались 40% итальянских мигрантов, а в 1940 г. число заявлений увеличилось вчетверо (с. 226). Существовало и активное, хотя и малочисленное, антифашистское движение.

Тем не менее пересечение двух дискурсов – итальянского, утверждавшего неразрывную связь мигранта с фашистской родиной, и австралийского, подозревавшего всех итальянцев в потенциальной нелояльности, – оказалось роковым. После вступления Австралии в войну в сентябре 1939 г. был принят Акт о национальной безопасности, наделявший правительство чрезвычайными полномочиями. Началась регистрация «враждебных иностранцев», были введены ограничения на передвижение. Страх перед «пятой колонной», подогреваемый прессой, политиками и общественностью, привел к массовым интернированиям. Хотя формально интернирование объявлялось «превентивной мерой», а не наказанием, на практике оно носило широкий и зачастую дискреционный характер. Критерии отбора были расплывчатыми, решения часто принимались на основе доносов, этнической идентичности или принадлежности к «подозрительным» профессиям (рыбаки, докеры). Пик интернирования пришелся на критический период после падения Сингапура в феврале 1942 г. Всего были интернированы 4725 гражданских лиц итальянского происхождения, включая 947 натурализованных мигрантов и 62 австралийца по рождению. Среди интернированных были как активные фашисты, так и аполитичные мигранты, и даже антифашисты. По данным Папалии, 32% взрослых мужчин итальянского происхождения в Австралии оказались за колючей проволокой. Этот показатель был значительно выше, чем в других доминионах (Канада интернировала лишь около 600 из 115 тыс. итальянцев) или союзных державах (США интернировали 367 человек из 700 тысяч), и сопоставим с процентом интернированных в самой Великобритании, находившейся на переднем крае Второй мировой войны.

В заключении к статье Папалия подчеркивает главный трагический парадокс: к концу войны австралийские власти не обнаружили ни одного случая шпионажа или серьезного саботажа, совершенного интернированными итало-австралийцами. Страшная «пятая колонна» оказалась мифом. Страдания тысяч людей, разрушенные семьи и судьбы (интернировали даже женщин и тех иммигрантов, чьи сыновья служили в австралийской армии) стали следствием не реальной угрозы, а страхов, предрассудков и пересечения двух репрессивных политик. Итальянские мигранты, в большинстве своем простые рабочие и крестьяне, стремившиеся к лучшей жизни и демонстрировавшие свою лояльность Австралии

через натурализацию, оказались заложниками идеологии фашистского государства, стремившегося контролировать их даже за океаном, и ксенофобских настроений австралийского общества и государства, видевшего в них прежде всего «чужаков» и потенциальных предателей по признаку происхождения.

М.С. Журбин

Цзоу Цзунжуй
ОБРАЗОВАНИЕ В ЛАГЕРЕ:
ЛАГЕРЯ ДЛЯ ИНТЕРНИРОВАННЫХ И ШКОЛЬНЫЙ
ОПЫТ АМЕРИКАНЦЕВ ЯПОНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)

Tsou Tzung-Ruei. Schooling in camp: incarceration camps and the Japanese American school experience during World War II // Social science quarterly. – 2024. – Vol. 105, N 6. – P. 1879–1891. – DOI: <https://doi.org/10.1111/ssqu.13446>

Реферируемая статья посвящена исследованию образовательного опыта американцев японского происхождения, интернированных в период Второй мировой войны. Цзоу Цзунжуй (Национальный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань) анализирует опыт второго поколения американцев японского происхождения, которые, вынужденно покинув места постоянного проживания вместе с родителями и прервав на некоторое время обучение в обычных школах, продолжили получать образование в лагерях. Исследуются негативные последствия интернирования для детей и подростков школьного возраста.

Источниковой базой исследования послужили видеointервью и эссе студентов из онлайн-архива Дэнсё¹. Было выбрано и проанализировано 23 интервью (24 респондента) и семь эссе студентов, которые непосредственно относятся к образовательному опыту в лагерных школах. Основная информация о респондентах

---

¹ Дэнсё (Densho) – некоммерческая организация, основанная в 1996 г. с целью сохранения и распространения истории американцев японского происхождения, которые были заключены в лагерь для интернированных лиц во время Второй мировой войны.

представлена в двух таблицах. Значительная часть проанализированных данных была получена из центров военного переселения Манзанар и Минидока, поэтому, с точки зрения автора, результаты исследования следует интерпретировать с осторожностью, так как они могут более точно отражать опыт студентов в этих двух лагерях, который может отличаться от опыта обучавшихся в других местах. Изучение материалов архива показало, что респонденты имели более позитивное мнение о школах в лагерях, в которых они обучались, чем казалось автору изначально. В связи с этим была поставлена задача выяснить, что могло смягчить впечатления студентов.

Автор применяет метод обоснованной теории (grounded theory) – систематический подход к построению теорий на основе анализа данных. Этот метод позволил выявить потенциальные темы, понять взаимосвязи между ними и разработать теоретическую модель, основанную на собранных данных.

Статья состоит из трех разделов, в которых исследователь вводит читателей в исторический контекст (раздел «Исполнительный указ № 9066»), рассматривает уже имеющиеся публикации по теме своей работы, описывает источники и методы исследования, анализирует школьный опыт интернированных (раздел «Школы в лагерях для интернированных», четыре подраздела) и подводит итоги исследования.

После нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. президент Ф.Д. Рузвельт подписал указ № 9066 от 19 февраля 1942 г., что привело к принудительному переселению тысяч людей японского происхождения в лагерь. Более 110 000 человек были вынуждены покинуть свои дома, причем почти две трети из них были гражданами США. Это привело к значительным экономическим потерям для японо-американских семей. Условия в лагерях были суровыми: маленькие квартиры без личных ванных комнат и столовых, низкая заработная плата, а в некоторых случаях – получение травм и даже гибель от рук военной полиции. Размышляя над правомерностью действий правительства в отношении американцев японского происхождения, исследователь приводит вывод из отчета созданной в 1980 г. Комиссии по переселению и интернированию граждан в военное время, в котором говорится, что указ № 9066 не был оправдан военной необходимостью, а был результатом «расовых предрассудков, военной истерии и несостоятельности политического руководства» (цит. по: с. 1881).

Переходя к основной части исследования, автор отмечает, что бытовые условия в лагерных школах были крайне тяжелыми.

Часто не хватало парт, стульев, книг, бумаги и карандашей. Занятия проводились в переоборудованных бараках или других непригодных помещениях. Например, уроки химии могли проходить в прачечной из-за наличия там водопровода, а студенты сидели в ваннах. Учителям приходилось объяснять материал, используя воображаемые предметы.

Основной целью лагерных школ было «воспитание японской молодежи как активных граждан в демократии» (цит. по: с. 1885) с акцентом на «американизацию» и привитие американских ценностей. Однако автор отмечает, что многие студенты находили это ироничным, учитывая их собственное заключение за колючей проволокой. Например, студентка Куницугу написала эссе, в котором критиковала произошедшее как отрицание свободы, но ее учитель изменил формулировку «за колючей проволокой» на «в центрах переселения» и посоветовал ей «рационализировать и прийти к выводу», согласно которому она сможет «примириться с этим, казалось бы, недемократическим актом как с актом американизма» (с. 1885). Некоторые студенты, как Миятаке, были исключены из школы за отказ переписать работы, выражающие их негодование по поводу ситуации. Другие, как Кикучи, обнаружили, что в лагерных школах не было курсов повышенного уровня, что помешало им продолжить подготовку к колледжу. Тем не менее некоторые студенты, такие как Окава и Кавагучи, считали, что образование в лагере было таким же хорошим, как и дома, или даже лучше, как отметил Умемото, благодаря наличию новых образовательных курсов. Номура также отметила, что школа была похожа на обычную среднюю, а академические показатели средней школы в Манзанаре были одними из лучших в Калифорнии.

В подразделе «Учителя» исследователь приходит к заключению, что преподаватели в лагерях имели разную квалификацию и мотивацию. Многие из них были из Бюро по делам индейцев, а учителя японского происхождения, несмотря на наличие квалификации, получали значительно меньшую зарплату. Некоторые преподаватели были высоко мотивированы и преданы своему делу, в то время как другие были неквалифицированными или неспособными эффективно обучать. Текучка кадров приводила к нехватке учителей, и иногда студентам с хорошей успеваемостью приходилось временно преподавать самим. Несмотря на это, многие бывшие ученики вспоминали об учителях, которые проявляли заботу, вдохновляли и стремились подготовить их к будущему.

Один из подразделов посвящен академической конкуренции среди японско-американских студентов. По наблюдениям автора,

она была обычным явлением, и некоторые считали, что это повышало стандарты обучения. Гроувс и Наката отмечали, что конкурентная среда в лагерных школах помогла им быть впереди своих сверстников после возвращения в обычную школьную систему. Однако Миятаке и Хашимото наблюдали, что со временем некоторые ученики становились более «враждебными по отношению к существующему положению» и «немного мятежными [...] особенно на уроках истории и основ гражданства и права» из-за мрачного будущего, что затрудняло работу учителей (с. 1888).

В заключение Цзоу Цзунжуй пишет, что, несмотря на тяжелые условия, преподаватели и студенты в лагерях для интернированных американцев японского происхождения проявили удивительную адаптивность и стойкость. Проведенное исследование показало двойственную роль образования в лагерях: оно служило как механизмом выживания в психологически тяжелых условиях, так и инструментом ассимиляции. Тем не менее значительными были и негативные последствия интернирования, включая эмоциональный стресс и прерывание академического прогресса. Исследователь подчеркивает актуальность этого исторического опыта для понимания современных проблем, связанных с расизмом и дискриминацией.

А.Н. Никитюк

Опрел М.

**КАТЕГОРИЗАЦИЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ. КОНФИСКАЦИЯ:
ОБРАЩЕНИЕ С ГРАЖДАНАМИ ВРАЖДЕБНОГО
ГОСУДАРСТВА В НИДЕРЛАНДАХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1944–1967)
(Реферат)**

Oprel M. Categorisation. Classification. Confiscation: dealing with enemy citizens in the Netherlands in the aftermath of World War II (1944–1967) // *European review of history = Revue européenne d'histoire.* – 2021. – Vol. 28, N 2. – P. 260–277.

Статья Марике Опрел (Университет Неймегена, Нидерланды) посвящена вопросам обращения с гражданскими лицами, имевшими гражданство враждебного государства, в Королевстве Нидерландов после Второй мировой войны. Особое внимание уделяется категоризации и классификации граждан Германии. Исследователь рассматривает значение и последствия ярлыка «гражданин вражеского государства» (*нидерл.* vijandelijke onderdaan) и то, как политика в области гражданства и национальности приводила как к исключению, так и к интеграции в послевоенное общество Королевства Нидерландов.

В ожидании окончания Второй мировой войны правительство Нидерландов в изгнании, находившееся в Лондоне с мая 1940 г., классифицировало всех гражданских лиц немецкой национальности как граждан вражеского государства. Юридическим основанием для этого послужил декрет E-133, известный как Декрет о вражеской собственности, принятый 20 октября 1944 г. «Этим декретом все граждане Германии и другие граждане, связанные с державами Оси Италией и Японией, были классифицированы как граждане противника. Указ давал право голландскому государству конфисковывать все активы, принадлежащие гражданам противника, находя-

щимся под юрисдикцией Королевства Нидерландов» (с. 261). Таковыми считались, в частности, лица, которые являлись гражданами вражеского государства с 10 мая 1940 г., а также лица, которые не были ни голландцами по происхождению, ни гражданами Нидерландов, но были объявлены гражданами вражеского государства министром юстиции. В то же время такая классификация оставляла ряд вопросов открытыми (с. 262).

Главной целью конфискации вражеских активов было получение репараций от Германии и ее граждан для компенсации потерь, понесенных Нидерландами во время войны. Этот подход был мотивирован сильными чувствами мести и гнева, вызванными немецкой оккупацией. Однако, как отмечает автор, «разрываясь между интересами Нидерландов и требованиями союзников, с одной стороны, и немецкими оккупантами, которые все еще контролировали центральные и северные провинции Нидерландов в 1944 г., с другой, Военное ведомство (Militair Gezag, MG) столкнулось с трудной задачей контроля первых шагов этого процесса “правового возмещения”» (с. 261–262).

После капитуляции Германии в мае 1945 г. управление и контроль над активами граждан вражеских государств и / или вражеских предприятий осуществлял вновь созданный Нидерландский институт по управлению имуществом (Het Nederlands Beheersinstituut, NBI). «Целью этой структуры была ликвидация активов путем продажи или иным образом в пользу голландского государства. NBI также был уполномочен рассматривать претензии и просьбы вражеских граждан, которые ходатайствовали об отмене этого статуса, чтобы очистить свои имена и вернуть свои активы» (с. 262).

Согласно логике послевоенной голландской политики, принадлежность к немецкой нации сама по себе определяла «враждебность» гражданина. При этом, казалось бы, однородная голландская национальная идентичность составляла критерии для так называемой *ontvijanding*, т.е. для отмены этой «враждебности» (с. 261). В качестве параметров для оценки также использовались этническая принадлежность, класс и пол. Как показывают примеры из статьи, «тысячи гражданских лиц, классифицированных голландским правительством как граждане Германии, несправедливо пострадали от статуса своего (бывшего) немецкого гражданства» (с. 261).

Определение «гражданина вражеского государства» в декрете E-133 было очень широким. Оно охватывало не только граждан Рейха, но и жителей территорий, аннексированных или оккупированных Германией с 1938 г. Многие граждане Австрии были классифицированы как немецкие вражеские граждане из-за аннексии в

1938 г., после которой они получили немецкое гражданство. Нидерланды, в отличие от союзников, не придерживались «теории жертвы» по отношению к Австрии (с. 265). Только после 1948 г. процедуры для австрийцев были упрощены, если они могли предоставить официальное свидетельство об австрийском гражданстве и доказать проживание в Нидерландах до 1940 г. и политически правильное поведение. Вместе с этим «голландское правительство не планировало освободить свои активы – наследство и, например, акции находились на хранении. Только в 1955 г. правительства Нидерландов и Австрии наконец пришли к финансовому соглашению» (с. 265).

Жители Судетской области и вольного города Данцига также были отнесены к категории вражеских граждан, исходя из географического определения немецкого рейха. Их немецкое гражданство часто было навязано оккупантом и не признавалось международным правом. «Вопрос о том, по праву ли эти этнические немцы считались ответственными за финансовую компенсацию, является дискуссионным, но анализ послевоенной судебной практики показывает, что этнические немцы проходили длительные и сложные процедуры отмены статуса вражеских граждан» (с. 266). Случай братьев Вебер из Судетской области ярко иллюстрирует эту несправедливость, хотя их статус в конечном счете был изменен в 1955 г. (с. 266).

Многие голландки, вышедшие замуж за немцев до войны, теряли свое голландское гражданство и приобретали немецкое. После принятия декрета E-133 они также были включены в категорию вражеских граждан. Женщины, вышедшие замуж за немцев после мая 1940 г., по другому декрету сохраняли голландское гражданство, получая двойное. В целом NBI уделял основное внимание мужчинам как основным владельцам активов, однако пол мог играть в пользу женщин, особенно если речь шла о голландках или матерях с детьми.

Хотя нацистское законодательство лишило евреев немецкого гражданства, голландские власти объявили нацистские законы недействительными, что привело к регистрации многих бывших немецких евреев как граждан Германии и, соответственно, вражеских граждан. Другие были классифицированы как «лица без гражданства из Германии» (с. 269). Документы показывают, что «администраторы не проявляли чувствительности к различиям внутри еврейского населения. Термин или ярлык “еврей” использовался в качестве обобщающего термина для определения очень разнородной, этнорелигиозной группы евреев с различными культурными,

этническими, религиозными, политическими, генеалогическими и личностными аспектами» (с. 269).

Жертвы нацистских преследований формально не рассматривались как вражеские граждане, но бремя доказывания лежало на них самих, что часто требовало получения труднодоступных документов о смерти или депортации. По возвращении в Нидерланды Отто Франк (отец Анны Франк) сначала считался немецким гражданином и, следовательно, относился к категории вражеских граждан. Но летом 1946 г. правительство изменило свою позицию и приняло новое правило, согласно которому еврейские беженцы из Германии рассматривались как лица без гражданства. Это заметно ускорило рассмотрение ходатайства О. Франка. Несмотря на это, многие еврейские беженцы сталкивались с трудностями и задержками в процедуре.

Официальные инструкции по процедуре отмены «вражеского» статуса были установлены только в 1948 г. Согласно им, гражданин вражеского государства мог претендовать на восстановление в правах только в голландских интересах или если он соответствовал следующим критериям: 1) проживал в Нидерландах до войны; 2) интегрировался в голландское общество; 3) вел себя во время войны «как большинство голландцев, т.е. де-факто не принимал сторону врага» (с. 271). Критерий интеграции был нечетким, но при оценке учитывались знание голландского языка, социализация в местных школах и членство в общественных организациях. Самым важным критерием было поведение во время войны: нужно было предоставить доказательства «типично» голландского поведения, которое ассоциировалось с сопротивлением оккупации. Это включало в себя прослушивание лондонского радио (Radio Oranje), распространение нелегальных газет, предоставление убежища преследуемым (с. 271).

Состояние войны с Германией было официально отменено 26 июля 1951 г. Однако новый закон, принятый незадолго до этой даты, предусматривал, что все конфискованное имущество остается в распоряжении голландского государства. Только в 1969 г. в ФРГ был принят закон, позволяющий пострадавшим немецким владельцам в Нидерландах подавать иски о компенсации, но из-за принципа пропорционального распределения выплаты были незначительными. С финансовой точки зрения конфискация вражеских активов была весьма выгодна для государства, принесла к началу 1960-х годов 750 млн голландских гульденов.

Марике Опрел делает вывод, что послевоенная политика гражданства и национальности в Нидерландах была «неупорядо-

ченной и тернистой». Определение «немца» было подобно «большой сети, заброшенной, чтобы поймать не только крупную рыбу» (с. 273). Конфискация и классификация были произвольными и непоследовательными, а отказ от компенсации для пострадавших немецких владельцев вызывает критику. Решения NBI часто отражали личные убеждения администраторов и субъективные мнения о «правильном» и «неправильном» поведении.

Нормативные критерии голландского гражданства (поведение, интеграция) использовались для оценки обращений вражеских граждан. Истории этих людей показывают, что их национальность не всегда определяла их лояльность или идентичность; многие проявляли транснациональную или многонациональную лояльность. Голландское правительство в основном оценивало поступки, а не самих людей. Однако даже те, кто демонстрировал «голландское» поведение, часто оставались чужаками.

История граждан вражеских государств показывает, что сортировка людей по признакам гражданства и национальности может приводить к институционализированным предубеждениям и культурным расколам (с. 273). В то же время она выявляет послевоенную реконфигурацию голландского гражданства, включающую в себя построение идентичности и гражданских добродетелей. По сути, статус гражданства стал инструментом для различения «своих» и «чужих», для выявления «настоящих» членов общества. Подчеркивается, что маркирование граждан Германии как врагов и экспроприация их имущества «являются забытым эпизодом в послевоенной истории Нидерландов» (с. 263). Связь гражданства с поведением, которая до сих пор актуальна в интеграционных процедурах, на практике сильно зависела от контекста.

Е.А. Буздалина

О.В. Большакова

**ЖЕНЩИНЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
(Обзор)**

В 1970-х годах, на заре возникновения в Соединенных Штатах женской социальной истории, была сформулирована главная ее задача: «сделать женщин видимыми», вывести из тени и показать их вклад в историю человечества. Как и в социальной истории в целом, речь шла о том, чтобы дать право голоса угнетенным и «молчаливым» творцам истории, не звучавшим в публичном дискурсе и, соответственно, остававшимся безвластными: крестьянству и рабочему классу, женщинам, жертвам колониализма. За них, как было тогда заявлено, всегда говорили «белые пожилые обеспеченные мужчины», вкладывая в исторический нарратив свои понятия и интерпретации.

С тех пор прошло более полувека. Женская история и возникшие вскоре гендерные исследования, крестьяноведение, постколониальные исследования, следуя естественному закону, прошли пик своего развития в 1990-х – начале 2000-х годов, однако не исчезли с научного небосклона. И в ходе начавшегося в 2010-х годах «левого поворота» новое поколение исследователей вернуло повестку социальной истории, заявленную на волне движения за гражданские права, кульминацией которого был 1968 г. На примере темы «женщины во Второй мировой войне» посмотрим, как разворачивается этот процесс, который, как кажется, вернул историографию в 1970-е годы.

Активно разрабатывавшаяся в зарубежной историографии с 1990-х годов, тема «женщины и война» охватывает, помимо задачи «сделать женщин видимыми», множество актуальных для женской истории и гендерных исследований проблем. Она позволяет не только показать женский «вклад в победу», но и рассмотреть

динамику концептов фемининности и традиционных женских ролей, материнства и детства, сексуальности и насилия в период наибольшего напряжения социальных сил, каковым является война. Испытаниям тогда подверглись не только жизнь и здоровье людей, но и общепризнанные представления и социальные нормы, что оказало глубокое воздействие на гендерный порядок – базовые устои, на которых зиждется общество.

Лидирующие позиции здесь, как и в других областях мировой историографии, занимает американская – в силу прежде всего инфраструктурных причин: США по-прежнему остаются центром притяжения для исследователей и студентов со всего мира, обеспечивая им возможности для учебы и работы. Чуть отстают в этом отношении британцы, но в то же время в условиях глобализации, когда английский язык окончательно стал языком научной коммуникации, Соединенное Королевство является важным образовательным и исследовательским хабом для специалистов в области женской истории и гендерных исследований. Германские историки, начавшие активно изучать тему «женщины и война» в начале 2000-х годов, все чаще публикуются на английском языке и входят таким образом в современную мировую историографию.

Несколько десятков статей, монографий и других изданий, вышедших в 2019–2024 гг. на английском языке и принадлежащих перу специалистов по женской истории из самых разных стран, дают возможность выделить тематические предпочтения и обрисовать определенные тенденции.

При том что исследования темы «женщины во Второй мировой войне» в настоящее время занимают в историографии периферийное положение, общие тенденции мировой гуманитарной науки отражаются в них особенно выпукло – как и в любой второстепенной историографии, склонной полагаться на конвенциональные постулаты и обращаться к рассмотрению частных сюжетов, конкретизирующих и подтверждающих утвердившиеся в научном дискурсе представления.

Одним из важнейших в данном случае является признание глобального характера Второй мировой войны, что предполагает усиленное внимание к локальному (такова диалектика глобализации). Соответственно, изучается женский опыт в самых разных уголках земного шара, в той или иной мере затронутых войной¹.

---

¹ В расширении географического охвата нынешней историографии играет свою роль и инклюзивный характер американского и британского образования: исследователи предпочитают изучать и описывать места, где они родились и выросли.

В сборнике «Женский опыт во Второй мировой войне: изгнание, оккупация и повседневность» получили освещение не только регионы Европы и СССР, но и Новая Зеландия, США и Канада, Япония и Китай. Подчеркивается, что в этой войне провести разделительную черту между полями сражений и их «мирным» окружением почти невозможно, хотя бы потому, что погибших среди гражданского населения было гораздо больше, нежели военных [Women's experiences ... , p. 1].

Базирующиеся главным образом на дневниках и переписке, а также на устной истории, статьи сборника поднимают вопросы о гендерной идентичности, о новых социальных ролях женщин, о межрасовых и межнациональных отношениях. В документах личного происхождения постоянно звучит тема невнимания, недооценки и непризнания заслуг женщин именно по причине их принадлежности к противоположному полу. Как в капле воды в сборнике нашли отражение сюжеты, актуальные для изучения темы в целом: участие женщин в боевых действиях, в том числе в качестве медсестер; их работа на заводах, в государственных учреждениях и множестве других организаций; военнопленные и интернированные; ужасы Холокоста и нацистской оккупации; женское сопротивление. Нерасторжимо связана с «женской» тема «дети и война», которая, будучи самой эмоционально заряженной, всегда изучалась достаточно активно.

Адаптация и сопротивление

Сопротивление и адаптация – две жизненные стратегии, которые изначально находились в центре внимания женской истории. Женское сопротивление и адаптация в условиях войны и оккупации изучаются в настоящее время в концептуальных рамках истории повседневности и микроистории, что позволяет отойти от фиксации на мужском контроле и доминировании, характерной для женской социальной истории в целом.

Когда речь идет о тыле, который в Великобритании называли home front, адаптация ожидаемо превалирует над сопротивлением. Однако и эту стратегию исследователи интерпретируют как проявление стойкости, т.е. в конечном счете – как форму сопротивления тяжелым обстоятельствам.

Как пишет Мэгги Эндрюс [Andrews], изображение ребенка с противогазом и картонным чемоданчиком, ожидающего на вокзале

эвакуации, стало одним из канонических для нарратива о Второй мировой войне и сопротивлении британцев. В ее монографии речь идет прежде всего о материнстве, причем не только биологическом, но и социальном: в центре внимания находятся женщины, на чьи плечи легла забота об эвакуированных детях.

Давно было сформулировано, что война противоположна природе женщины, она является «надругательством над материнством», уничтожая результаты «женской работы»: давать жизнь и обустраивать домашний очаг [Andrews, p. 6]. Автор фиксирует, как в ходе войны представление о присущем женщинам «природном инстинкте заботы» приобретает публичное измерение. Материнство в разных своих ипостасях (биологическое, приемное, социальное) становится объектом общественных ожиданий. Долг, необходимость «поступать правильно», чувство вины, сопереживание и симпатия к другим, наряду с патриотизмом и поддержкой военных усилий нации, – все эти категории публичного дискурса стали в полной мере прилагаться к женщинам, что «вынуло» их, в большинстве своем домохозяек, из частной жизни [Andrews, p. 2].

Эвакуация, представлявшая собой «колоссальный социальный эксперимент» и ставшая важной частью британского нарратива о Второй мировой войне, явилась той точкой, где публичное и частное переплетались нерасторжимо. Она кардинально поменяла жизнь множества семей, и участие в этом масштабном мероприятии принимали национальные и местные органы власти, волонтерские организации, учителя, но также и домохозяйки, дававшие приют детям, которых не всегда сопровождали их матери. Автор убеждена в том, что эвакуация детей была необходима, хотя в XXI в. с его «новой этикой», озабоченной охраной прав и психологического благополучия ребенка, в этом сомневаются все больше, не понимая реалий войны и того, что на кону стояло физическое выживание. По ее словам, число погибших при бомбежках Лондона и других крупных городов Великобритании детей (60 тыс.) сопоставимо с количеством жертв катастрофической бомбардировки Дрездена союзниками 13–15 февраля 1945 г. [Andrews, p. 1, 5].

В соответствии с традициями социальной истории автор рисует женщин не пассивными жертвами, а деятельными участниками происходящего – другое дело, что они оказались в обстоятельствах, которые не выбирали сами. В каком-то смысле они стали и выгодоприобретателями благодаря тем возможностям выйти из частной сферы и реализоваться социально, которые предоставила им война [Andrews, p. 3].

Исследование Мэгги Эндриус сосредоточено на одном из центральных графств – Стаффордшире и, соответственно имеет региональную «очень английскую» специфику. Будучи основано на письмах, дневниках и воспоминаниях, материалах устной истории, но главным образом на местных архивных источниках, которые подкрепляются публикациями в прессе, оно ориентировано на воссоздание повседневной стороны эвакуации, ее «интимного, домашнего опыта»: делать сэндвичи и чинить одежду, совершать прогулки на природу и праздновать Рождество – всего, что составляло суть заботы об эвакуированных детях, в которую были вовлечены миллионы британских женщин. Их голоса можно отыскать среди свидетельств местных чиновников, квартирьеров, подбиравших жилье для эвакуированных, волонтеров, полицейских и учителей, детских психологов [Andrews, p. 4–5].

В то же время в книге дается основательный социальный и институциональный исторический контекст: описывается концепт материнства и детства в довоенной Англии; разработка эвакуационных планов в 1930-е годы и их корректировка в соответствии с изменяющимися реалиями; волны эвакуации, начиная с сентября 1939 г., и изменения ее направлений после оккупации Гитлером Европы; активизация в период с 7 сентября 1940 г. до мая 1941 г. (так называемого Блица – массированных бомбардировок Лондона, а затем и других крупных городов). Тогда рождается как явление неорганизованная, «народная» эвакуация семей, изнемогающих под бомбежками и потрясенных картинами ежедневной гибели соседей. Соответственно, подсчитать точные цифры не представляется возможным, но в любом случае речь шла о миллионах.

Как пишет автор, в условиях, когда благополучие детей стало общенациональной заботой, правительство вторглось не только в дома, но и в спальни (квартирьеры и волонтеры инспектировали жилье, в том числе, например, занимались нешуточной проблемой намоченных ночью постелей и ее финансовыми последствиями) [Andrews, p. 31–32]. В 1940 г. центральное место в дискуссиях о проблемах эвакуации заняли социологи, психологи и психоаналитики, озабоченные купированием детских страхов, и конечно, политические деятели. В частности, была создана специальная женская парламентская комиссия. В результате родился стандарт «позитивной эвакуации» вполне мифологического характера, неразрывно связанный с не менее мифическим концептом «хорошей матери», беззаветно преданной ребенку и обязанной предоставлять ему достойные условия существования и психологический комфорт, т.е. не работать (при том что большинство эвакуированных

принадлежало к рабочему классу и не имело сбережений) [Andrews, p. 47–49]. В ситуации тесного контактирования представителей разных классов социальное неравенство проступило особенно резко, при этом контроль, означавший вторжение в частную жизнь рабочих семей представительниц среднего класса с их ценностями и стандартами, усиленно поддерживался государством [Andrews, p. 43]. Дети из таких семей считались «проблемными» во всех отношениях, включая физическое развитие, а их матери никогда не дотягивали до идеала. В то же время между волонтерками, рекрутированными из рабочего и нижнего среднего классов, и семьями эвакуированных скромного достатка скорее устанавливались не иерархические, а соседские и сестринские отношения [Andrews, p. 148].

В книге последовательно рассматриваются отдельные группы женщин, затронутых эвакуацией: матери, принимавшие непростое решение отправить своих детей в безопасное место (иногда за границу) и расстаться с ними на неопределенный срок; матери, отправившиеся в неизвестность вместе с детьми, оставив дома мужей (решившиеся на разделение семей); женщины, принявшие эвакуированных детей и ставшие в итоге приемными родителями, – самая недооцененная группа¹, чьи тяготы были не только эмоциональными, но и материальными (плата государства за предоставленное жилье и помощь волонтерских организаций не покрывали расходов); оплачиваемые «суррогатные матери» – учителя эвакуированных школ и интернатов, а также принимающих школ; социальные и медицинские работники, администраторы эвакуационных органов и др.; «социальные матери» – волонтеры, большинство которых составляли «добровольно мобилизованные» домохозяйки.

В заключительной главе рассматриваются мифы и воспоминания об эвакуации детей как составная часть нарратива о Второй мировой войне, согласно которому «маленькая изолированная Британия» героически сражалась за демократию против ее злейшего врага [Andrews, p. 167].

Как отмечает М. Эндрюс, начавшийся в последние десятилетия XX в. «бум памяти» шел рука об руку с возрастающей популярностью социальной истории как хобби, с популяризацией Второй мировой войны по ТВ (TV-history) и активным распространением материалов устной истории, автобиографий и воспоминаний. Большую роль сыграла созданная в 1995 г. British Evacuees

---

¹ В конце войны этой категории женщин было направлено благодарственное письмо королевской четы [Andrews, p. 118].

Association, объединившая бывших эвакуированных и продвигавшая тезис, что они являлись жертвами войны. Воспоминания об эвакуации в форме семейных историй, презентаций в поп-культуре и музеях, в научных и популярных книгах сыграли свою роль в складывании в XXI в. нарратива об эвакуации как «народной войне», который воплощает «британскость» и, как и другие мифы, объединяет нации (воображаемые сообщества) [Andrews, p. 172].

Автор подчеркивает при этом, что историки давно ставят под сомнение и пытаются опровергнуть этот нормативный ностальгический миф о всенародном единстве. В их исследованиях показано, что в то время как люди с деньгами хорошо питались и могли жить в отелях, бедные стояли в очередях за продуктами и отоваривали карточки; в стране тогда процветали расизм и антисемитизм – так что во многих отношениях Вторая мировая война скорее укрепила, чем разрушила классовые и гендерные перегородки [Andrews, p. 173].

Безусловно, пережитый опыт эвакуации побуждал женщин мечтать о своем доме и радостях частной жизни (хотя жилищный кризис в послевоенной Великобритании отодвигал эти мечты в далекое будущее, а карточная система была отменена окончательно лишь в 1954 г.). И с этой точки зрения трудно отрицать выводы предыдущих исследователей, что сложившийся в военные годы официально одобряемый идеал женщины – матери семейства и хранительницы домашнего очага – нашел свое воплощение в ценностях социального государства (welfare state – «государства всеобщего благосостояния»), так же как и выработанные тогда практики государственного контроля. Однако, как показывают многочисленные проанализированные в книге личные истории, женский опыт повседневной стойкости в тяжелых обстоятельствах был крайне разнообразен, и помимо навязывавшегося сверху нормативного идеала женщины-матери, консервативного по своей сути, он содержал в себе и зерна феминизма 1970-х годов [Andrews, p. 180–182]¹.

О том, как женщины приспосабливались к военным условиям, пишет и историк моды, независимый исследователь Джеральдина Хауэлл. Специально для издательства «Блумсбери» она вела работу над проектом, основанным на ранее не использовавшемся и в

---

¹ К тому же выводу пришла Лайза Гринуолд, рассматривающая послевоенную историю французского феминизма, траектория которой радикально отличается от американской. Акцент в ее статье, в отличие от монографии Эндрус, делается на «двойной эксплуатации» французских женщин в годы Второй мировой и Алжирской войн обеими сторонами конфликтов (что и вдохновило французенок на политический анализ мужского доминирования) [Greenwald].

каком-то смысле идеальном для реконструкции повседневности источнике – популярном иллюстрированном журнале *Picture Post*, который начал выходить осенью 1938 г. Идея основателя журнала Стефана Лорана, бежавшего из Германии в 1934 г., состояла в том, чтобы посредством фоторепортажей, снабженных интересными описательными текстами, показывать читателю все культурное разнообразие Британии – не только жизнь знаменитостей, но и обыденное существование простых людей. Это была новаторская фотожурналистика, сфокусированная на образе жизни, где не последнюю роль играли одежда и стиль. Новаторство обеспечивалось привлечением к сотрудничеству не только одаренных фотографов, но и журналистов и писателей, среди которых были Дж.Б. Пристли и Г. Уэллс. Социал-демократическая и антифашистская позиция издателя обуславливала особое внимание к острым и правдивым материалам, рассказывающим, в том числе, истории об «обыкновенных и менее обыкновенных женщинах в необычайные времена» [Howell, p. 23].

В результате получилась хроника войны, точнее, жизни тыла, рассказанная через историю одежды. Автор прослеживает, как менялось понимание моды у разных социальных групп женщин, от знаменитостей до простых уборщиц, начиная с объявления войны Гитлеру Великобританией 3 сентября 1939 г. К осени 1944 г. стало ясно, что война идет на спад, что индустрия высокой моды во Франции выжила, и мода начинает медленно, а к весне 1945 г. все быстрее переориентироваться на мирное время.

Фактически в исследовании Дж. Хауэлл разворачивается картина постепенного оскудения – несмотря на то что в первые годы войны благодаря резкому росту военных заказов исчезает безработица и наблюдается некоторое повышение доходов в бедных домохозяйствах. Тем не менее цены растут, возникает дефицит, устанавливается система нормирования продуктов и товаров. Одежда становится предметом далеко не первой необходимости: первенство держат покупка продуктов питания, оплата жилья, освещения и отопления. Мода и женственность, казалось бы, отступают на задний план, но, как показывает автор, они лишь претерпевают определенные изменения.

Анализируя номера журнала, Дж. Хауэлл показывает, что собой представляли стандарты красоты и стиля накануне и в первые месяцы войны, когда мода «переживала период последнего буйного цветения» перед тем, как превратиться в «боевую силу» [Howell, p. 72]. В 1940–1941 гг., с развитием военной промышленности и возникновением множества связанных с войной служб,

женщины становятся востребованной рабочей силой. Униформа, и не только военная (для разных профессий существовали соответствующие формы одежды), быстро занимает заметное место в обиходе. Население привыкает видеть женщин в комбинезонах и рабочих брюках, хотя кто-то продолжает считать, что брюки подрывают устоявшиеся нормы женственности. В условиях дефицита товаров и средств рождается мода на практичную и износостойкую одежду. В сюжетах о стиле неприкрытую роскошь заменяют «разумность и непритязательность», но с сохранением элегантности [Howell, p. 88]. В годы войны, подводит итог автор, мода перестает олицетворять творческие изменения и все чаще означает «творческую подстройку» и доработку существующих моделей и силуэтов [Howell, p. 165] – т.е. также адаптацию.

Интересным источником сведений, как женщины адаптировались к военным условиям, является рубрика практических советов: как «с умом» покупать одежду по талонам («мода по карточкам»), как ухаживать за ней, чтобы она дольше прослужила, какую альтернативу придумать шелковым чулкам после того, как правительство приняло решение прекратить производство шелка для гражданских целей. Как обновлять одежду при помощи аксессуаров, чтобы выглядеть «на уровне», и многое другое, включая шитье и вязание, «практичную готовку и экономный уход за садом», украшение дома и поддержание комфорта с использованием более простых и доступных средств, что позволило бы сохранять женственность, несмотря на урезание норм распределения в 1944–1945 гг. Помещенные в журнале цветные фотографии сделанных своими руками предметов одежды и обихода стали «яркими и креативными метафорами способности держаться» в «мрачные, трудные и опасные времена» [Howell, p. 136].

В то время как в тылу женщины, по словам Дж. Хауэлл, «приспосабливались и принимали жизнь такой, какова она есть» [Howell, p. 136], в оккупированной Европе повседневное существование всегда означало ту или иную степень сопротивления.

Очаги прямого сопротивления, немногочисленные и малозаметные, исследуются в нескольких публикациях. Такова недавняя книга ветерана женских исследований Пола Шворц «Сегодня сардины не продаются» о «женском бунте» в Париже 31 мая 1942 г., организованном компартией [Schwartz]. Акция, направленная против политики вишистского режима, который ввел карточную систему и на который возлагалась ответственность за дефицит и голод, была тщательно спланирована: женщины взяли штурмом небольшой продуктовый магазин, расположенный в людном месте,

а затем начали раздавать стоявшим в очереди банки сардин, что было воспринято с большим энтузиазмом. Их прикрывали мужчины, оказавшие сопротивление полиции (в результате погибли двое полицейских); некоторые участники были арестованы и позднее казнены. Автор провела микроисторическое исследование, основанное на архивных источниках и воспоминаниях Мадлен Марзан (Madeleine Marzin), ведущего организатора протеста, которой удалось бежать из-под стражи, и до конца войны она находилась на нелегальном положении.

Подробно реконструируя событие, его прямые и отдаленные последствия, а также биографии участников, П. Шворц подчеркивает символическую значимость женского протеста, который сегодня получает слишком мало внимания историков. В годы Второй мировой войны он, естественно, носил эпизодический характер, и голоса женщин были почти не слышны. Об этом пишет Сара Кимбл, воссоздавшая в своей статье историю выступления женщин против жестокостей войны на международном уровне. В 1942 г. Комитет связи международных женских организаций выпустил документ, ставший частью только разворачивавшейся кампании, направленной на осуждение военных преступлений, включая уничтожение евреев [Kimble].

75-летию самого известного женского протеста времен Второй мировой войны – выступлению на Розенштрассе в центре Берлина в конце февраля – начале марта 1943 г., единственной массовой публичной демонстрации немцев против депортации евреев, – была посвящена конференция, прошедшая в Колумбийском университете в 2018 г. при спонсорстве консульства Германии в Нью-Йорке. В ней приняли участие историки, политики и общественные деятели из Израиля, Германии, Италии и США, а по итогам был издан сборник статей «Женщины, бросившие вызов Гитлеру: спасение и сопротивление при нацизме» [Women defying Hitler].

Центральное место в нем заняли публикации, посвященные самой демонстрации на Розенштрассе, где в здании бывшей еврейской богадельни недалеко от штаб-квартиры гестапо содержались 2000 человек – тех, кто был женат на немках, а также «мишлинге», лиц смешанного еврейско-арийского происхождения. Происходило это в рамках «фабрикации» – последней крупной облавы на евреев в Берлине для депортации их в концлагеря на Востоке для работы на заводах, когда 27 февраля в городе были арестованы приблизительно 10 тыс. человек. Сразу же возле здания стали собираться жены и близкие арестованных, толпа скандировала «Верните нам наших мужей!», и призывы полиции очистить улицу не имели

результата. Демонстрация продолжалась несколько дней, и в конце концов арестованные были освобождены. В статьях сборника уточняются детали и рассматривается история изучения темы, сохраняющей свою дискуссионность. До настоящего времени остается нерешенным вопрос, явилось ли «чудо» освобождения арестованных результатом женского протеста или же режим, амбивалентно относившийся к смешанным бракам, «сам» оставил их в живых (и почему он это сделал).

В то же время в сборнике ставится проблема специфики женского протеста (и неповиновения в целом), который, в отличие от политической мотивации мужчин, защищающих «честь страны», направлен на сохранение «личной неприкосновенности», на то, чтобы изо дня в день отстаивать то, что женщина считает для себя правильным, чтобы «жить не во лжи» [Women defying Hitler, p. 6]. Рассматривается также его связь с функцией «спасения», нацеленной на сохранение жизни, что признается неотъемлемой чертой фемининности. Некоторые статьи посвящены историям о спасении евреев в условиях нацистской оккупации. В центре внимания находятся женщины, по большей части еврейки – сюжет достаточно острый, поскольку спасительницы находились под двойным риском по причине своей национальности.

Сексуальность и сексуальное насилие

Более широкое по сравнению с женской социальной историей исследовательское поле гендерной истории, занимающейся изучением и женщин, и мужчин, дает возможность обратиться к проблеме сексуальности, понимаемой в духе концепций Мишеля Фуко о власти, которая пронизывает отношения между полами на всех уровнях, от личного до общегосударственного. Плодотворно работают в этом направлении германские историки, опирающиеся на давнюю традицию истории повседневности (Alltagsgeschichte) в своей стране и очень корректно инкорпорировавшие в нее достижения французского структурализма. В центре внимания нескольких авторов находятся запрещенные правительствами воюющих государств интимные отношения с врагом, а поскольку нацистское государство было расистским, в исследовательское поле включается важнейшее для современной зарубежной науки понятие расы и связанной с ним проблемы дискриминации по расовому признаку.

Две книги германских исследовательниц Регины Мульхаузер и Марен Рёгер, выпущенные, соответственно, в 2010 и 2014 гг.,

были недавно переведены на английский язык и стали доступны широкой аудитории. Обе посвящены отношениям солдат Вермахта и СС с женщинами на Восточном фронте – в Польше и СССР. Обе характеризуются скрупулезным и глубоким анализом источников, которые не так легко выявить и еще труднее интерпретировать объективно и бережно (поскольку это ни в коей мере не нейтральные данные). Объективность в данном случае особенно необходима, если учесть десятилетия мифологизации и умолчаний. После публикации книги Р. Мульхаузер журнал «Шпигель» написал, что разрушен «последний миф о чистом Вермахте» [Muhlhauser, p. 9]. И это притом, что автор рассмотрела весь спектр сексуальных контактов – насильственные, по обоюдному согласию, коммерческие, – которые имели место на территории Советского Союза во время войны и оккупации. Однако она всячески подчеркивает, что в ситуации геноцида насильственность (или вынужденность), безусловно, превалировала. Точно так же и М. Рёгер напоминает, что граница между тремя видами сексуальных контактов была «зыбкой» [Röger, p. 16] и прежде всего это были отношения между оккупантами и оккупированными.

В работах германских исследовательниц рассматривается фактически один сюжет на материале двух разных территорий, однако их подходы несколько различаются. Рёгер основное внимание уделяет властным институтам, начиная свое исследование с подробного рассмотрения регулируемой проституции: как организовывались публичные дома в оккупированной Польше, как они финансировались, какие цели преследовали (помимо чисто медицинских – еще и «поддержка» солдатской маскулинности, требовавшей сексуального удовлетворения); какая там была обстановка («организованное изнасилование в условиях террора»), как рекрутировались туда женщины. Рассматривается уличная проституция, зарегистрированная и нелегальная, которую власти также старались контролировать, но не всегда успешно, поскольку для польских женщин заработок был чаще всего вопросом выживания и они проявляли недюжинную изобретательность.

Затем анализируются контакты в условиях расовой сегрегации (и евреи, и славяне считались «расово неполноценными»): ситуации, в которых они оказывались наиболее вероятными (совместная работа), типы и траектории развития эмоциональных отношений, иногда доходивших до стадии супружеских, и чем они заканчивались (часто рождением ребенка). Уделено внимание мотивации сторон, причем прежний концепт «секса для выживания» заменен концептом «сексуальный бартер», подчеркивающим обо-

юдность, и не обязательно только материальную (защита, желание человеческого тепла).

Немалое место отводится рассмотрению дисциплинирующей власти нацистского государства (включая регистрацию браков), с одной стороны, и позиции польских патриотов, осуждавших контакты женщин с оккупантами и применявших к ним наказания, от бритвы головы до смертной казни, – с другой. Только последние две главы посвящены сексуальному насилию. Как принято в немецкой историографии, создается его типология, включая оскорбления и шантаж, домогательства на рабочем месте, и выделяются три волны сексуального насилия: период завоевания, т.е. первые несколько недель, относительное затухание в период оккупации и волна массовых изнасилований евреек при подавлении восстания в Варшавском гетто. Отдельная история – рассмотрение редких жалоб жертв изнасилований полицией и судами, которые заканчивались для немецких военных предупреждением, заключением под стражу или отправкой на Восточный фронт.

Мульхаузер больше интересуется частной жизнью и телесной, а не социальной стороной сексуальности, подчеркивая, что в период войны даже сенсорное восприятие людей (не только воюющих) меняется. Она, напротив, начинает с сексуального насилия – и им же и заканчивает, что совершенно понятно, учитывая характер войны на уничтожение, которая велась в Советском Союзе. Несмотря на то что свидетельства о насилии (включая сексуализированные издевательства над женщинами, особенно оказавшимися в руках полиции или гестапо) крайне скудны по сравнению с Западной Европой и Польшей, Мульхаузер удается реконструировать то, как относились к этим актам немецкие солдаты и что переживали женщины, а также описать разные формы насилия. В ее арсенале – фотографии из альбомов немецких солдат, которые она «прочитывает» более чем внимательно, эго-документы, протоколы судебных заседаний и многое другое.

Автор отмечает, что дела о сексуальном насилии рассматривались крайне редко, отчасти и потому, что превалировало «негласное правило войны» – победитель имеет полное право совершать насилие над женщинами непосредственно после боя, оно представляет собой один из видов «оружия» [Muhlhauser, p. 34]. Сами солдаты не считали эти акты «сексом» в полном смысле слова, о чем говорит их публичный характер – в присутствии сослуживцев, членов семьи, перед строем пленных. Мульхаузер интерпретирует их как «средство невербальной коммуникации между оккупантами и оккупированными», нацеленное на утверждение

своей власти, на подавление и расчеловечивание побежденных [Muhlhauser, p. 42].

Далеко не всегда изнасилования трактовались как «расовое преступление». В первые месяцы войны, в угаре завоевания, и в ходе массовых уничтожений евреев летом-осенью 1941 г. актов сексуального насилия было очень много. Нацистский закон «О защите немецкой крови и немецкой чести» 1935 г. не действовал за пределами Германии, и только после формирования оккупационной администрации на подконтрольных немцам советских территориях и создания системы еврейских гетто в 1942 г. интимные отношения с «неарийцами» стали регулироваться местными властями, и то чаще всего речь шла о сексе по обоюдному согласию. Но и тогда изнасилования еврейских женщин (а также мальчиков и мужчин) продолжились, хотя в условиях нарастающей нищеты более значимое место начинает занимать проституция. Секс становится делом приватным, «настоящим», и тут вступают в силу государственные запреты. Антисемитизм как часть «политического образования» немецкого солдата поворачивается другим своим лицом, заставляя воздерживаться от контактов или же скрывать их.

В целом исследование Мухаузер дает малоизвестную картину войны как таковой и при этом показывает, что сексуальное насилие являлось неотъемлемой частью Восточного похода (Ostfeldzug).

Обе исследовательницы задаются вопросом, как получилось, что миф о воздержании немецкого солдата оказался столь живучим, – ведь существует достаточное количество источников, свидетельствующих о том, что «сексуальное насилие нацистов никогда полностью не скрывалось» [Muhlhauser, p. 9].

Среди факторов, способствовавших этой живучести, можно выделить общую веру в то, что военными свято соблюдался официальный запрет на контакты с «расово неполноценными» и все проблемы решала регулируемая проституция (система публичных домов). Та же матрица использовалась и союзниками, в том числе на азиатском театре военных действий, хотя расовая неполноценность азиатских женщин прямо не декларировалась. Эта вера имела своей основой терпимое отношение к сексуальному насилию в первые послевоенные десятилетия: и в Европе, и в Азии оно считалось преступлением против чести и достоинства, но при этом рассматривалось почти как естественный «побочный продукт» войны. Лишь в 1999 г. сексуальное насилие во время войны переквалифицировали в военное преступление, преступление против человечности и акт геноцида [Muhlhauser, p. 32].

Еще один фактор лежит в плоскости пропаганды. Рёгер отмечает, что импульсом для ее исследования послужили дискуссии 1990-х годов о сексуальном насилии со стороны военнослужащих Красной армии по отношению к немецким женщинам, обострившиеся на фоне новостей о волне изнасилований в ходе войны в Югославии. Она обратила внимание, что имело место явное замалчивание сексуальных преступлений немцев во Второй мировой войне, и своим исследованием разрушила это молчание.

Следует заметить, что точно так же замалчивались сексуальные преступления союзников в Западной Европе. Эту тему достаточно подробно освещает в обширной статье чешский историк Яромир Мрынька [Mrňka], который обратился к изучению послевоенного «воздаяния» в освобожденной Чехословакии. В статье показано, что практики преследования женщин, сотрудничавших с немцами, были теми же, что и в Западной Европе, а жестокие казни немцев и коллаборационистов на улицах Праги и изнасилования немецких женщин начались там еще до вступления советских войск. Безусловно, Красная армия внесла свой весомый вклад в общее безумие, хотя командование достаточно показательно боролось с актами насилия. Однако новые чешские власти в ходе депортации 3 млн судетских немцев почти не пресекали, а то и одобряли массовые изнасилования выселяемых женщин чешскими патриотами, используя их как инструмент этнической чистки в ходе послевоенного национального строительства, на фоне возрождения национализма и связанного с ним мужского шовинизма. Замалчивание памяти об этих событиях продолжает искажать и исторические исследования, и публичный дискурс [Mrňka, p. 14–15].

Помимо проблемы насилия исследователи Второй мировой войны уже давно занимаются изучением более «мирных» форм интимных отношений. «Любовь между врагами» – так называется книга работающего в США германского историка Рафаэля Шека, посвященная запретным отношениям военнопленных с немецкими женщинами [Scheck]. Написанная в основном по материалам судебных процессов – а таких насчитывается примерно 15–20 тыс. – книга представляет довольно подробную картину повседневной жизни в нацистской Германии в 1940–1945 гг., а также освещает некоторые грани дипломатической истории. Основное внимание уделяется траектории отношений, которая рассматривается в культурно-историческом контексте и состоит из нескольких стадий: их возникновение, течение, обнаружение (часто благодаря доносам), судебное разбирательство, наказание и последующее замалчивание. С особенным сочувствием автор пишет о немецких женщинах,

наказание для которых было гораздо тяжелее и которые были вынуждены жить со своей «социальной стигмой», а то и с незаконными детьми – плодом запрещенной и «постыдной» связи. Книгу нельзя назвать новаторской, поскольку по этой теме существует достаточно обширная литература – как и по истории военнопленных в двух мировых войнах. Тем не менее ракурс, избранный Шекком, отражает сдвиги, которые произошли в изучении опыта военнопленных (POWs) в тотальных войнах XX в. и означают расширение перспективы исследований, сосредоточенных ранее на скрупулезной реконструкции лагерного быта и воссоздании форм сопротивления узников. В 2010-е годы гендерная история обратилась к рассмотрению эмоциональных и интимных отношений военнопленных с гражданским населением, что способствует «дальнейшему стиранию ментальных границ между фронтом и тылом, расширению представлений о культуре и обществе в годы войны в странах-участницах». Эти отношения преодолевали не только колючую проволоку, но и государственные запреты и препоны, налагавшиеся пропагандой [Prisoners of war ... , p. IX].

По итогам конференции 2018 г. в Питтсбурге, в которой приняли участие специалисты из разных стран, был подготовлен сборник, довольно широкий по своему географическому охвату. В него были включены статьи, посвященные Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, СССР, США, Франции, что позволяет говорить о транснациональной перспективе. Хронология его также широка, начиная с истории Первой мировой войны и заканчивая 1956 г., когда были освобождены последние из тех 35 млн человек, кто попал в плен в годы Второй мировой войны.

В ряде его статей подчеркивается, что инициатива принадлежала, как правило, местным женщинам, которые завязывали отношения с пленными в ходе трудовой деятельности. Например, 150 тыс. пленных итальянцев трудились в качестве сельскохозяйственных рабочих в Великобритании вплоть до 1947 г., более 400 тыс. немцев и итальянцев – в сельском хозяйстве и промышленности США, и возникающие отношения между ними и местными женщинами сильно тревожили и правительство, и публику. Однако соображения о необходимости этой рабочей силы перевешивали тревоги по поводу «женской независимости» [Prisoners of war ... , p. 11–12]. Приведенные в сборнике кейсы иллюстрируют попытки жить частной жизнью, несмотря на политическое, идеологическое и военное давление, а также на тяжелые бытовые условия, особенно ужасные для военнопленных в Германии и СССР. Приводятся цифры, согласно которым в Британии умерли лишь 0,03%

пленных, в то время как попавших в советский плен немцев – 35,8%, а в немецком плену погибли 57,5% советских военнопленных [Prisoners of war ... , p. 2].

Сборник завершается публикацией первоисточников, многие из них впервые переведены на английский язык и служат хорошей иллюстрацией к опубликованным статьям. Внимание к источникам – самая положительная черта гендерной истории, которая в лучшую сторону отличает ее как дисциплину от гендерных исследований, занимающихся современностью. В высокой степени подверженные политическим веяниям и не имеющие источниковедческой подготовки историков, специалисты по современности подходят к источникам небрежно и инструментально, трактуя их достаточно произвольно в духе актуальной сегодня в мировой науке темы борьбы с доминированием самого разного рода и тенденции к радикализации. В отсутствие свежих идей продолжается реализация давних установок на изучение маргинальных и угнетаемых групп, при этом происходит закономерное измельчание тематики и предмета исследования, с виктимизацией объектов изучения. Не справившись с осмыслением реалий кардинально изменившегося мира и интеллектуальных новаций пост-постмодерна, с его акцентом на множественности в противоположность прежней линейности и бинарности, исследователи обратились к культурной множественности гендеров, доводя свои поиски до абсурда. Современная женская история также небогата новыми идеями, однако крепко стоит на ногах, и ее развитие под давлением обстоятельств оказалось перенаправлено в другую плоскость – что связано с «бумом памяти», о котором уже говорилось выше.

Историческая память и публичная история

Последствия войны и память о ней составляют важную часть рассматриваемого тематического блока, и потому многие недавние исследования в русле женской истории в большей степени затрагивают послевоенный период. Так, культурная память об участии женщин в освободительной борьбе в Югославии в 1941–1945 гг. исследуется на материале четырех популярных югославских журналов. В центре внимания фигура партизанки, как она подавалась в социалистической Югославии в период правления Иосипа Броз Тито и какой вклад внес этот образ в создание символической фигуры «новой югославской женщины» [Jelušić].

Но большее внимание уделяется конкретно-историческим сюжетам. Например, рассматривается вклад женщин в работу одного из

важнейших подразделений созданной в 1948 г. Международной службы розыска – отдела по розыску детей (Child Search Branch – CSB) [Schmidt, Stone]. Важным направлением является реконструкция военного опыта женщин и борьба за признание их ветеранского статуса в послевоенное время. Таково исследование Сары Перри Майерс о летчицах вспомогательного подразделения Women's Airforce Service Pilots (WASP), чей ветеранский статус не признавался до 1977 г. [Myers]. Автор, музейный работник и историк, вела свою работу при грантовой поддержке Национального фонда гуманитарных наук (NEH), в рамках программы Dialogues on the Experience of War, специально нацеленной на диалог с женщинами-ветеранами; тесно вовлечена она была и в проект устной истории.

Пример Майерс является крайне показательным, поскольку характеризует формат, в котором происходит сегодня изучение темы «Женщины во Второй мировой войне». Его характерной особенностью следует признать появление довольно большого количества монографий, находящихся на стыке профессиональной и публичной истории [см., например: Miller, 2023; Miller, 2024]. И с учетом того обстоятельства, что сегодня в академическом сообществе – особенно в США и Великобритании – существует сознательная установка на преодоление пропасти между «научной» и «народной» историей, можно говорить о тенденции¹.

Не случайно большое место в этом массиве литературы занимают биографии женщин – участниц войны, и не только медсестер и врачей, но главным образом тех, кто может быть интересен широкому читателю: летчиц, снайперов, разведчиц и шифровальщиц, военных корреспондентов и др. Уровень таких работ весьма

---

¹ Об этом говорила в 2021 г. в ежегодном обращении тогдашний президент Американской ассоциации историков (АНА), отметившая, что профессиональные историки зажаты между двух огней: историей «для широкой публики», которую та получает из газет, блогов и новостных сайтов, ТВ и кинофильмов, при посещении музеев и участии в волонтерских инициативах, и сферой политики, где урезаются бюджеты, происходит замена правды мифами, усиливается давление местных законодателей и школьных советов. В этих условиях историки должны усилить пропаганду своих достижений. В данном направлении перестроил свою работу главный исторический журнал США *The American Historical Review*. Как написал его главный редактор, журнал открывает свои страницы для всех видов истории и для всех, кто ею занимается, с целью стать примером инклюзивности дисциплины. См. *Jones J. Historians and their publics, then and now // The American historical review. – 2022. – Vol. 127, N 1. – P. 1–30. – DOI: <https://doi.org/10.1093/ahr/rhac121>; Bradley M.Ph. From the editor's desk // The American historical review. – 2022. – Vol. 127, N 1. – P. XII–XIII. – DOI: <https://doi.org/10.1093/ahr/rhac149>*

высок во многом благодаря тому, что пишут их на основе мемуаров, в большом количестве опубликованных в течение последних двадцати лет. Так, совсем недавно к своему столетию ветеран разведки Бетти Уэбб наконец опубликовала полную версию своих мемуаров о том, как она вскрывала немецкие шифры в Англии в Блетчли Парк, а затем – японские в Пентагоне¹. Интересно, что публикация на английском языке дневника советского снайпера Розы Шаниной² послужила основой для нескольких книг в жанре нон-фикшн, а воспоминания Людмилы Павличенко, вышедшие в том числе в виде аудиокниги³, сделали ее настоящей знаменитостью. Ей даже посвящена баллада Вуди Гатри. Совершенно новый жанр, артбук, представлен публикацией Хан Сонвона, посвященной поколению его бабушек – «секс-рабынь» японских публичных домов для солдат в годы Второй мировой войны, судьбы которых он описал в своем графическом романе⁴.

Публичная история активно развивается в Соединенных Штатах и Европе, используя самые разные методы и площадки. Книги о подвиге и примерах стойкости женщин в период Второй мировой войны публикуют такие популярные издательства, как Pen & Sword, и другие, работающие в жанре нон-фикшн, причем уровень изданий неуклонно повышается. Авторами серьезных и одновременно читабельных произведений, посвященных роли женщин во Второй мировой войне, выступают и известные журналисты, как Нэнси Мак-Донелл [MacDonell], и профессиональные историки, как Сара-Луиза Миллер, много выступающая на телевидении и за несколько лет написавшая три книги [Miller, 2023, 2024], и музейные работники, как Сара Перри Майерс [Myers], и многие другие. Большую роль играет издательство «Блумсбери», активно занимающееся историческим просвещением и работающее на стыке профессиональной и публичной истории. В конечном счете именно публичная история, широко издающаяся и востребованная читателями, «делает женщин видимыми».

---

¹ *Webb B.* No more secrets: my part in codebreaking at Bletchley Park and the Pentagon. – London: Mardle Books, 2023. – X, 212 p.

² *Soviet sniper: the memoirs of Roza Shanina / forew. by J. Walter.* – 3d ed. – London: Greenhill Books, 2021. – 73 p.

³ *Lady Death: the memoirs of Stalin's sniper: [audiobook].* – London: Greenhill Books, 2018. – (Greenhill sniper library).

⁴ *Han Seong-won.* Grandmothers, our grandmothers: remembering the “comfort women” of World War II / transl. from Korean by Lee Soo Kyung. – Tokyo: Tuttle Publishing, 2023. – 174 p.

Хайтан У.

**ЖЕНЩИНЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ: УГОЛЬ
И КОЛОНИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ИНДИИ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Khaitan U. Women beneath the surface: coal and the colonial state in India during the Second World War// War and society. – 2020. – Vol. 39, N 3. – P. 171–188. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1790473>

Цель исследования Урви Хайтан, специалиста по гендерной истории трудовых отношений в Южной Азии XX в. в Гарвардском университете, заключается в реконструкции и анализе малоизученного исторического эпизода времен Второй мировой войны. Нехватка угля в Британской Индии в 1943 г., вызванная возросшей потребностью в топливе стран антигитлеровской коалиции, привела к вынужденной отмене колониальным правительством запрета на подземный труд женщин. Хайтан обращается к последствиям этого решения: усилению эксплуатации женщин и пересмотру гендерных ролей в добывающей промышленности.

Хронологические рамки исследования обусловлены основными событиями, определившими статус женщин-шахтеров в военной экономике Британской Индии. Запрет на использование женского труда в шахтах был снят в августе 1943 г., что привело к пику эксплуатации в период 1943–1946 гг., пока запрет не был восстановлен в феврале 1946 г.

У. Хайтан опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников. Основу ее документальной базы составляют материалы Национального архива Индии (NAI) и документы британского Министерства по делам Индии. Они включают в себя секретную и конфиденциальную переписку между правительством

Индии и Лондоном, телеграммы, докладные записки, отчеты о трудовой ситуации, а также комментарии чиновников. Эти документы позволяют выявить подлинные мотивы, механизмы принятия решений, противоречия и расистские или патерналистские установки колониальных властей, а также факт использования угрозы голода для поддержания дисциплины среди рабочих. Дополняют исследование официальные документы: стенограммы дебатов в Палате общин Великобритании, индийском Законодательном собрании и Государственном совете, а также годовые отчеты главного инспектора угольных шахт Индии, предоставляющие статистику по занятости женщин, их доле в рабочей силе и динамике заработной платы. Статьи и заметки в британских (*News Chronicle, Manchester Guardian, New Leader, Colliery Guardian*) и индийских (*Times of India, Hindustan Times, Eastern Economist, Patna Times, Indian Nation*) газетах, а также в журналах (*The Modern Review, India Today*) позволяют отразить общественное мнение, критику и пропаганду. Кроме того, автор привлекает источники личного происхождения – петиции, письма чиновников – с целью выявления неофициальных мнений и оценки ситуации «изнутри».

Исследования Южной Азии 1940-х годов долгое время обращались к социально-экономическим аспектам, особенно истории труда низших слоев населения. Историография Второй мировой войны и мобилизации людских и материальных ресурсов долгое время сосредоточивалась преимущественно на опыте западных стран, рассматривая события на периферии империи как второстепенные. Женщины в колониях, особенно из низших каст и адиваси (коренных аборигенных «первых жителей» Индии, сохранивших этническую обособленность и традиционный уклад жизни), модели мужественности и женственности оставались вне поля зрения ученых. Массовое привлечение женщин к подземным работам в 1943–1946 гг., его экономические предпосылки, социальные последствия и политический резонанс не были предметом специального научного исследования. Научная новизна работы Хайтан заключается в том, что она ставит в центр исследования женщин-работниц и их жизнь в условиях колониальной эксплуатации.

Для достижения поставленной цели автор решает взаимосвязанные задачи: восстановление хронологии и масштабов изучаемого явления с учетом его экономических предпосылок и социальных последствий. Особое внимание уделяется деятельности колониального правительства Индии и метрополии в условиях военного кризиса, что позволяет выявить существенные расхождения между

декларируемыми гуманитарными принципами (соблюдение конвенций Международной организации труда) и реальной эксплуатацией женского труда. Автор устанавливает, что к работе в шахтах были привлечены свыше 70 тыс. женщин (с. 171), преимущественно из низших каст и адиваси. Эти группы людей боролись с последствиями бенгальского голода 1943 г., который вынуждал женщин соглашаться на любую работу. Нехватка угля сказалась на работе железных дорог, что повлияло на транспортировку продовольствия. Как подчеркивает Хайтан, бенгальский голод создал колониальному правительству условия для использования принудительного труда. Власти предложили людям, потерявшим землю, вернуть их собственность в обмен на работу в шахтах. Их тяжелый труд имел важное экономическое значение в условиях мировой войны. Он способствовал выполнению производственных планов в период с августа 1943 по февраль 1946 г., тем самым поддерживая необходимый для военных нужд уровень добычи угля. Однако это решение вызвало беспрецедентную волну общественного возмущения, активно освещавшегося в прессе и ставшего предметом парламентских дебатов, что впервые породило транснациональный дискурс о положении индийских женщин-работниц.

Автор прослеживает, как в публичных дискурсах конструировался образ женщины-шахтера. Она помещает исследуемые события в сравнительную перспективу, сопоставляя их с мобилизацией трудовых ресурсов в метрополии, в частности с призывом «бевинских парней» – молодых британцев, которых с декабря 1943 по март 1948 г. призывали работать на угольных шахтах Соединенного Королевства. Это позволяет рассматривать индийские события как часть общеимперской системы эксплуатации труда в военный период.

Хайтан вводит ключевое понятие «дисциплина через лишение» (*англ.* discipline by deprivation) (с. 185). Она доказывает, используя свидетельства Ш.А. Данге (лидер Всеиндийского конгресса профсоюзов с 1943 г.) и анализ политики распределения пайков, что колониальное правительство применяло жестокий и систематический метод контроля. Доступ к жизненно необходимым продовольственным пайкам для шахтеров и их семей был привязан к присутствию на работе в шахтах. Минимум пять рабочих дней в неделю требовалось для получения скудного пайка (один фунт зерна в день). Неявка влекла за собой полную потерю права на пайки. Девушки старше 12 лет исключались из семейных пайков и вынуждены были идти работать на шахту, чтобы прокормиться. Заработная плата (в среднем 9 шиллингов в неделю в 1944 г.) катастрофически отста-

вала от инфляции (рост стоимости жизни на 233% с 1939 г.) и была ниже прожиточного минимума, рассчитанного правительством (для сравнения, зарплаты британских шахтеров выросли на 83% при росте стоимости жизни на 30%). Отсутствовали понятие оплачиваемого больничного и меры защиты материнства.

Ш.А. Данге охарактеризовал эту систему как «воинскую повинность посредством голода» (*conscription through starvation*) и «разновидность рабства» (*a mode of serfdom*) (с. 185). Хайтан проводит мрачную параллель с использованием нацистской Германией «кормления по результатам», где пайки урезались за низкую производительность, подчеркивая, что британская колониальная политика была не менее репрессивной – она лишала пайков за сам факт отсутствия на работе, обрекая на голодную смерть.

Колониальное правительство намеренно скрывало истинные масштабы кризиса и эксплуатации. Официальные источники и пресса умалчивали о связи угольного кризиса, сбоев в работе железных дорог и усугубления бенгальского голода, который сам был во многом следствием колониальной политики изъятия ресурсов. Секретные документы признавали «крайнюю серьезность» ситуации с углем в Индии как угрозу военным усилиям союзников (поставки угля в Средиземноморье и Португалию по Азорскому соглашению были стратегически важны). Отказ министра труда Великобритании Э. Бевина сообщать в Международную организацию труда о нарушениях подтверждает приоритет военных нужд империи над международными обязательствами и правами жителей колоний. В это время занижалась статистика травматизма и смертности, резко вырос уровень заболеваемости малярией в угольных регионах, систематически нарушались обещания по улучшению условий труда.

Анализируя высказывания чиновников и аргументы в пользу отмены запрета на работу женщин в шахтах, автор показывает, как колониальная политика создавала образ индийского шахтера как «другого»: «полуаборигена», «нестабильного» (якобы предпочитающего работать мало), принципиально отличного от британского рабочего. Женщины-шахтеры рассматривались не как самостоятельные работницы, а лишь как приложение к мужчине, необходимое для его удержания на работе. На основе статистики производства, отчетов о неудачных попытках найти альтернативную рабочую силу и внутренней переписки (признание чиновников, что «женщины спасли положение» и были «стабильнее и эффективнее мужчин») Хайтан доказывает, что женский труд был не просто полезен, а абсолютно незаменим для поддержания уровня добычи угля.

После окончательного восстановления запрета в феврале 1946 г. и увольнения 22 517 работниц (лишь около 2000 из них нашли другую работу) начались масштабные волнения. Ответные меры правительства (указ о создании круглосуточных яслей, ежемесячных медосмотрах детей, программа жилищного строительства с субсидиями и пр.) и особенно инициативы, направленные конкретно на женщин (программа обучения социальной работе и ремеслам для создания надомных промыслов, курсы для нянь, закон о фонде социального обеспечения шахтеров 1947 г.), свидетельствуют, что именно женщины стали движущей силой послевоенного протеста.

Т.Д. Николко

Айерс О.

**ДЖИМ КРОУ И ДЖОН БУЛЛЬ В ЛОНДОНЕ:
РАСА И НАЦИЯ В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Ayers O. Jim Crow and John Bull in London: transatlantic encounters with race and nation in the Second World War // Studies in ethnicity and nationalism. – 2020. – Vol. 20, N 3. – P. 244–266. – DOI: <https://doi.org/10.1111/sena.12335>

Цель статьи Оливера Айерса, специалиста по истории межрасовых отношений в Новом колледже гуманитарных наук (Лондон), заключается в исследовании расовых и национальных отношений в контексте англо-американского взаимодействия во Второй мировой войне на основе изучения истории присутствия афроамериканского населения и военного контингента в Лондоне. Автор стремится показать, каким образом в столице Великобритании взаимодействовали законы США о расовой сегрегации, так называемые законы Джима Кроу, и британские социальные нормы и имперские реалии, т.е. «Джон Булль» (персонификация Великобритании).

Автор использовал представительный круг источников: афроамериканскую периодику (*Chicago Defender, New York Amsterdam News, Pittsburgh Courier, The Crisis*), документы фонда Министерства по делам колоний Великобритании, публицистику и визуальные материалы. Новаторский подход автора заключается в применении методов цифровой истории и ГИС-картографирования – проект «Картография “Черного Лондона” во время Второй мировой войны». Создание карт, фиксирующих места проживания, работы и досуга афроамериканцев в Лондоне в период с 1935 по 1947 г., позволило визуализировать географию их присутствия, выявить концентрацию

активности в центре столицы и установить пространственные связи между основными местами сосредоточения афроамериканцев в Лондоне (клубы «Герцогиня» / «Свобода», Сохо, Пикадилли). В рамках этого проекта автор рассматривает такие группы афроамериканцев, как военнослужащие, музыканты, журналисты, социальные работники, политические активисты, девушки из Женского вспомогательного корпуса.

Важными источниками работы Айерса являются материалы фонда Министерства по делам колоний, содержащие переписку о расовых инцидентах и политике в отношении афроамериканских военнослужащих. Эти документы проливают свет на официальную позицию британских властей, их опасения относительно американской сегрегационной политики в армии и попытки регулирования межрасовых отношений во время дислокации американских военных в Британии. Афроамериканская пресса стала ценным материалом для исследования повседневного опыта чернокожих солдат и гражданских лиц в Лондоне. Репортажи таких журналистов, как Олли Стюарт, Дэвид Орро и Рой Оттли, не только фиксировали актуальные события, но и формировали общественное мнение относительно необходимости установления расовой справедливости, сравнивая реалии столицы с ситуацией в американских городах. Их материалы в условиях военной цензуры были наполнены уникальными свидетельствами о случаях дискриминации, функционировании клубов Американского Красного Креста и взаимодействии между военнослужащими.

Исследование опирается на четыре взаимодополняющих направления историографии. Во-первых, классические работы о военном времени Грэма Смита и Дэвида Рейнольдса дают детальный анализ взаимодействия афроамериканских солдат с британским обществом, включая логистические вопросы дислокации войск и спорные практики вроде «запретных зон». Во-вторых, исследование афроамериканского опыта Второй мировой войны фон Эшен и Херви раскрывают мотивацию афроамериканцев через призму борьбы за «двойную победу» – над фашизмом за рубежом и расизмом дома, а также значение их пребывания в Британии для движения за гражданские права, влияние этого опыта на формирование интернационального расового сознания. В-третьих, Марк Матер в своих исследованиях подчеркивает, что прибытие чернокожих солдат США создавало основу для контактов между африканскими, карибскими и афроамериканскими диаспорами. Урбанистическая история и история империи, представленная в работах Франка Морта и Люси Блэнд, дают ключ к пониманию Лондона как про-

странства, где имперские представления и городская среда формировали специфику расового взаимодействия.

По мнению Айерса, столица Британской империи как центр сосредоточения основных органов власти, структур военного управления и диаспор стала примером «громоотвода», позволяющего сохранить баланс между взаимосвязанными историческими процессами борьбы за гражданские права в США, трансформации взаимоотношений рас в Великобритании и упадка европейских империй на фоне Второй мировой войны (с. 247).

В своей работе автор показывает динамику взаимоотношений: от относительного оптимизма и доброжелательности лондонцев по отношению к афроамериканцам в 1942–1943 гг. к нарастающей напряженности и открытым конфликтам в 1945 г.

С прибытием первых частей американской армии в мае 1942 г. Англия столкнулась с феноменом «американской оккупации», заключавшейся в широких автономных правах американского военного руководства и размещении американских войск в Лондоне и других британских городах. Олли Стюарт, первый аккредитованный Военным министерством чернокожий корреспондент на европейском театре военных действий, отмечал отсутствие явных расовых предрассудков в отношении не белых представителей армии США (с. 250). Однако на этом этапе уже проявились системные проблемы. Директивы главнокомандующего союзными войсками Д. Эйзенхауэра о раздельном размещении белых и черных военнослужащих игнорировали реалии мегаполиса (с. 250). Основной контингент афроамериканцев располагался в центральных районах столицы. Попытки реализовать проводимые на провинциальном уровне ограничения в виде системы пропусков не имели должного успеха в столичных условиях (с. 250).

С момента своего прибытия чернокожие военнослужащие столкнулись с отказом в обслуживании в ряде общественных заведений Лондона, предназначенных только для белых, а создание клубов Американского Красного Креста («Герцогиня», «Свобода»), где концентрировалась основная масса афроамериканцев, лишь закрепило де-факто сегрегацию, несмотря на заявления о «равенстве» как белых, так и черных военнослужащих (с. 256). В то же время район Сохо стал местом, где афроамериканские музыканты (Аделаида Холл, Фредди Крамп) выступали для смешанной публики, а солдаты разных рас и национальностей свободно общались. Важным сюжетом доброжелательных взаимоотношений лондонцев и афроамериканских солдат является экономическое взаимодействие. Военнослужащие, получившие жалованье, стремились потра-

тить эти деньги в местных танцевальных залах и барах (период «золотого урожая») (с. 254). В то же время Айерс подчеркивает и негативные стороны пребывания афроамериканцев, связанные с пьянством, воровством и проституцией (с. 256, 258).

В 1944 г. конфликт стал проявляться более открыто. Белые офицеры выражали решительный протест из-за отношений чернокожих солдат с британками. Участились вспышки насилия между белыми и черными американскими солдатами. Суд над Лероем Генри – смертный приговор афроамериканцу по обвинению в изнасиловании белой женщины, отмененный Эйзенхауэром после скандала в британской прессе, – продемонстрировал чрезмерно жесткое отношение к нарушению порядка афроамериканцами и широкие полномочия армии США в Великобритании. Другим примером двойных стандартов в отношении афроамериканского контингента был недопуск афроамериканцев в «белые» заведения, хотя белым разрешалось посещать «черные» клубы.

К 1945 г. усталость от «оккупации» спровоцировала открытую вражду – «бунт на площади Пикадилли» в августе на фоне торжеств в связи с капитуляцией Японии¹. Столкновение у «клуба, часто посещаемого неграми», переросло в погром – белые военные громили заведение и угрожали линчеванием (с. 245). Автор констатирует возросшую неприязнь местного населения к афроамериканцам (с. 260). Однако подчеркивает, что кажущееся противоречие между образами расовой гармонии и вспышками насилия на самом деле отражает две стороны одной медали, порожденной интенсивным англо-американским взаимодействием в специфической городской среде (с. 262).

Т.П. Соколов

---

¹ Формальным окончанием Второй мировой войны считается подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии 2 сентября 1945 г., однако во многих странах победу начали отмечать уже 14–15 августа, после того как 14 августа японский генеральный штаб отдал приказ о капитуляции. – *Прим. ред.*

О'Коннелл К.

**РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ? АФРОАМЕРИКАНЦЫ
И ИТАЛЬЯНЦЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(Реферат)**

O'Connell C. A Roman Holiday? African Americans and Italians in the Second World War // *History*. – 2021. – Vol. 106, N 373. – P. 775–803. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-229X.13257>

Статья Кристиана О'Коннелла представляет собой исследование форм социального взаимодействия между афроамериканскими военнослужащими армии США и гражданским населением Италии в период 1943–1945 гг. Работа занимает важное место в контексте «новой военной истории», поскольку ее автор смещает фокус внимания с анализа боевых действий на изучение межкультурных контактов, расовых отношений и роли личного опыта в формировании исторической памяти. О'Коннелл реконструирует историческую субъектность афроамериканских военнослужащих, которые целенаправленно создавали и поддерживали позитивные отношения с итальянским населением (с. 777).

Традиционная историография пребывания афроамериканцев в Европе развивалась по двум основным направлениям: военно-историческое и социально-историческое. Военно-историческое направление характеризуется превалированием оперативно-тактического анализа. Исследователи фокусировались на оценке боеспособности формирований с целью опровергнуть предвзятые мнения о их «неэффективности» (с. 779). Социальная история этих подразделений, их взаимоотношения с гражданским населением выносились за рамки основного повествования (с. 780). Хотя и признавался факт позитивного приема афроамериканских солдат (с. 777), его причины сводились преимущественно к отсутствию в Европе институционализированной системы расизма, аналогичной

американским «законам Джима Кроу» (с. 777). Такая интерпретация создавала модель, в которой европейцы выступали в роли носителей «либеральных взглядов», а афроамериканские солдаты лишь принимали это благожелательное отношение, но не были активными участниками процесса культурного обмена (с. 777). Это обесценивало роль афроамериканцев в процессе создания и налаживания культурных контактов.

Научная новизна исследования О'Коннелла определяется его методологическим разрывом с устоявшимися в историографии пассивными моделями интерпретации. В отличие от работ, где афроамериканские солдаты предстают лишь объектами восприятия со стороны европейцев (которые их «хорошо принимали» или рассматривали как «диковинки»), автор смещает фокус на их активную роль в формировании позитивных отношений с итальянцами (с. 777).

Ключевыми элементами новизны выступают три аспекта: объяснение роли эмпатии в истории, изучение политической направленности воспоминаний, а также восстановление личного взгляда солдат на события. «Общий опыт» страдания и социальной маргинализации, с которым афроамериканцы были знакомы в условиях «системы Джима Кроу», позволил им сопереживать бедствиям итальянского гражданского населения, что и легло в основу формирования взаимоотношений. О'Коннелл показывает процесс трансформации личного опыта в политический инструмент, рассказывает о теплых воспоминаниях ветеранов об Италии, где якобы «не замечали цвет кожи», однако указывает на то, что эти же воспоминания были и способом критики расизма в США (с. 802). Автор смещает центр внимания с того, как к солдатам относились, на то, какими были их действия, на их способы и особенности восприятия и принятия решений.

Для реконструкции событий автор привлекает несколько ключевых групп источников. Во-первых, это официальные военные документы, которые используются для того, чтобы показать ограничения «бюрократического взгляда» и устоявшиеся негативные стереотипы об итальянцах (с. 784). Во-вторых, это устные истории и мемуары ветеранов, предоставляющие доступ к эмоциональной составляющей взаимоотношений. Особое место занимают визуальные материалы, а именно личный архив ветерана Эллиса Росса. Его фотографии, в отличие от постановочных официальных снимков (с. 786), запечатлели непубличные моменты и искренний, доверительный характер связей (с. 786).

Афроамериканская пресса (например, *Pittsburgh Courier*) анализируется как инструмент создания публичного образа и

идеологической борьбы. Статьи о «послах доброй воли» показывают, как опыт, приобретенный в Италии, стали использовать для внутренней аудитории в США, что стало аргументом в борьбе за гражданские права и доказательством состоятельности афроамериканцев как полноправных граждан.

Также привлекаются разнообразные итальянские источники: от национальных газет и сатирических журналов до художественных фильмов (например, «Пайза» Р. Росселлини) и песен. Эти источники позволяют воспроизвести неоднозначную реакцию итальянцев, которая варьировалась от искренней благодарности до расовых предрассудков и общественного осуждения женщин, вступавших в контакты с солдатами (с. 797).

Также автор исследует мотивацию солдат, дает объяснение, почему именно афроамериканцы проявляли такую эмпатию. Он связывает это с их бедностью и с тем, что они сталкивались с расовой дискриминацией в США. У солдат это вызывало сострадание, и во многом именно на этом были построены доверительные отношения. О'Коннелл прослеживает, как контакты с итальянцами повлияли на самосознание ветеранов, их послевоенную жизнь, политическую активность, коллективную и личную память (с. 777). При этом афроамериканские солдаты оказались в ситуации, когда расизм их сегрегированной армии сосуществовал с местными итальянскими предрассудками. Эти настроения усиливались нацистской пропагандой, которая создавала образ «черного солдата» как дикаря и угрозу для итальянских женщин (с. 796).

С другой стороны, для итальянцев, страдавших от голода и бедности, отношения с солдатами были продиктованы необходимостью выживания, что размывало грань между искренней дружбой и взаимовыгодным обменом, включая проституцию (с. 794). Наконец, автор анализирует проблему «коричневых младенцев», показывая, что неоднозначная и часто враждебная реакция итальянского общества на детей смешанной расы, зафиксированная в культурных артефактах вроде песни *Tammuriata Nera*, опровергает миф о полной «незаметности цвета кожи».

Несмотря на все сложности, полученный в Италии опыт, как показывает автор, оказал глубокое и долгосрочное влияние на ветеранов (с. 780). Прежде всего это выразилось в значительном повышении морального духа афроамериканцев (с. 781). Возможность быть принятыми как равные, как герои-освободители, давала солдатам чувство собственного достоинства, которого они были лишены в сегрегированной армии США (с. 776). О'Коннелл интерпретирует послевоенные поездки ветеранов в Италию и их рассказы как «про-

двигающиеся истории» (с. 801), опираясь на идею, что воспоминания «не статичны» (с. 778), через них люди и сообщества формируют чувство идентичности в настоящем. Ветераны не просто вспоминали о прошлом, а декларировали свою уникальность, использовали образ «либеральной» Италии для критики американского общества. Позитивные отношения между афроамериканскими солдатами и итальянцами были уникальным историческим феноменом, рожденным на пересечении войн, американского расизма и человеческой способности к эмпатии. Солдаты являлись активными творцами своего социального окружения. Автор доказывает, что изучение этих «неофициальных» историй имеет решающее значение для понимания как социальной истории войны, так и истоков послевоенной борьбы за расовое равенство в США.

А.М. Куленко

**Смит Дж.П.
РАСА И ГОСТЕПРИИМСТВО:
«ЦВЕТНЫЕ» ВОИНСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ СОЮЗНИКОВ
В ЮЖНОАФРИКАНСКОМ ТЫЛУ ВО ВРЕМЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Smith J.P. Race and hospitality: Allied troops of colour on the South African home front during the Second World War // War & Society. – 2020. – Vol. 39, N 3. – P. 155–170. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1786890>

Публикация Джин П. Смит, специалиста по истории межрасовых отношений в Королевском колледже Лондона, посвящена особенностям пребывания британских, индийских и новозеландских солдат неевропейских рас во время Второй мировой войны на территории Южно-Африканского Союза (ЮАС), известного последовательной реализацией политики расовой сегрегации. Автор показывает, что межрасовое взаимодействие в военное время как подтверждало, так и ставило под сомнение установленные в этом доминионе социальные барьеры. Организованные на территории Южной Африки акты гостеприимства по отношению к военнослужащим рассматриваются ею как форма социального контроля с целью ограничения их контактов с местным «цветным» населением.

Особое внимание Смит уделяет бойцам так называемого батальона маори (28-й батальон новозеландской армии), состоявшего из представителей коренного населения Новой Зеландии и расквартированного в Южной Африке в мае 1940 г. и в феврале 1941 г. По мнению исследовательницы, именно опыт этого подразделения свидетельствует о пробуждении во время войны в среде «цветных» военнослужащих противоречивых чувств общеимперского единения и антиколониальной солидарности.

В публикации автор ставит несколько исследовательских задач. Во-первых, кратко характеризуются межрасовые отношения в ЮАС в контексте вовлечения доминиона во Вторую мировую войну. Далее раскрываются особенности и мотивы актов гостеприимства по отношению к «цветным» военнослужащим. Кроме того, автор описывает общее положение иностранных солдат неевропейских рас в ЮАС времен Второй мировой войны. Также Дж.П. Смит подробно останавливается на пребывании в доминионе вышеупомянутого батальона маори.

Статья основана преимущественно на источниках личного происхождения: это воспоминания одной из основательниц волонтерской женской организации SAWAS (Южноафриканской женской вспомогательной службы) белой южноафриканки Люси Бин, а также дневник новозеландского белого военнослужащего Уильяма Джеймса Стюарта, прибывшего в Африку вместе с батальоном маори в мае 1940 г. Во время войны Л. Бин занималась организацией досуга размещенных в ЮАС солдат неевропейских рас. Отдельно следует отметить записи интервью, взятых в 2001–2002 гг. у бывших бойцов батальона маори.

С целью демонстрации особенностей взаимодействия «цветных» солдат с белыми военнослужащими и волонтерами в ЮАС автором были привлечены материалы периодической печати, а именно выпуски газеты *Cape Times* от 8 и 11 февраля 1941 г. Значительная часть используемых ею источников относится к официальным документам: датированные 20 и 22 мая 1941 г. доклады британских представителей в ЮАС Министерством по делам доминионов и по делам Индии в Лондоне, журнал боевых действий батальона маори за 1 июля 1940 – 28 февраля 1941 г. и цензурный отчет южноафриканских спецслужб за 1–15 апреля 1942 г. Дж.П. Смит обращается к материалам делопроизводства для демонстрации различного отношения властей ЮАС к военнослужащим из разных частей империи и раскрытия деталей пребывания солдат-маори на территории доминиона.

Во вступительной части публикации Дж.П. Смит отмечает существование большого объема литературы, посвященной социальному и культурному аспектам влияния Второй мировой войны на Британскую империю в целом и на ее отдельные части. Вместе с тем исследовательница подчеркивает, что труды общего характера, равно как и в целом южноафриканская историография, практически не уделяют внимания участию ЮАС в боевых действиях. По этой причине автор выражает намерение указать на важность роли доминиона в конфликте и его логистическую значимость. Научная но-

визна публикации, по мнению Дж.П. Смит, состоит в раскрытии особенностей межрасового взаимодействия во время войны не только на фронте, но и в тыловых условиях (с. 156).

Давая общую характеристику межрасовым отношениям в ЮАС во время Второй мировой войны, Дж.П. Смит отмечает, что политика сегрегации активно реализовывалась правительством доминиона в рассматриваемый период, несмотря на ее официальное оформление лишь в 1948 г. (с. 156). Руководство ЮАС пыталось, хоть и безуспешно, предотвратить размещение «цветных» военнослужащих на своей территории, опасаясь, что их присутствие вызовет радикализацию настроений местного чернокожего населения. Официально в армии доминиона доступ к оружию имели только белые солдаты, а среди местного руководства были распространены стереотипы о нежелательности контактов между белыми женщинами, выполнявшими волонтерские функции, и солдатами других рас, однако сегрегационные практики оказались поставлены под сомнение по мере возрастания военных потребностей. Дж.П. Смит подчеркивает, что условия военного времени выявили противоречия, связанные с восприятием расы в странах Британской империи и за ее пределами (с. 158).

Дж.П. Смит выдвигает предположение, что отношение к «цветным» военнослужащим в ЮАС можно рассматривать как примеры описанного французским философом Жаком Деррида «условного гостеприимства» (доброжелательности, оказываемой в обмен на соблюдение правил принимающей стороны) (с. 159). Солдаты из Западной Африки, в отличие от своих британских сослуживцев, были лишены возможности свободного перемещения по Кейптауну во избежание контактов с местным коренным населением. Озабоченное тем, что первые прибывшие на территорию доминиона солдаты посещали районы и заведения с большой концентрацией представителей неевропейских рас, армейское руководство обратилось к женскому волонтерскому объединению SAWAS с просьбой об организации мероприятий для военнослужащих с целью исключить их неконтролируемое передвижение в портовых городах. Эти ограничительные действия характеризовались сомнительной эффективностью, но в первую очередь это касалось белых солдат. В целом акты гостеприимства по отношению к военнослужащим, будучи формой социального контроля со стороны британского командования, рассматриваются автором как один из важнейших элементов поддержания дисциплины и морального духа солдат (с. 160).

Раскрывая общее положение бойцов «цветных» подразделений в Южной Африке, Дж.П. Смит замечает, что условия размеще-

ния военнослужащих отражали существовавшую сегрегационную систему, однако контроль над межрасовыми контактами ослабевал по мере вовлечения доминиона в войну (с. 161). В июне 1940 г. неподалеку от Дурбана нигерийские и британские солдаты размещались раздельно, а позднее в этой местности был возведен путевой лагерь исключительно для «неевропейских» военнослужащих. Впрочем, по мере прибытия большего количества не-белых солдат сегрегационное межрасовое восприятие ослаблялось, а отношение к солдатам варьировалось в зависимости от конкретной расовой принадлежности и воинского чина. Автор приводит эпизод с танцами белых волонтеров и «цветных» офицеров и отмечает, что некоторые женщины изначально не хотели вступать в близкий контакт с военнослужащими других рас, а их согласие в итоге вызвало недовольство властей. Дж.П. Смит подчеркивает трудность сочетания сегрегационной политики ЮАС и необходимости проявления гостеприимства по отношению к солдатам из других регионов империи, а также делает вывод, что сложность поддержания постоянного контроля над контактами военнослужащих способствовала спонтанному преодолению расовых барьеров (с. 163).

Говоря о солдатах-маори, автор отмечает изменчивый характер актов гостеприимства по отношению к этим военнослужащим и двойственное влияние на них упомянутых мероприятий. Сложным было встраивание новозеландского коренного народа в расовую иерархию Южной Африки: в силу распространенности представлений об «арийском» происхождении маори, военнослужащие батальона в глазах властей обладали более высоким статусом, чем остальные темнокожие. После первой высадки на территории ЮАС бойцы были удостоены радушного приема, однако власти потребовали от них вести себя на территории доминиона как англичане и избегать контактов с «цветным» населением. Эта инструкция была проигнорирована, и во время второго пребывания батальона маори в ЮАС черные южноафриканцы были привлечены к организации актов гостеприимства для его солдат. Воспоминания и корреспонденция военнослужащих содержат как элементы антиколониальной солидарности при описании сегрегационных практик доминиона, так и ощущение воинского братства при взаимодействии с южноафриканскими белыми военнослужащими. Исключительный в силу особого статуса маори в глазах властей опыт 28-го батальона продемонстрировал как действие, так и ограниченность расовой идеологии ЮАС в условиях войны.

В заключении к статье Дж. П. Смит приходит к выводу, что рассмотрение привлеченных в публикации воспоминаний способ-

ствуем более комплексному изучению ЮАС периода Второй мировой войны. Автор подчеркивает, что использованные ею источники свидетельствуют о сложной расовой иерархии доминиона, и указывает на то, что война оказывала двойное влияние на установленные в нем социальные барьеры. Исследовательница отмечает, что изучение пребывания «цветных» военнослужащих в Южной Африке напоминает о противоречии между антирасистской риторикой союзников в отношении нацистской Германии и сегрегационными практиками в самой Британской империи, равно как и в Соединенных Штатах Америки.

В.М. Борнгов

Литтлвуд Д.

**ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ,
НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ, АВСТРАЛИИ И КАНАДЕ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Littlewood D. Conscription in Britain, New Zealand, Australia and Canada during the Second World War // *History compass*. – 2020. – Vol. 18, N 4. – URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hic3.12611>. – Дата публикации: 03.03.2020. – DOI: <https://doi.org/10.1111/hic3.12611>

Дэвид Литтлвуд – преподаватель истории в Университете Мэсси (Новая Зеландия), специалист по социальной истории Великобритании и Новой Зеландии эпохи мировых войн, включая влияние воинской повинности на общество.

В статье рассматривается воинская повинность периода Второй мировой войны в Великобритании и трех ее доминионах – Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Как отмечает автор, в современной историографии этот вопрос до сих пор почти не изучен, хотя, в отличие от Первой мировой войны, воинская повинность во всех четырех странах существовала на протяжении большей части Второй мировой, в Соединенном Королевстве – на всем ее протяжении. Более того, в годы войны с нацистской Германией и ее союзниками во всех четырех странах практиковалась также трудовая мобилизация; в трех странах (за исключением Канады) трудовая повинность была со временем распространена на женщин, а в Великобритании их призывали и в армейские вспомогательные службы. Призыв и мобилизация, таким образом, стали общенациональными институтами, охватывающими все население изучаемых стран, а не только отдельные его категории.

Исследование Литтлвуда носит по большей части историографический характер: автор попытался собрать воедино информацию о предшествующих научных работах, затрагивающих историю воинской и трудовой повинности в каждой из четырех стран в годы Второй мировой войны. Кроме того, он кратко описывает основные законодательные решения, принимавшиеся в Англии, Канаде, Австралии и Новой Зеландии на протяжении 1939–1945 гг., и важнейшие различия в их системах военной и трудовой мобилизации, обусловленные различиями в их геостратегическом положении и внутривнутриполитической обстановке.

В заключительном разделе статьи намечаются основные направления дальнейшей работы. Особый акцент автор делает, во-первых, на необходимости специальных исследований по истории воинской и трудовой повинности в описываемых странах (в существующих публикациях эти вопросы обычно рассматриваются поверхностно). Во-вторых, по его мнению, необходимо расширять тематический охват исследований, поскольку имеющиеся работы посвящены в основном отдельным категориям населения, что делает общую картину фрагментарной и односторонней. Кроме того, основным предметом исследования до сих пор являлась институциональная история призыва и мобилизации, тогда как для полноты картины требуется также анализ того, как на принимаемые меры реагировало население, с привлечением методов социальной и культурной истории. В-третьих, особое значение имеет сравнительный анализ ситуации в разных странах: «Четыре нации разделяли общее британское наследие и все входили в состав Британской империи. Кроме того, все они сражались как демократические общества в условиях полномасштабной мобилизации и все посылали большое число солдат на войну, которая по большей части происходила за пределами их территории. Тем не менее существовали значительные различия в том, когда они вводили мобилизационные меры, в масштабах этих мер, и в том, как именно эти меры применялись к определенным группам [населения]» (с. 7).

М.М. Минц

Якобелли П.

**ЯПОНСКАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СЕТЬ В ЧИЛИ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Jacobelli P. Japan's intelligence network in Chile during the Second World War // Journal of contemporary history. – 2020. – Vol. 56, N 1. – P. 77–95. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0022009419884631>

Статья Педро Якобелли, доцента Папского католического университета Чили, представляет собой исследование деятельности японской разведывательной сети в Чили в период 1941–1943 гг. Главной целью автора является опровержение устоявшихся представлений о второстепенной роли Южного конуса (Чили, Аргентина) в глобальной военной стратегии Японии. Он стремится доказать, что ее подрывная деятельность в Чили носила постоянный, региональный и транснациональный характер, значительно превосходящий рамки простого дипломатического присутствия и национальных границ (с. 78).

Для реализации этой цели Якобелли решает ряд взаимосвязанных задач: реконструирует структуру и механизмы работы японской разведсети в Сантьяго с использованием ранее малоиспользуемых источников, прежде всего сводок MAGIC (расшифрованные США дипломатические сообщения японского МИД, передававшиеся по трансокеанским коммерческим радиоканалам); обосновывает лидирующую роль японской разведки среди держав Оси в регионе; показывает стратегическую ценность нейтралитета Чили как плацдарма для транснациональных операций Японии в Западном полушарии после закрытия ее миссий в других странах в 1942 г.; подробно анализирует комплекс методов японского влияния на чилийскую политическую элиту, включая лоббирование, подкуп и создание агентурных сетей внутри государственных

структур; объясняет причины провала японской стратегии по сохранению нейтралитета Чили, увязывая их с глобальным ослаблением позиций Оси.

Критический анализ предшествующей историографии составляет важную основу исследования. Якобелли последовательно выявляет ее ключевые недостатки. Во-первых, он отмечает выраженный географический дисбаланс, при котором литература о японском империализме сосредоточена почти исключительно на Восточной Азии и западе Тихого океана без учета «транстихоокеанского развертывания с Севера на Юг» (с. 79). Во-вторых, автор указывает на глубокую недооценку Южного конуса, преобладающее мнение о котором говорит о его нерелевантности интересам держав Оси и минимальной вовлеченности в глобальный конфликт, что привело к серьезным пробелам в понимании глобальной стратегии Японии (с. 79). В-третьих, Якобелли оспаривает распространенный миф о неэффективности и подчиненности японского шпионажа, подчеркивая, что работы о его деятельности в Чили и Аргентине часто представляют его как «плохо организованный» и «в значительной степени зависящий от немецких сетей, поддержки и руководства» (с. 79–80). В-четвертых, автор критикует игнорирование японского фактора в испаноязычной литературе, которая фокусируется на внутривосточных дебатах Чили и немецком шпионаже и оставляет без внимания японскую деятельность (с. 80–81). Наконец, Якобелли связывает эти концептуальные слабости с ограниченной источниковой базой прошлых исследований, опиравшихся преимущественно на дипломатические архивы Чили, США и Германии и игнорировавших документы британской и американской разведок (с. 80).

Ядром источниковой базы работы являются сводки MAGIC (с. 80), ранее не использовавшиеся для данной темы. Их дополняют дипломатические документы из архивов Министерства иностранных дел Японии; чилийские архивные материалы, включая документы МИД; британские разведывательные архивные данные и материалы ФБР (с. 81).

Автор демонстрирует наличие экономических интересов Японии в регионе: к 1940 г. она обеспечивала 5% внешней торговли Чили – объем, превышавший торговлю Чили с Аргентиной и Бразилией вместе взятыми (с. 82). Автор детально реконструирует структуру и организацию разведывательной сети, выделяя ее центр – миссию в Сантьяго и резидентуру в Вальпараисо (с. 82). Финансовые масштабы операций и системный подкуп элиты, считает Якобелли, были внушительными: взятки сенаторам и родст-

венникам политиков (с. 88–89), субсидирование проправительственного движения «Сторонники мира и нейтралитета» (с. 88), сложные финансовые схемы, такие как переправка средств через Анды в Аргентину (с. 89–90).

Якобелли доказывает, что лидерские позиции Японии среди держав Оси в регионе признавались спецслужбами США (с. 86). Автор настаивает, что японцы выступали инициаторами совместных усилий Оси и обладали более эффективной агентурой (с. 94). Транснациональный характер операций сети подтверждается примерами: направлением конгрессмена Рафаэля Морено Эчеварриа (кодовое имя «М.О.») в Бразилию для сбора данных о дислокации войск США (с. 92–93), использованием издателя Луиса Гарретона (кодовое имя «Г.А.») для добычи конфиденциальной информации в США, включая маршрут предстоящей поездки президента Чили (с. 92), а также деятельностью миссии в Сантьяго, курировавшей японские интересы и сбор разведанных в Перу и Боливии после разрыва ими отношений с Японией, путем отправки эмиссаров и финансирования общин (с. 90).

Комплекс методов влияния Японии на чилийскую политику включал лоббирование высшего руководства (с. 87–88); успешную инфильтрацию в чилийский МИД (с. 90); создание сети информаторов и сторонников из числа видных политиков, таких как лидеры ведущих политических партий (с. 88–89), и попытки контроля над информационным полем, например попытку покупки влиятельного издания *La Nación* (с. 89).

Основные выводы Якобелли концентрируются вокруг нескольких ключевых положений. Во-первых, нейтралитет Чили и Аргентины, сохранившийся после Конференции министров иностранных дел американских государств в Рио-де-Жанейро в январе 1942 г., стал стратегическим прорывом Японии, позволив ей сохранить единственный действующий плацдарм Оси в Западном полушарии. Этот плацдарм, куда были экстренно переведены дипломаты и ресурсы из закрытых миссий в странах Западного полушария, оказался жизненно важным для сбора разведанных, поддержки японских общин, развития пропаганды и переговоров о поставках стратегических ресурсов (с. 78–79, 85). Во-вторых, японская разведывательная сеть в Чили продемонстрировала высокую эффективность и оперативную автономию. Успех этой сети опровергает миф о неэффективности японской разведки и ее зависимости от нацистов (с. 94).

В-третьих, Япония, вопреки распространенным представлениям, играла лидирующую роль среди держав Оси в Южной Аме-

рике, выступая основным поставщиком финансовых средств, координатором разведывательной деятельности, несмотря на меньшую численность своей общины по сравнению с немецкой и более позднее развертывание подпольных радиостанций (с. 94). В-четвертых, крах нейтралитета Чили, выразившийся в разрыве дипломатических отношений со странами Оси в январе 1943 г. и объявлении войны Японии в апреле 1945 г., был прямым следствием глобального ослабления военной мощи Японии. Ее серьезные поражения на Тихоокеанском театре военных действий (Мидуэй, Гуадалканал) с лета 1942 г. подорвали ее потенциал и резко снизили влияние на чилийских политиков (с. 90, 94). Этот процесс совпал с усилением давления США на Чили и ростом поддержки союзников внутри страны (с. 91). По словам автора, «чем слабее были державы Оси, тем меньше у них было возможностей влиять на иностранных политиков» (с. 95).

Д.В. Гришаев

Гловер Н., Арнберг К., Коттрелл-Сандевалл Ф.
**ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПАТРИОТИЗМА:
МОБИЛИЗУЮЩАЯ РОЛЬ РОЖДЕСТВА В ШВЕЦИИ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**
(Реферат)

Glover N., Arnberg K., Cottrell-Sundevall F. The making of consumer patriotism: mobilizing Christmas in Sweden during the Second World War // *History of retailing and consumption*. – 2024. – Vol. 10, N 3. – P. 225–241. – DOI: <https://doi.org/10.1080/2373518X.2024.2400452>

Николас Гловер, старший преподаватель Уппсальского университета, специализируется на истории бизнеса и культуры потребления. Исследовательские интересы Клары Арнберг, старшего преподавателя Стокгольмского университета, лежат на стыке истории бизнеса, потребительской культуры, гендера и сексуальности, а также истории медиа. Ее коллега по кафедре экономической истории Фиа Коттрелл-Сандевалл связывает в своих исследованиях историю труда с гендерной и военной историей. В совместной статье они затронули целый ряд крайне популярных в актуальной историографии тем и проблем истории экономики, гендера и массовой культуры. Темой их исследования стало развитие общества потребления в Швеции, роль в этом процессе патриотических акций времен Второй мировой войны. В работе анализируется история кампаний по поздравлению шведских военнослужащих с Рождеством, которые являлись сосредоточением интересов большого количества коммерческих и волонтерских организаций, военного командования и гражданских властей, а также женских и рабочих объединений.

Таким образом, эта статья дополняет растущий объем исследований, которые встраивают годы Второй мировой войны в более

длительную историю потребительского общества, уделяя особое внимание изменению потребительских практик, отношений между государством и бизнесом и маркетинговых стратегий. Авторы поставили перед собой задачу выявить взаимосвязь патриотических и коммерческих интересов.

Кампании «Рождественские подарки фронту» в Швеции – это пример особой формы потребительского патриотизма, которая утвердила гендерно обусловленные сезонные ритуалы как неотъемлемую черту шведского общества. Их отличие от других кампаний по дарению подарков солдатам, рассматриваемых в литературе, определяется нейтральным статусом Швеции во Второй мировой войне. Несмотря на нейтралитет, ее общество, повседневная жизнь, политика и экономика были глубоко затронуты глобальным военным кризисом. В шведской истории этот период обычно называют «годами готовности» (с. 227), относящимися к усилиям страны по поддержанию обороноспособности на фоне надвигающихся угроз со стороны Советского Союза (советско-финская война) и нацистской Германии (которая оккупировала Данию и Норвегию в 1940 г.). Правительственная политика «вооруженного нейтралитета» основывалась на резком увеличении военных расходов и соответствующих мерах по ограничению потребления.

На этом фоне кампании «Рождественские подарки фронту», проводившиеся в 1940–1944 гг. с ноября по середину декабря, соответствовали интересам государства. Они сохраняли и адаптировали потребительские практики, а также гендерные нормы на протяжении всей войны. В них участвовали представители некоммерческих общественных организаций, бизнеса, военных и гражданских властей. Инициатива, с одной стороны, была направлена на повышение морального духа тыла и национального единства. С другой – крупные шведские торговые дома увидели в ней не только шанс продемонстрировать свои патриотические настроения, но и благоприятную возможность для бизнеса.

В основу исследования легли ранее не использованные архивные документы национального комитета по организации кампаний «Рождественские подарки фронту», включая переписку, протоколы, отчеты и т.п., а также кинохроника и материалы прессы. Вместе эти источники позволяют проанализировать среди прочего значимость СМИ в организации кампаний, гендерные роли в патриотических акциях военного времени и специфику взаимодействия коммерческих и некоммерческих объединений с властями.

Кампании «Рождественские подарки фронту» были нацелены на гражданских лиц, в первую очередь на женщин, а получате-

лями были солдаты, образ которых сознательно транслировался в средствах массовой информации как пример специфической мужественности. Благодаря большому количеству публичных мероприятий и интенсивному освещению в СМИ, а также участию шведских знаменитостей, около 400 тыс. рождественских подарков (обычно содержащих табак, сладости, вязаные носки или бритвенные лезвия) было собрано и доставлено в течение войны в стране с населением около 6,5 млн человек. Случались и казусы из-за эксплуатации гендерных ролей. Женщины-военнослужащие могли получить мужской по наполнению подарок. При этом их возмущение воспринималось как неуважение к труду волонтеров (с. 234).

Мобилизация потенциальных «дарителей» всеми средствами пропаганды была неразрывно связана с легитимацией «хорошего» потребления: практика совершения покупок, выбора товаров и их привлекательной упаковки была оформлена как патриотическая обязанность, которая, очевидно, не прекратилась с окончанием войны. Рассматриваемые с этой точки зрения кампании подтверждают наблюдение английского исследователя общества потребления Фрэнка Трентмана, что 1945 г. не был отправной точкой истории культуры потребления, а лишь стал важным рубежом на пути ее развития (с. 226).

Рождественские традиции, подразумевавшие доброжелательность, сочувствие и щедрость, с одной стороны, и традиционные представления о войне в культуре (насилие, хаос и анархия, разлучающие семьи), с другой – требовалось адаптировать и каким-то образом увязать в пропагандистских патриотических акциях. Ритуал дарения подарков был призван напомнить о мире и спокойствии, о доме и семье, а также поднять боевой дух военнослужащих.

На фоне нейтралитета Швеции массовое дарение подарков военнослужащим на Рождество сохранилось в памяти как опыт решимости объединенной нации поддерживать свои ритуалы потребления. Во времена политики жесткой экономии и нормирования выбор рождественских подарков давал иллюзию довольства, важную для социальной стабильности, которую поощряли ведущие организации шведского общества – профсоюзы, политические партии, женские комитеты. Продвигая радости потребления, хотя и довольно бережливого и продуманного, кампании «Рождественские подарки фронту» усиливали связи внутри шведского общества и, как следствие, закрепляли позитивный образ потребительской культуры.

Важная задача состояла в том, чтобы дать «неизвестным получателям» возможность почувствовать, что им вручили «личные»

подарки. Для этого граждан привлекали не только к сбору денежных средств, но и для волонтерской работы по поиску, сборке и доставке рождественских товаров (с. 228). Поэтому посылки от частных лиц и крупных предприятий тщательно и тайно вскрывались, чтобы убедиться, что в них содержится продукция надлежащей ценности, приятная для получателей и что она была тщательно собрана. Приветствовалось включение записок с личными поздравлениями (с. 231).

Коммерческая составляющая рождественских традиций закрепилась еще задолго до Второй мировой войны вместе с развитием индустриального общества. Но именно благодаря кампаниям «Рождественские подарки фронту» она распространилась на все социальные слои и была широко поддержана государством и обществом. «Шведский корпус Лотты» – многочисленная организация поддержки обороны женщинами-волонтерами – содействовала закреплению этой практики на национальном уровне.

Примечательно, что едва ли не во всех составляющих кампаний «Рождественские подарки фронту» шведы опирались на уже существующий опыт. Был пример сбора средств на подарки, но теперь стало важно сделать акцент на усилиях волонтеров. Более эффективный и менее сложный способ отправки рождественских поздравлений солдатам в 1939 г. оказался успешным, но не был повторен, так как исключал личностный, сентиментальный аспект. Тогда денежные средства собирались через агитацию по радио, а во время войны необходимо было, чтобы волонтеры активнее участвовали в выборе и упаковке подарков. Таким образом, самая важная ценность, приписываемая кампаниям «Рождественские подарки фронту», заключалась именно в том, что это был рождественский ритуал, а не просто пожертвование на благое дело. Стандартизовав экономическую ценность подарка и ограничив временные рамки, удалось преуменьшить денежную сторону и вместо этого увеличить эмоциональную ценность неоплачиваемой работы волонтеров. Очевидно, что именно процесс дарения, а не сами подарки, сформировал смысл кампаний (с. 232).

После первых двух лет кампании (1940 и 1941 гг.) была проведена основательная реорганизация. Логистика по всей стране была децентрализована и согласована с региональными военными подразделениями. При этом «корпус Лотты» взял на себя ключевую роль в местных мероприятиях по сбору средств и рекламе, а также в упаковке и доставке подарков, которые теперь должны были распределяться по полкам и оборонительным позициям, а пожертвованные средства использовались для покупки подарков на

месте. Эта регионализация значительно увеличила вовлеченность общественности: дарители и получатели оставались неизвестными друг другу, но физическое расстояние между ними сокращалось.

Гендерные образы женщин-дарителей и мужчин – получателей подарков, использовавшиеся в пропаганде, становятся еще более выраженными, если их сопоставить с традиционными шведскими рождественскими обычаями. В Швеции подарки детям в канун Рождества обычно доставляет Санта-Клаус. В кампаниях «Рождественские подарки фронту» привычные роли были пересмотрены. Санта посещал дома и предприятия, чтобы собрать пожертвования, в то время как «Люсия» (образ из традиционной шведской христианской традиции, олицетворявший молодую красивую шведскую женщину) брала на себя передачу подарков солдатам в канун Рождества.

Таким образом, визит «прекрасной Люсии», избранной местным сообществом, стал неотъемлемой частью самого подарка. Это, вероятно, имело бóльшую привлекательность для солдат по сравнению с отеческим образом Санты (с. 234). Изображения солдат, получающих подарок от Санты, также производили бы более детское и менее мужественное впечатление, что могло бы подорвать преобладающее представление о военной службе как о важной стадии перехода от детства к зрелости.

Лишь в заключительном разделе статьи авторы подробнее возвращаются к коммерческой выгоде организаторов акции. Если дарение рождественских подарков не было всеобщей практикой в Швеции в межвоенные годы, то «Рождественские подарки фронту» сыграли ключевую роль в национализации ритуала. Акты дарения и радости получения подарков, пропагандируемые различными гражданскими организациями и представленные в СМИ, помогли распространить идеалы сезонного потребления на все социальные слои. Более того, кампании усилили гендерное измерение рождественских подарков. Хотя, безусловно, было много мужчин-дарителей и женщин-получателей, они в значительной степени оставались невидимыми в репортажах.

Быстро организованное и достаточно эффективное сотрудничество между прессой, общественными организациями, военными, гражданскими властями и коммерческими структурами, на котором строилась акция, не было уникальным для Швеции или других европейских стран, сочетая ряд более ранних идей и достижений. Тем не менее тот факт, что Швеция не была втянута в войну и что радостный опыт коллективного дарения подарков защитникам нации никогда не был омрачен смертями и обширными

разрушениями, означал, что наследие этого типа коллективного опыта отличалось от такового в воюющих странах. Слияние национальных интересов, деятельности общественных объединений и коммерческих практик станет характерным для шведского потребительского общества на протяжении большей части XX столетия. Коллективный опыт показал, что все общество может участвовать и даже получать удовольствие от потребительского патриотизма, выражая этим свою национальную солидарность.

Ю.П. Игнатова

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Неделчев Н.* 22 юни 1941. Катастрофата: виновен ли е маршал Жуков? – София: Locus, 2020. – 294 с. – (Via sine fine; 10).
- Сгурев В.С.* От Курск до Източна Пруссия. – София: Марин Дринов: Захарий Стоянов, 2021. – 431 с.: ил.
- Andrews M.* Women and evacuation in the Second World War: femininity, domesticity, and motherhood. – London etc.: Bloomsbury Academic, 2019. – X, 222 p.
- Aydın M.* Turkish foreign policy in the chaos of war, 1939–1945 // *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. – 2021. – Vol. 23, N 6. – P. 854–871. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.1981687>
- Ayers O.* Jim Crow and John Bull in London: transatlantic encounters with race and nation in the Second World War // *Studies in ethnicity and nationalism*. – 2020. – Vol. 20, N 3. – P. 244–266. – DOI: <https://doi.org/10.1111/sena.12335>
- Balint B.* “I am now their father too”: the multi-layered meanings of family letters from the Jewish Maquis in France during the Second World War // *Jewish culture and history*. – 2023. – Vol. 24, N 2. – P. 193–215. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1462169X.2023.2192638>
- Bakhash S.* The “Officers Plot”: the German fifth column during the Anglo-Soviet occupation of Iran in the Second World War // *British journal of Middle Eastern studies*. – 2021. – Vol. 50, N 2. – P. 262–280. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13530194.2021.1962673>
- Belsky N.* Evacuee encounters on the Soviet home front during the Second World War. – Abingdon, Oxfordshire: Routledge, 2024. – XII, 212 p.
- Black J.* Strategy and the Second World War: how the war was won, and lost. – London: Robinson, 2021. – XIII, 302 p.
- Bottelier Th.W.* “Not on a purely nationalistic basis”: the internationalism of Allied coalition warfare in the Second World War // *European review of history = Revue européenne d’histoire*. – 2020. – Vol. 27, N 1/2. – P. 152–175. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13507486.2019.170525>
- Carley M. J.* Stalin’s gamble: the search for allies against Hitler, 1930–1936. – Toronto: University of Toronto Press, 2023. – XXII, 614 p.
- Chan P.* Patterns of silence: French witnesses of Nazi crimes in occupied Ukraine // *Journal of contemporary history*. – 2022. – Vol. 57, N 3. – P. 597–620. – DOI: <https://doi.org/10.1177/00220094221087857>
- Cheng K.* Learning the ropes of life in Shanghai: Jewish refugee children in Second World War China // *Journal of contemporary history*. – URL:

- <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00220094241263780>. – Дата публикации: 26.07.2024. – DOI: <https://doi.org/10.1177/00220094241263780>
- Chin R.* War of words: Britain, France and discourses of empire during the Second World War. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. – X, 288 p.
- Clary D.C.* The lost scientists of World War II. – London; Singapore; Hackensack, N. J.: World Scientific Publishing Europe, 2024. – XII, 304 p.
- Corse E.* “To accustom Turkish minds to a state of belligerency”: the delicate balance of British propaganda in Turkey during the Second World War // *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. – 2021. – Vol. 23, N 6. – P. 896–913. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.1981688>
- Dale R.* Remobilizing the dead: wartime and postwar Soviet burial practices and the construction of the memory of the Great Patriotic War // *Kritika*. – 2021. – Vol. 22, N 1. – P. 41–73. – DOI: 10.1353/kri. 2021.0002
- Darmon M. T.* Missing persons and World War II: between personal and national loss // *War in history*. – 2021. – Vol. 29, N 3. – P. 525–760. – DOI: <https://doi.org/10.1177/09683445211038600>
- David-Fox M.* Kul’turnost’ meets Kultur: Lyusya’s testimony on Russian-German sexual relations in occupied Smolensk // *Russian review*. – 2023. – Vol. 82, N 3. – P. 401–418. – DOI: <https://doi.org/10.1111/russ.12489>
- Davie H.G.W.* Patterns of war: a re-interpretation of the chronology of the German-Soviet war 1941–1945 // *The journal of Slavic military studies*. – 2023. – Vol. 36, N 2. – P. 139–163. – DOI: 10.1080/13518046.2023.2251305
- Davis V.* Central Asia in World War Two: the impact and legacy of fighting for the Soviet Union. – New York: Bloomsbury Academic, 2023. – 387 p.
- Dederling T.* German “enemy aliens” in internment camps in South Africa in the Second World War // *South African historical journal*. – 2023. – Vol. 75, N 3. – P. 400–427. – <https://doi.org/10.1080/02582473.2024.2366246>
- Dockter W.* “A friendly neutral”: Churchill and Turkey in the Second World War // *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. – 2021. – Vol. 23, N 6. – P. 872–895. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.1986778>
- Douglas R.M.* The US Army and male rape during the Second World War // *Journal of contemporary history*. – 2020. – Vol. 56, N 2. – P. 243–467. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0022009420925874>
- Dumitru D.* The Gordian Knot of justice: prosecuting Jewish Holocaust survivors in Stalinist courts for “collaboration” with the enemy // *Kritika*. – 2021. – Vol. 22, N 4. – P. 729–756. – DOI: <https://doi.org/10.1353/kri.2021.0051>
- Eaton N.* German blood, Slavic soil: how Nazi Königsberg became Soviet Kaliningrad. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2023. – XIII, 315 p.: ill. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).
- Eckel J.* Pivot years: World War II in 20 th-century history // *Journal of modern European history*. – 2023. – Vol. 21, N 2. – P. 154–283. – DOI: <https://doi.org/10.1177/16118944231163225>
- Eden J.* God save the USSR: Soviet Muslims and the Second World War. – New York: Oxford University Press, 2021. – XII, 253 p.
- Farquet C.* Neutral paradoxes: Switzerland and the Allies at the beginning of the Second World War // *Diplomacy & statecraft*. – 2024. – Vol. 35, N 4. – P. 605–630. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09592296.2024.2421714>

- Feferman K.* “If we had wings we would fly to you”: a Soviet Jewish family faces destruction, 1941–42. – Brookline: Academic Studies Press, 2020. – XXVI, 295 p.: ill. – (Jews of Russia and Eastern Europe and their legacy).
- Ferreiro L.D.* Churchill’s American arsenal: the partnership behind the innovations that won World War Two. – New York: Oxford University Press, 2023. – XIX, 401 p.
- Fitzpatrick Sh.* The women’s side of the story: Soviet “displaced persons” and postwar repatriation // Russian review. – 2022. – Vol. 81, N 2. – P. 284–301. – DOI: <https://doi.org/10.1111/russ.12361>
- Folly M.H.* “They treat us with scant respect”: prejudice and pride in British Military Liaison with the Soviet Union in the Second World War // The international history review. – 2021. – Vol. 44, N 5. – P. 1127–1144. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07075332.2021.2003845>
- Fonzi P.* Oltre i confini: le occupazioni italiane durante la Seconda guerra mondiale (1939–1943). – Milano: Mondadori, 2020. – XV, 271 p.
- Fóris Á.* The Hungarian Army’s way into the Vernichtungskrieg – the Hungarian troops on the Eastern Front, 1941 // The journal of Slavic military studies. – 2021. – Vol. 34, N 4. – P. 580–598. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040846>
- Frank A.J.* Kazakh Muslims in the Red Army, 1939–1945. – Boston: Brill, 2022. – 201 p. – (Brill’s Inner Asian Library; vol. 42).
- Fritsche M.* Spaces of encounter: relations between the occupier and the occupied in Norway during the Second World War // Social history. – 2020. – Vol. 45, N 3. – P. 360–383. – DOI: <https://doi.org/10.1080/03071022.2020.1771868>
- Fry H.* MI9: a history of the secret service for escape and evasion in World War Two. – New Haven [2020]. – XIX, 327 p.: ill.
- Furgerson T.* The Dallas story: the North American Aviation plant and industrial mobilization during World War II. – Denton, Texas: University of North Texas Press, [2023]. – XI, 403 p.: ill. – (War and the Southwest series; N 16).
- Giblin D.F.* Seeds of Victory: satisfying the needs of the Red Army and the Soviet State during the formation of the Kursk Salient, February–May 1943 // Journal of military history. – 2020. – Vol. 84, N 4. – P. 1157–1188.
- Glover N., Arnberg K., Cottrell-Sundevall F.* The making of consumer patriotism: mobilizing Christmas in Sweden during the Second World War // History of retailing and consumption. – 2024. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2373518X.2024.2400452>. – Дата публикации: 18.09.2024. – DOI: <https://doi.org/10.1080/2373518X.2024.2400452>
- Gökay B.* Turkish neutrality in the Second World War and relations with the Soviet Union // Journal of Balkan and Near Eastern studies. – 2021. – Vol. 23, N 6. – P. 845–853. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.1935082>
- Golub G.* The eagle and the lion: reassessing Anglo-American strategic planning and the foundations of U.S. grand strategy for World War II // Journal of strategic studies. – 2022. – Vol. 46, N 5. – P. 921–948. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01402390.2022.2104837>
- Grau L.W.* Defending a river line: the Soviet World War II experience // The journal of Slavic military studies. – 2021. – Vol. 34, № 1. – P. 69–82. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2021.1923986>
- Gray T.* Liberation and retribution: war crimes and collaboration in Smolensk Oblast // The Soviet and post-Soviet review. – 2020. – Vol. 47, N 1. – P. 73–94. – DOI: <https://doi.org/10.1163/18763324-20191361>

- Greenwald L.* What war and Resistance can do: the rebirth of feminism in France, 1945–1970 // *Journal of women's history*. – 2023. – Vol. 35, N 2. – P. 97–117.
- Grimnes O.Ch.* Norway in the Second World War, politics, society and conflict. – London: Bloomsbury Academic, 2022. – 269 p.
- Grunewald S.C.I.* From incarceration to repatriation: German prisoners of war in the Soviet Union. – Ithaca: Cornell University Press, 2024. – XIII, 241 p.: ill. – (Battle-grounds: Cornell studies in military history).
- Gupta D.* India in the Second World War: an emotional history. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2023. – XVI, 319 p.
- Hale W.* Introduction to the special issue: Turkey and Britain in the Second World War // *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. – 2021a. – Vol. 23, N 6. – P. 819–823. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.1987766>
- Hale W.* Turkey and Britain in World War II: origins and results of the tripartite alliance, 1935–40 // *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. – 2021b. – Vol. 23, N 6. – P. 824–844. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.1987764>
- Hall K.T.* The flyer trials: seeking justice for “Lynchjustiz” committed against American airmen during the Second World War // *War in history*. – 2020. – Vol. 27, N 3. – P. 486–516. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0968344518783367>
- Hammond K.A.* China's Muslims and Japan's Empire: centering Islam in World War II. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2020. – XVIII, 294 p.
- Harrisville D.A.* The virtuous Wehrmacht: crafting the myth of the German soldier on the Eastern Front, 1941–1944. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 2021. – XII, 309 p.: ill. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).
- Harward G.T.* “To the end of the line”: the Romanian Army in Operation Barbarossa // *The journal of Slavic military studies*. – 2021. – Vol. 34, N 4. – P. 599–618. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040834>
- Haslam J.* The spectre of war: international communism and the origins of World War II. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2021. – XVI, 481 p.
- Hass J.K.* Wartime suffering and survival: the human condition under siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944. – New York: Oxford University Press, 2021. – 440 p.
- Hill A., Stahel D.* British ‘Lend-Lease’ aid to the USSR and the Battle of Moscow in the light of Soviet and German sources // *The journal of Slavic military studies*. – 2021. – Vol. 34, N 4. – P. 537–557. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040839>
- Hirsch F.* Soviet judgment at Nuremberg: a new history of the International Military Tribunal after World War II. – New York: Oxford University Press, 2020. – XVIII, 536 p.: ill.
- Holmila A.* Parliament and the press: forging the United Nations in wartime Britain, 1939–45 // *Parliamentary history*. – 2020. – Vol. 39, N 2. – P. 292–310. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1750-0206.12499>
- Holtmark S.G.* Improvised liberation, October 1944: the Petsamo–Kirkenes Operation and the Red Army in Norway. Part 1 // *The journal of Slavic military studies*. – 2021a. – Vol. 34, N 2. – P. 271–302. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2021.1990554>
- Holtmark S.G.* Improvised liberation, October 1944: the Petsamo–Kirkenes Operation and the Red Army in Norway. Part 2 // *The journal of Slavic military studies*. – 2021b. – Vol. 34, N 3. – P. 426–458. – DOI: [10.1080/13518046.2021.1992707](https://doi.org/10.1080/13518046.2021.1992707)
- Howell G.* Women in wartime: dress studies from Picture Post, 1938–1945. – London etc.: Bloomsbury Visual Arts, 2019. – VIII, 216 p.

- Huff G.* World War II and Southeast Asia: economy and society under Japanese occupation. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2020. – XXX, 523 p.: ill.
- Iacobelli P.* Japan's intelligence network in Chile during the Second World War // *Journal of contemporary history*. – 2020. – Vol. 56, N 1. – P. 77–95. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0022009419884631>
- Jasiński G.* Sowietci wobec Związku Walki Zbrojnej i Armii Krajowej w latach 1939–1945 // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – 2023. – T. 14, N 1. – S. 137–148.
- Jelušić I.* Gender and World War II in the Yugoslav media. – London: Routledge, 2025. – 220 p.
- Johnson O.V., Mammadov R.* Russian journalists and the “Great Patriotic War of the Soviet Union” // *The journal of Slavic military studies*. – 2022. – Vol. 35, N 3/4. – P. 351–371. – DOI: [10.1080/13518046.2022.2158530](https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2158530)
- Joskowicz A.* Rain of ash: Roma, Jews, and the Holocaust. – Princeton: Princeton University Press, 2023. – XV, 351 p.: ill.
- Khaitan U.* Women beneath the surface: coal and the colonial state in India during the Second World War // *War & society*. – 2020. – Vol. 39, N 3. – P. 171–188. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1790473>
- Khiterer V.* Life in the ruins: Jewish national revival in Kiev after the Holocaust (1944–48) // *Aftermath of the Holocaust and genocides / ed. by V. Khiterer, E. Magee*. – Newcastle upon Tyne (UK): Cambridge Scholars Publishing, 2020. – P. 2–37.
- Khiterer V.* Unwelcome return home: Jews, anti-Semitism and the housing problem in post-war Kyiv // *Eastern European Holocaust studies*. – 2022. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/eehs-2022-0001/html>. – Дата публикации: 11.10.2022. – DOI: <https://doi.org/10.1515/eehs-2022-0001>
- Kimble S.L.* Internationalist women against Nazi atrocities in occupied Europe // *Journal of women's history*. – 2023. – Vol. 35, N 1. – P. 57–79.
- King J.* “The country Christ knew”: New Zealanders' interactions with Christianity in the Middle East, Greece, and Italy during the Second World War // *Journal of religious history*. – 2023. – Vol. 47, N 1. – P. 48–67. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9809.12913>
- Kirchubel R., Matei S.A.* Blunting Barbarossa's spear: analyzing Army Group Center's officer losses during the campaign's first half // *The journal of Slavic military studies*. – 2021. – Vol. 34, N 4. – P. 510–536. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040838>
- Koerber J.* Borderland generation: Soviet and Polish Jews under Hitler. – Syracuse: Syracuse University Press, 2020. – XIV, 421 p.
- Kucherenko O.* A fleeting friendship: Anglo-Soviet penpalship in the Second World War // *Diplomacy & Statecraft*. – 2021. – Vol. 32, N 4. – P. 692–719. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09592296.2021.1996713>
- Lak M., Willems B.* Introduction: halting Operation Barbarossa: transnational aspects of the first six months of the Eastern Front // *The journal of Slavic military studies*. – 2021. – Vol. 34, N 4. – P. 487–492. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040836>
- Lániček J.* The role of family networks in Holocaust rescue, 1933–1941: the case of Australia // *Australian journal of politics and history*. – 2024. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/ajph.13032>. – Дата публикации: 25.11.2024. – DOI: <https://doi.org/10.1111/ajph.13032>

- Leach D.* “True Anzacs”, Yanks and “yikes”: New Zealanders on the Australian home front during the Second World War // *History Australia*. – 2021. – Vol. 18, N 3. – P. 424–447. – DOI: <https://doi.org/10.1080/14490854.2021.1956337>
- Lee S.* “Crucial? Helpful? Practically Nil?” Reality and perception of Britain’s contribution to the development of nuclear weapons during the Second World War // *Diplomacy & statecraft*. – 2022. – Vol. 33, N 1. – P. 19–40. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09592296.2022.2041805>
- Lewis B., Warnaby G.* The contribution of posters to the venereal disease campaign in Second World War Britain // *Contemporary British history*. – 2021. – Vol. 36, N 4. – P. 487–515. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13619462.2021.1996234>
- Littlewood D.* Conscription in Britain, New Zealand, Australia and Canada during the Second World War // *History compass*. – 2020. – Vol. 18, N 4. – URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hic3.12611>. – Дата публикации: 3.03.2020. – DOI: <https://doi.org/10.1111/hic3.12611>
- López M.A.* The survival of Auftragstaktik during the Soviet counterattack in the Battle for Moscow, December 1941 to January 1942 // *Journal of military history*. – 2020. – Vol. 84, N 1. – P. 187–212.
- MacDonell N.* *Empresses of Seventh Avenue: World War II, New York City, and the birth of American fashion*. – London: St. Martin’s Press, 2024. – VIII, 354 p.
- Malinauskaitė G.* The Holocaust and Soviet war crimes trials in the Cold War context: the 1964 Klaipėda War Crimes Trial. – New York: Routledge, 2024. – 208 p. – (Routledge histories of Central and Eastern Europe).
- Marciniak W.* “An internal matter for the Soviet Union”: the attitude of the Polish Embassy in Moscow towards problems with changing the citizenship of Polish repatriates from depths of the Soviet Union in 1945 // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – 2023. – T. 14, N 2. – S. 73–81.
- Marco J.* “An army of mutes in disguise” languages and transnational resistance in France during the Second World War // *Language and intercultural communication*. – 2020. – Vol. 21, N 5. – P. 698–710. – DOI: <https://doi.org/10.1080/14708477.2020.1837854>
- Martin J.* The global crisis of commodity glut during the Second World War // *The international history review*. – 2021. – Vol. 43, N 6. – P. 1273–1290. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07075332.2020.1871053>
- Martyniuk O.* Threatening mobility: cycling during World War II from a Ukrainian perspective // *The journal of transport history*. – 2023. – Vol. 44, N 3. – P. 345–513. – DOI: <https://doi.org/10.1177/00225266231156113>
- Mijnssen I.* Moscow’s “southern outpost”: war memory and the struggle for recognition in the Hero City of Tula // *The journal of Slavic military studies*. – 2021. – Vol. 34, N 4. – P. 493–509. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040837>
- Miljan G., Blomqvist A.E.B.* The unwanted citizens: the “legality” of Jewish destruction in Croatia and Romania during World War II // *Comparative legal history*. – 2023. – Vol. 11, N 2. – P. 226–255. – DOI: <https://doi.org/10.1080/2049677X.2023.2270390>
- Miller S.-L.* *The women behind the few: the Women’s Auxiliary Air Force and British intelligence during the Second World War*. – London: Biteback Publishing, 2023. – XX, 280 p.: ill.
- Miller S.-L.* *Women in allied naval intelligence in the Second World War: a close secret*. – London etc.: Bloomsbury Academic, 2024. – 234 p.
- Monama F.L.* Creating the correct frame of mind: state propaganda towards Black South Africans during the Second World War, 1939–1945 // *South African his-*

- torical journal. – 2021. – Vol. 73, N 3. – P. 601–632. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02582473.2021.1918231>
- Mouchenik Y., Fau-Vincenti V.* The fate of Jews hospitalized in mental hospitals in France during World War II // History of psychiatry. – 2020. – Vol. 31, N 2. – P. 131–254. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0957154X20904317>
- Mouré K.* Black market logic: meat supply in Vichy France // Global food history. – 2024. – Vol. 10, N 3. – P. 289–305. – DOI: <https://doi.org/10.1080/20549547.2024.2313909>
- Mrňka J.* Silent shadows in the rebirth of Czech nation: unveiling the role of rape and sexual violence in the ethnic cleansing of post-WWII Czech lands // Nations and nationalism. – 2024. – 21 October. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/nana.13053>. – DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.13053>
- Muhlhauser R.* Sex and the Nazi soldier: violent, commercial, and consensual encounters during the war in the Soviet Union, 1941–1945 / transl. by J. Spengler. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. – XIV, 392 p.
- Myers S.P.* Earning their wings: the WASPs of World War II and the fight for veteran recognition. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2023. – 256 p.
- Novikova L.* The 1942 “egg expeditions” to Novaia Zemlia and the struggle for food in the wartime Soviet Union // The Russian review. – 2024. – Vol. 83, 21 October 2. – P. 209–226. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/russ.12598>. – DOI: <https://doi.org/10.1111/russ.12598>
- O’Connell C.A.* Roman Holiday? African Americans and Italians in the Second World War // History. – 2021. – Vol. 106, 21 October, N 373. – P. 775–803. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-229X.13257>
- Oprel M.* Categorisation. Classification. Confiscation. Dealing with enemy citizens in the Netherlands in the aftermath of World War II (1944–1967) // European review of history = Revue européenne d’histoire. – 2021. – Vol. 28, N 2. – P. 260–277. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13507486.2020.1865278>
- Papalia G.* The Italian “Fifth Column” in Australia: Fascist propaganda, Italian-Australians and internment // Australian journal of politics and history. – 2020. – Vol. 66, N 2. – P. 214–231. – DOI: <https://doi.org/10.1111/ajph.12680>
- Piehler G.K.* A religious history of the American GI in World War II. – Lincoln: [University of Nebraska Press, 2021]. – XV, 393 p.: ill.
- Piffer T.* The Big Three Allies and the European Resistance: intelligence, politics, and the origins of the Cold War, 1939–1945. – Oxford. New York: Oxford University Press, 2024. – VIII, 275 p.: ill.
- Pomiecko A.* “It is never too late to fight for one’s family and nation”: attempts at “Belarusifying” soldiers in German-sponsored armed formations, 1941–1944 // The journal of Slavic military studies. – 2020. – Vol. 33, N 2. – P. 259–276. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2020.1756711>
- Porch D.* Defeat and division: France at war, 1939–1942. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2022. – XVIII, 725 p.: ill. – (Armies of the Second World War).
- Porch D.* Resistance and liberation: France at war, 1942–1945. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2024. – XXVIII, 804 p.: ill. – (Armies of the Second World War).
- Powell S., Mühr H.* Capturing the complex histories of German World War II captured maps // Journal of map & geography libraries. – 2021. – Vol. 16, N 2. – P. 166–193. – DOI: <https://doi.org/10.1080/15420353.2021.1922569>

- Prisoners of war and local women in Europe and the United States, 1914–1956: consorting with the enemy / ed. by M. Reiss, B. K. Feltman. – London: Palgrave Macmillan, 2022. – XIII, 310 p.
- Quinn J.* The “desertions crisis” in the Irish defence forces during the Second World War, 1939–1945 // *War in history*. – 2020. – Vol. 28, N 4. – P. 715–944. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0968344520932960>
- Rieber A. J.* Storms over the Balkans during the Second World War. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – XXIV, 281 p.: ill.
- Rodgers J.* A single wooden house standing in Stalingrad: Alexander Werth’s “Russian Commentary” on the BBC during the Second World War // *Historical journal of film, radio and television*. – 2024. – Vol. 44, N 3. – P. 609–623. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01439685.2024.2370636>
- Röger M.* Wartime relations: intimacy, violence, and prostitution in occupied Poland, 1939–1945. – New York: Oxford University Press, 2021. – 224 p.
- Roguska A., Roguski R., Madej A.* The education of Polish children deported to the USSR and evacuated to the Near and Middle East during World War II // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – 2024. – T. 14, N 1. – S. 31–41.
- Roshwald A.* Occupied: European and Asian responses to Axis conquest, 1937–1945. – Cambridge, United Kingdom; New York, N. Y.: Cambridge University Press, 2023. – XIII, 451 p.: ill.
- Rossi G.* American ethnic misfits: the U. S. Army’s Special Organizations and enemy alien servicemen, 1942–1945 // *Journal of military history*. – 2023. – Vol. 87, N 4. – P. 1029–1055.
- Rutherford J.* Germany’s total war: combat and occupation around the Kursk Salient, 1943 // *Journal of military history*. – 2021. – Vol. 85, N 4. – P. 954–979.
- Ryles J., Sendziuk P.* “Sons go wrong without fathers”: Australian children and absent serviceman fathers in the Second World War // *War & society*. – 2024. – Vol. 43, N 4. – P. 437–454. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07292473.2024.2375180>
- Scheck R.* Love between enemies: Western prisoners of war and German women in World War II. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2021. – XVIII, 381 p.: ill.
- Schmidt C., Stone D.* Women in child search: a gendered view of post-World War II reconstruction // *European review of history = Revue européenne d’histoire*. – 2023. – Vol. 30, N 6. – P. 888–906. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13507486.2023.2269958>
- Schwartz P.* Today sardines are not for the sale: a street protest in occupied Paris. – New York: Oxford University Press, 2020. – 256 p.
- Smith J.P.* Race and hospitality: Allied troops of colour on the South African home front during the Second World War // *War & society*. – 2020. – Vol. 39, N 3. – P. 155–170. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1786890>
- Spring K.A.* “Little goodies in his kit bag”: British servicemen, masculinity, and feeding the home front in World War II // *Global food history*. – 2021. – Vol. 7, N 3. – P. 223–237. – DOI: <https://doi.org/10.1080/20549547.2021.1971928>
- Spring K.A.* “Today we have all got to be fighting fit”: the interconnectivity of gender roles in British food rationing propaganda during the Second World War // *Gender & history*. – 2020. – Vol. 32, N 2. – P. 320–340. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0424.12446>

- Taylor M.* City, community and sport in Birmingham during the Second World War // *Midland history*. – 2021. – Vol. 46, N 2. – P. 246–260. – DOI: <https://doi.org/10.1080/0047729X.2021.1921431>
- Tewes L.* Die Panzergrenadierdivision Grossdeutschland im Feldzug gegen die Sowjetunion 1942 bis 1945. – Stuttgart: Deutsche Apotheker Verlag, 2020. – 1288 S.
- Thompson R., Robb L.* “We must find a way to remember them too”: British Second World War conscientious objectors in post-war culture // *Journal of war & culture studies*. – 2024. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17526272.2024.2414562>. – Дата публикации: 21.10.2024. – DOI: <https://doi.org/10.1080/17526272.2024.2414562>
- Töppel R.* The Battle of Prokhorovka: facts against fables // *The journal of Slavic military studies*. – 2021. – Vol. 34, N 2. – P. 251–270. – DOI: [10.1080/13518046.2021.1990559](https://doi.org/10.1080/13518046.2021.1990559)
- Tsou T.-R.* Schooling in camp: incarceration camps and the Japanese American school experience during World War II // *Social science quarterly*. – 2024. – Vol. 105, N 6. – P. 1879–1891. – DOI: <https://doi.org/10.1111/ssqu.13446>
- Villanueva J.A.* Awaiting MacArthur’s return: World War II guerrilla resistance against the Japanese in the Philippines. – Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2022. – XI, 234 p.: ill.
- “We cows are in a very serious predicament”: constructions of land girls and cattle in Britain in the Second World War / Webb T., Summerfield P., Riley M., Pearson C. // *Gender & history*. – 2022. – Vol. 34, N 1. – P. 179–200. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0424.12524>
- Willems B.* Intra-ethnic violence in the dying days of the Reich: local perspectives on late-war summary executions // *Journal of contemporary history*. – 2025. – Дата публикации: 12.02.2025. – DOI: <https://doi.org/10.1177/00220094251314415>
- Wolkonowski J.* Sowiecko-polskie relacje wojskowo-polityczne na Wileńszczyźnie w latach II wojny światowej // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – 2023. – T. 14, N 1. – S. 175–187.
- Women defying Hitler: rescue and resistance under the Nazis* / ed. by N. Stoltzfus, M. Paldiel, J. Baumel-Schwartz. – London; New York: Bloomsbury Academic, 2021. – IX, 221 p.
- Women’s experiences of the Second World War: exile, occupation and everyday life* / ed. by M. J. Crowley, S. T. Dawson. – Woodbridge, Suffolk; Rochester, NY: The Boydell Press, 2021. – XX, 224 p.: ill.
- Zhang T.* China in African Americans’ pursuit of equality during the Second World War // *Journal of contemporary history*: [сайт]. – 2025. – 30.01. – DOI: <https://doi.org/10.1177/00220094251314432>
- Zharkynbayeva R.* Labor mobilization of population from Central Asia during World War II: conscription, dislocation, and conditions of life and work (on examples from the Kazakh SSR) // *The journal of Slavic military studies*. – 2021. – Vol. 34, N 4. – P. 558–579. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040845>
- Zuziak J.* Okoliczności zerwania przez Związek Sowiecki stosunków dyplomatycznych z Polską w kwietniu 1943 r. // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – 2022. – T. 13, N 2. – S. 201–215.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Электронная почта: apanasenok@yandex.ru.

Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <https://inion.ru/ru/about/personalities/babenko-oksana-vasilievna/>.

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <https://inion.ru/ru/about/personalities/bogomolov-igor-konstantinovich/>.

Большакова Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра россиеведения ИНИОН РАН. Персональная страница: <https://inion.ru/ru/about/personalities/bolshakova-olga-vladimirovna/>.

Борнтоф Василий Маркович – студент четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Буздалина Екатерина Артёмовна – младший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Электронная почта: ecathrine.b@gmail.com.

Гришаев Даниил Валерьевич – студент четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Гузаеров Разиль Илшатович – младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН. Персональная страница: <https://inion.ru/ru/about/personalities/guzaerov-razil-ilshatovich/>

Дунаева Юлия Вячеславовна – старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Электронная почта: jvd@inbox.ru

Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Электронная почта: e.n.emelyanova@mail.ru

Журбин Михаил Сергеевич – студент четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Игнатова Юлия Петровна – студентка четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Куленко Алёна Михайловна – студентка четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Медовичев Александр Евгеньевич – ведущий редактор отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <https://inion.ru/ru/about/personalities/medovichev-aleksandr-evgenievich/>

Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <https://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

Никитюк Александра Николаевна – студентка четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Николко Татьяна Дмитриевна – студентка четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Петров Всеволод Владимирович – студент четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Петрухина Дарья Валерьевна – независимый исследователь.

Савченко Алексей Фёдорович – младший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Электронная почта: alexey.savchenko_02@mail.ru.

Соколов Тимофей Павлович – студент четвертого курса бакалавриата исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Сундукова Мария Олеговна – студентка второго года обучения магистратуры исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <https://inion.ru/ru/about/personalities/fadeeva-tatiana-mikhailovna/>.

Худяков Игнат Дмитриевич – студент второго года обучения магистратуры исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

СБОРНИК ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ

Оформление обложки О.Е. Максимов
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Н.Н. Панова
Корректор С.Е. Шелимова

Подписано к печати 26 / XI – 2025 г.

Формат 60x84/16

Усл. печ. л. 14,3 Уч.-изд. л. 13,3

Тираж 300

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7 (499) 124-32-15

e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6